АЛЕХИН

Юрий Шахуров

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей предлагается биография первого русского чемпиона мира по шахматам, человека удивительно яркой и вместе с тем трагической судьбы Александра Александровича Алехина (1892–1946). Написанная на строго документальной основе, с привлечением новых, ранее не известных источников, обнаруженных автором в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, книга прослеживает жизненный путь гениального шахматиста на всем его протяжении — с рождения в Москве до таинственной смерти в гостинице маленького португальского городка Эшторил.

- Юрий Шабуров
  - ПЕРВЫЙ РУССКИЙ НА ШАХМАТНОМ ТРОНЕ
  - ГЕНИЙ ШАХМАТ
  - ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ
  - СТУПЕНИ РОСТА
  - ВОСХОЖДЕНИЕ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ
  - ПЕРЕПАДЫ СУДЬБЫ
  - ШТУРМ ОЛИМПА
  - МАТЧ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО ШАХМАТ
  - ПОД ГНЕТОМ ОДИНОЧЕСТВА
  - РАВНЫХ НЕТ
  - СПАД И НОВЫЙ ПОДЪЕМ
  - ГОДЫ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ
  - НАВЕЧНО В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ
  - О ЧЕМ АЛЕХИН НЕ ЗНАЛ
  - ВЕРСИИ О КОНЧИНЕ АЛЕХИНА
  - ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ
  - ИЗ ЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ПОБЕД
  - ЧЕМПИОНЫ МИРА — СОВРЕМЕННИКИ ОБ А. А. АЛЕХИНЕ
  - ВЕЛИЧАЙШИЙ ШАХМАТИСТ ВСЕХ ВРЕМЕН
  - ПАМЯТНЫЕ МЕСТА АЛЕКСАНДРА АЛЕХИНА В МОСКВЕ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. А. АЛЕХИНА
  - УКАЗАТЕЛЬ ШАХМАТНЫХ ПАРТИЙ И ОКОНЧАНИЙ
  - АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes

○ 1

Юрий Шабуров
АЛЕХИН

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ НА ШАХМАТНОМ ТРОНЕ

Приняв предложение издательства дать предисловие к книге Ю. Шабурова «Алехин», я вспомнил, что уже среди первых книг серии ЖЗЛ, в 1936 году, была издана книга «Стейниц. Ласкер» — о первом и втором чемпионах мира по шахматам. Затем в 1973 году в сборнике «Спортсмены» вышел очерк гроссмейстера и писателя А. Котова «До последнего дыхания» (Александр Алехин). И вот теперь читателю предстоит встреча с обстоятельной книгой об Александре Александровиче Алехине — первом русском на мировом шахматном троне…

Автор книги, следуя классической традиции серии ЖЗЛ, прослеживает жизненный путь Алехина от рождения в Москве 31 октября (по новому стилю) 1892 года до таинственной смерти в гостинице португальского городка Эшторил 24 марта 1946 года. Обращенная к широкому кругу читателей, книга построена на документальной основе. Автору удалось привлечь ранее неизвестные архивные источники, что позволило расшифровать многие «белые пятна» в биографии великого шахматиста. Впервые обстоятельно рассказывается о жизни Алехина в Советской России (с октября 1918 по май 1921 года), о периоде, который прежде был совершенно неизвестен. Автор сумел устранить целый ряд досадных ошибок и неточностей, касающихся нашего соотечественника и кочующих по страницам периодических изданий и книг. Читатель узнает интересные сведения о родителях чемпиона: отце Александре Ивановиче Алехине — предводителе дворянства Воронежской губернии и члене IV Государственной Думы; матери Анисье Ивановне (урожденной Прохоровой), дочери известного московского фабриканта и мецената, которая и познакомила шестилетнего Александра с правилами шахматной игры. Известен в шахматном мире был и старший брат Алехина Алексей.

Алехин — гениальный шахматист и человек яркой и трагической судьбы. Великие потрясения XX века оставили след во всей его биографии. В гражданскую войну он был арестован ЧК в Одессе по клеветническому доносу и едва избежал расстрела; работал в Одесском губисполкоме, Военно-санитарном управлении Харьковского округа, Центральном следственно-розыскном управлении в Москве, был принят кандидатом в члены РКП; работал переводчиком в Коминтерне; увлекался кинематографом и едва не сделался профессиональным актером.

В мае 21-го года — эмиграция, и затем 25 лет жизни на чужбине — годы борьбы и признания, падения и подъема, славы и отчуждения, достатка и нужды, и неизбывная тоска по Родине.

Алехин участвовал в двух мировых войнах. И оба раза добровольцем: в 1916 году в русской армии, где был награжден за вынос раненых с поля боя двумя Георгиевскими медалями и орденом Святого Станислава; в 1939 году — во французской армии. В годы Второй мировой войны во Франции и других странах, оккупированных немцами, а также в самой Германии продолжал участвовать в шахматных состязаниях, обеспечивая жизнь свою и своей жены; впоследствии это было использовано недоброжелателями Алехина для обвинения его в сотрудничестве с нацистским режимом. Полны драматизма страницы о стремлении и попытках Алехина до и после войны наладить контакты с Родиной и интригах тех, кто в СССР и за рубежом этому всячески препятствовал, кто хотел отлучить чемпиона мира от шахмат именно в то время, когда реальной и весьма близкой стала возможность его приезда в Советский Союз в связи с уже обусловленным матчем с чемпионом СССР М. Ботвинником. Автор книги останавливается и на приписанных Алехину антисемитских статьях, опубликованных в 1941 году в газете «Паризер цайтунг», и доказывает, что они были фальшивкой.

О творчестве Алехина-шахматиста написано много. Находясь в жестких рамках предисловия, приведу лишь некоторые данные, которые дают представление о характере самого Алехина и о его шахматном стиле. Статистика зафиксировала, что Алехин в 63 турнирах из 88 был первым (в том числе и в 14 из 17 турниров, сыгранных им в последние, самые трудные годы жизни). Из 24 матчей он одержал победу в 18, 4 свел вничью и проиграл только 2.

В 1913 году, впервые встречаясь с Капабланкой, Алехин проигрывает ему. В 1914 году в престижном турнире занимает 3-е место, вслед за Ласкером, тогдашним чемпионом мира, и Капабланкой, прогнозирует, что следующим чемпионом мира станет Капабланка, и заявляет о своем намерении вызвать его на матч. Этот матч состоялся в Буэнос-Айресе в 1927 году, и Алехин, прежде не выигрывавший у Капабланки ни разу, одерживает верх, при 6 победах, 25 ничьих и 3 поражениях, то есть с двукратным преимуществом. Результат был ошеломляющим! Ведь организаторы обещали короткий матч: «Каких-нибудь двух недель будет достаточно, чтобы дон Хосе выиграл нужные шесть партий. Победа его будет встречена ликованием всей страны. После разгрома Алехина вряд ли кто посмеет еще раз вызвать на матч Капабланку…» К чести хозяев надо сказать, что ликование

действительно было, и восторженные аргентинцы на руках несли победителя в отель. И мало кто знал, что, пока шли первые десять партий, у Алехина в связи с острым воспалением надкостницы удалили шесть зубов. Утром — в кресле дантиста, вечером — за шахматным столиком. В эти дни он проиграл Капаблапке 3-ю и 7-ю партии.

В 1935 году Алехин принял вызов голландца Макса Эйве и уступил ему звание чемпиона мира (9 поражений, 8 побед, 13 ничьих). Но через два года, играя в той же Голландии, уверенно победил в матче-реванше с результатом 15,5:9,5 (+10, –4, =11). И это в обстановке, когда практически все вокруг желали Алехину поражения. Э. Ласкер, один из немногих, кто поддерживал тогда Алехина, восторженно и образно оценил финальную часть 22-й партии, где Алехин блестяще использовал коня: «конь мощностью в тысячу лошадиных сил». Сам Эйве признал: «Алехин восстановил репутацию сильнейшего среди живущих шахматистов и подтвердил веру в то, что он величайший шахматист всех времен». В печати промелькнуло также сообщение, что при закрытии матча антиалкогольное общество Голландии преподнесло Алехину корзину с лучшими в мире молочными продуктами. Как приз за победу над самим собой и как напоминание о прошлом проигранном матче.

Победа над Эйве вернула Алехину капризную любовь миллионов болельщиков. Он стал первым из чемпионов мира, возвративших себе титул после поражения. Кстати, в литературе отмечалось, что почти все призы за красивейшие партии Алехин получил в играх, которые он проводил на следующий день после поражения.

Соперниками Алехина были не только представители шахматной элиты. Он сыграл около 28 тысяч партий в сеансах одновременной игры. В 1932 году в Нью-Йорке за каждой из 50 досок против играла фактически команда из четырех человек, и при этих условиях он выиграл 30 партий, а 14 завершил вничью. Легендой стал сеанс Алехина против немецких офицеров, когда Германия на весь мир вещала о своих победах в России: из 75 офицеров только 2 получили ничью. Неповторим был Алехин в сеансах вслепую. Капабланка говорил, что в этом виде шахмат «Александр Алехин не имеет себе равных среди мастеров прошлого века и настоящего. Подражать ему в этой области абсолютно невозможно». Мне уже доводилось отмечать, что среди чемпионов мира Алехину принадлежит рекорд по числу эффектных миниатюр, что ему часто для победы 30 ходов было много, хватало 20. Хотел бы привести слова одного шахматного любителя о том, что если бы у гроссмейстеров были гербы, то на

алехинском мог быть девиз: «Мысль и воля, натиск и победа». И самую последнюю в своей жизни партию, играя черными и находясь, казалось бы, в проигрышном положении, он закончил победой.

Похвально, что в книге уделено большое внимание посмертной судьбе Алехина, которая у гениев всегда дольше их земной жизни.

Нередко задают вопрос: что же это за феномен — шахматы? Игра, спорт, искусство, наука? Жизнь и творчество Алехина помогают лучше осознать, что шахматы — это одновременно и игра, и спорт, и искусство, и наука. Как в игре и спорте, движущим и мобилизующим началом в шахматах является принцип состязательности, борьба за первенство. Как в искусстве, здесь торжествует вдохновение, или, говоря словами В. Г. Белинского, «внезапное постижение истины». Наконец, самые удачные шахматные решения — это всегда итог всестороннего изучения возникающих на доске позиций с учетом возможных вариантов их развития. Такие решения, конечно же, классический пример научного, диалектического мышления. Кстати, уместно вспомнить, что одна из книг Эмануила Ласкера вышла с предисловием великого ученого Альберта Эйнштейна. Отмеченные свойства шахмат, а также их демократичность (в смысле доступности людям разного достатка) и интернационализм (шахматный язык не нуждается в переводчиках) обеспечили шахматам широчайшую популярность в мире. Мне представляется, что выходящая в популярной серии ЖЗЛ книга об Алехине — непобежденном чемпионе мира — будет с интересом встречена как профессионалами, так и любителями шахмат.

…Уже самые первые книги серии, созданной по инициативе А. М. Горького и адресованной массовому читателю и прежде всего молодежи, имели тираж 40 тысяч экземпляров, а в дальнейшем — 100, 150 тысяч и даже больше. И всегда были не только востребованы, но и дефицитны. Сегодня же, в силу обстоятельств, в которых оказались и издательства, и массовый читатель, большим считается тираж 5–10 тысяч экземпляров. С сожалением отмечая этот «прогресс», желаю «Молодой гвардии» в будущем достигнуть былых тиражей. Такое достижение по праву будет одним из убедительных доказательств духовного и экономического возрождения нашей России.

АНАТОЛИЙ КАРПОВ, 12-й чемпион мира по шахматам

ГЕНИЙ ШАХМАТ

В многовековой истории шахмат немало выдающихся мастеров. Выявить среди них самого лучшего шахматиста всех времен и народов непросто, ибо теория и практика шахматной игры постоянно совершенствуются. И тем не менее такие попытки неоднократно предпринимались путем сравнения спортивных достижений и качества игры, опроса ведущих гроссмейстеров мира, историков, читателей специализированных и массовых периодических изданий. И, как правило, величайшим шахматистом всех времен называли и признают до сих пор русского гроссмейстера, непобежденного чемпиона мира Александра Александровича Алехина. Ведь именно он в 1927 году опроверг утверждение тогдашнего чемпиона мира Хосе Рауля Капабланки и его предшественника Эмануила Ласкера о неминуемой «ничейной» смерти шахмат.

Творчество Алехина имеет непреходящее значение для истории шахмат, он прямой наследник и продолжатель дела Михаила Ивановича Чигорина, основоположника русской шахматной школы, гордость России.

С М. И. Чигориным его роднили преданность шахматам, вера в их безграничные творческие возможности. «Для меня шахматы не игра, а искусство», — писал Алехин. Цель шахмат он видел «в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств».

Алехину принадлежит особая заслуга в творческом обогащении шахмат. «Комбинация — душа шахматной партии», — говорил он и блистательно доказывал это утверждение. Комбинации Алехина логически вытекали из самой стратегии игры.

Партии Алехина поражают богатством идей, желанием избежать пресной, шаблонной игры, неожиданными оригинальными комбинациями и тонкими маневрами, атакующим, динамичным стилем. Неустанные творческие поиски здесь слиты воедино с жесткой спортивной, психологической борьбой, с неуклонным стремлением к полнокровной игре, к победе. Такой подход к шахматам принес Алехину великолепные спортивные результаты. Участвуя в 88 турнирах, он в 63 завоевал первые призы, а из 24 матчей выиграл 18 и свел вничью 4. Во всех этих состязаниях им было сыграно 1272 партии, из которых 741 завершилась его победой, а 127 — ничейным результатом. Многие партии Алехина были отмечены призами за красоту.

После Эмануила Ласкера, который под разными предлогами

избегал матчей с наиболее опасными для себя соперниками, Александр Алехин дольше всех находился на шахматном престоле — 16 лет 3 месяца и 25 дней он почитался всеми как чемпион мира. Это высокое спортивное звание Алехин никому не уступил и ушел из жизни 24 марта 1946 года непобежденным.

В основе достижений Алехина, помимо огромного таланта и феноменальной шахматной памяти, были большая самозабвенная работоспособность, самокритичность, умение объективно оценивать творчество партнеров, высокая психологическая устойчивость, постоянный настрой на победу. Гармоничное сочетание этих качеств и позволяло ему открывать новые пласты в теории древней игры, брать верх над своими искушенными, маститыми соперниками.

Из плеяды великих шахматистов Алехин был последним гроссмейстером, проповедующим самостоятельный, творческий подход к шахматам. Начиная с Макса Эйве, привлекшего к себе на помощь в 1935 году группу мастеров, в шахматах появился институт тренерства, исключающий самостоятельное творчество чемпионов мира и претендентов на этот титул. При таком коллективном сотрудничестве трудно определить, кому конкретно пришла та или иная идея.

Значителен вклад, внесенный Алехиным в популяризацию шахмат. Он много выступал в самых разных странах с лекциями и сеансами одновременной игры, в которых им было сыграно около 28 тысяч партий. Внушительная цифра…

Александр Алехин является и поныне одним из лучших шахматных литераторов. Его перу принадлежат книги, многие статьи и комментарии к партиям, на которых учатся все новые и новые поколения любителей шахматной игры.

Для большинства шахматистов Александр Алехин — давний кумир. Они с удовольствием разбирают его партии, удивляясь неистощимой фантазии и глубокому проникновению в тайны позиций, изучают книги и статьи Алехина, стремясь усовершенствовать свою собственную игру. И нет, пожалуй, для шахматиста более высокой оценки, чем признание, что в какой-то партии он играл по-алехински. Значит, ему удалось провести эту встречу на высоком творческом подъеме, в атакующем стиле, значит, в ней были и тонкие позиционные маневры, и далеко не очевидные интересные комбинации. Такие партии надолго остаются в памяти не только самих партнеров, но и зрителей, украшают турнирные сборники и личные тетради — дневники.

По свидетельству тех, кто с ним общался, Александр Александрович Алехин был не только гениальным шахматистом, но и всесторонне развитым человеком, человеком высокой

культуры, громадного, всеобъемлющего ума, достойно представляющим русскую интеллигенцию. Достаточно сказать, что он владел шестью языками. В 1925 году ему была присвоена ученая степень доктора права.

Александр Алехин беспредельно любил шахматы, и, в сущности, вся его жизнь была посвящена им. Постоянно стремясь к более глубокому познанию шахматной игры и совершенствованию своего стиля, он настойчиво искал встреч с сильными соперниками, участвовал в крупнейших международных турнирах. Во имя неистовой любви к шахматам ему не раз приходилось круто менять свой жизненный курс, претерпевать страдания. В его судьбу вторгались политические потрясения, заставившие в 1921 году покинуть Родину, а во время Второй мировой войны пройти на чужбине через многие лишения. Случались и полные трагизма события.

Работая над книгой, автор исследовал фонды 14 государственных, партийных и ведомственных архивов, а также ряда библиотек и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа. В процессе многолетних поисков были найдены ранее неизвестные архивные документы, связанные с жизнью Александра Александровича Алехина. Изучение их показало, что они содержат очень интересные, ценные сведения, позволяющие внести ясность в так называемые белые пятна биографии Алехина, получить более полное представление о нем. В частности, у автора появилась возможность обстоятельно рассказать на основе документов о том периоде жизни Александра Алехина (с октября 1918 года по май 1921 года), который был никому неведом.

Наряду с работой в архивах автор знакомился с отечественными и зарубежными литературными источниками. При этом было установлено, что в ряде прежних публикаций допускались вымыслы и ошибочные толкования отдельных эпизодов жизни Алехина, а также искажения и неточности в датах, именах… Автором устранены эти досадные огрехи. В основу книги положены документально подтвержденные материалы. Полагая, что наиболее достоверные сведения о жизни и творчестве Александра Александровича Алехина содержатся в воспоминаниях его современников, автор счел своим долгом привести их в книге. Эти воспоминания не только помогают лучше воссоздать образ Алехина, но и доносят до нас дыхание ушедшей в прошлое эпохи.

Автор выражает признательность сотрудникам архивов, библиотек и музеев, а также энтузиастам шахмат, оказавшим ему помощь в подготовке этой книги, и надеется, что она встретит

доброжелательный прием у читателей.

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Чем обусловлено появление среди нас гения? Божьей волей (говорят же, что талант — от Бога)? Чудесным стечением явлений природы и непонятно ведущими себя генами родителей и их предков?.. Тайна, загадка.

Можно ли распознать, увидеть приметы высоко одаренного человека на ранней стадии его жизни? На этот вопрос, кажется, ответ дать проще.

Когда в Москве 19-го, а по новому стилю 31 октября 1892 года, в день рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского, в семье Алехиных появился на свет еще один ребенок, ничто, конечно, не предвещало его великого шахматного будущего. Это был тихий, спокойный мальчик, из тех младенцев, которых близкие нередко называют золотыми детьми. Неудивительно, что в семейном кругу почти сразу же закрепилось ласковое обращение к новорожденному — Тишайший, а еще чаще — Тиша. Так его и будут впредь зачастую называть все детские и юношеские годы домочадцы и товарищи по гимназии, тем более что он, фанатично увлекаясь шахматами, часто будет просиживать над ними в уединении от ровесников.

А имя Александр он получил 10-го, а по новому стилю 22 ноября 1892 года в московской церкви Александра Невского при Александровском приюте Комитета «Христианская помощь», находившемся в Борисоглебском переулке. На обряде крещения в роли восприемников были приехавший из Воронежской губернии потомственный дворянин, штабс-капитан в отставке Иван Ефимович Алехин, дед новорожденного, и жена потомственного почетного гражданина Москвы Анна Сергеевна Прохорова, приходившаяся младенцу тетей и много подарившая в дальнейшем душевного тепла своему племяннику. Таинство крещения совершил священник Сергий Фелицын совместно с псаломщиком Иваном Померанцевым; затем это событие и дата рождения, как и положено, были занесены в метрическую книгу.

Выбор имени новорожденному — Александр, вероятнее всего, определялся именем его отца. К тому же как раз накануне — 9 ноября — праздновалась память святого мученика Александра Солунского. Примечательно, что и само крещение проходило в церкви Святого Александра Невского; последняя же находилась при Александровском приюте, сооруженном в память 25-летия царствования императора Александра Второго, где также размещалась Александровская община сестер милосердия Российского общества Красного Креста.

Трехэтажное здание Александровского приюта, возведенное в 1880 году на средства Комитета «Христианская помощь», и одноэтажная пристройка, в которой находилась домовая церковь Александра Невского, освященная 11 сентября 1882 года, сохранились и поныне. После Октябрьской революции 1917 года приют был упразднен, и в освободившемся здании, сменяя друг друга, размещались различные учреждения, а помещение церкви, закрытой в начале 1920-х годов, использовалось под хранение архивов.

Конечно, за минувшие 70 лет оба здания потеряли былой благоустроенный вид, особенно то, в котором находилась церковь. Тем не менее Петр Паламарчук, автор знаменитого четырехтомного альбома-указателя всех московских церквей «Сорок сороков», отмечает, что эта «постройка интересная, необычайной формы…». Для нас же она примечательна еще и тем, что в этом небольшом московском храме как бы начался отсчет жизни человека, ставшего известным всему миру под именем Александр Алехин.

Его родители Александр Иванович Алехин и Анисья Ивановна, в девичестве Прохорова, были православного вероисповедания и ко времени появления третьего ребенка находились в браке 6 лет. Их венчание состоялось 1 (13) июля 1884 года в Преображенской села Спасского-Тушина церкви, стоящей на Воскресенской дороге (ныне Волоколамское шоссе) близ Москвы, а свадьба праздновалась в обширном доме купцов-промышленников Прохоровых, неподалеку от этого красивого храма, в Покровском-Глебове.

По свидетельству ныне живущих в Москве потомков Прохоровых, с которыми автор встречался, бракосочетанию предшествовала нередкая для того времени процедура — сватовство по заранее наведенным справкам. Мать Анисьи Ивановны — Анна Александровна (в девичестве Алексеева), супруга основателя «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры» Ивана Яковлевича Прохорова, принадлежавшая к купеческому сословию, стремилась выдать своих трех детей непременно за дворян. Александр Иванович Алехин вполне соответствовал ее требованиям — потомственный дворянин, он окончил историко-филологический факультет Московского университета и владел немалым поместьем в Воронежской губернии. Ему было тогда 27 лет, а невесте, — получившей хорошее домашнее образование, с приглашением репетиторов, 23 года.

Небезынтересно в связи с этим заметить, что предки новобрачных в четвертом-пятом поколениях принадлежали к

одному сословию — крестьянам. Алехины в середине XVIII века жили и трудились в Старооскольском уезде Курской губернии, а прапрадед Анисьи Ивановны — Иван Прохорович Прохоров принадлежал к монастырским крестьянам Троице-Сергиевой лавры, занимая должность штатного служителя. Надо полагать, что и Алехины, и Прохоровы были наделены большим трудолюбием и незаурядными способностями к предпринимательству. Иначе бы, конечно, Алехины не стали крупными землевладельцами, а Прохоровы — фабрикантами.

К тому времени, когда у Алехиных появился очередной ребенок, глава семьи Александр Иванович, имевший в ту пору невысокий чин коллежского асессора, уже четвертый год являлся одним из директоров крупнейшего московского текстильного предприятия — «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры» и к тому же вел большую работу в различных учреждениях Воронежской губернии, где владел родовым имением. Его жена — Анисья Ивановна, у которой оставалась доля в деле отца — в прибылях фабрики, стала многодетной матерью и, разумеется, полностью погрузилась в семейные заботы. Ведь старшему их сыну — Алексею тогда было лишь четыре года, а дочери Варваре и того меньше — три года. Этим ребятишкам будет суждено расти вместе с младшим братом — Александром, делить с ним детские радости и вступать в мир познаний

Алехины никогда не имели в Москве собственного дома. После того как они покинули особняк Прохоровых, им пришлось снимать квартиры у разных домовладельцев. В 1892 году Алехины жили в большом двухэтажном доме, находившемся в глубине двора, за одноэтажным с мезонином особняком вдовы московского купца Евдокии Андреевны Кузнецовой. В принадлежавшем ей так называемом доходном доме были комфортабельные квартиры с комнатами на двух этажах.

Одну из них, за № 1, она сдавала Анне Александровне Прохоровой, матери Анисьи Ивановны, а следовательно, и бабушке новорожденного. В квартире Алехиных было 10 комнат: 7 внизу — в том числе зал и гостиная, соединенные аркой, кабинет и 3 комнаты на втором этаже. Одна из них станет комнатой Александра Алехина. Его повзрослевшая сестра Варвара в дальнейшем отделится от семьи и займет соседнюю квартиру — № 2. Здесь ее будут навещать актеры, в том числе известная актриса Алиса Коонен.

К великому сожалению, дом Е. А. Кузнецовой не сохранился до наших дней. О его внешнем виде можно судить по рисунку, сделанному автором этой книги с чертежа, найденного в архиве.

В 1959–1960 годах на месте былых домовладений № 12, 14 и 16 было возведено массивное здание гостиницы современной архитектуры, ныне называемой «Арбат».

Представление о прежнем облике Никольского переулка сейчас можно составить лишь по другим уцелевшим здесь домам, да по остаткам сада рядом с нынешней гостиницей, где стоит двухсотлетний дуб, имеющий собственное имя — «Филимон». Вот они-то, наверное, многое помнят.

Тут бегали, играли и, как водится, шалили дети Алехиных, отсюда они ходили в гимназии на занятия. Их воспитанием дома занимались в основном Анисья Ивановна и Анна Александровна, а также строгая гувернантка, немка Мария Федоровна Кеслер. И если мать, обладавшая довольно широким кругозором, давала детям гуманитарные знания· приобщала к чтению, изучению истории и природных явлений, обучала, с привлечением репетиторов, французскому языку и музыке, то малообразованная, но очень энергичная, практичная бабушка давала житейские наставления, заботливо опекала внуков. У Анны Александровны было, наверное, немало свободного времени. Ее муж, Иван Яковлевич Прохоров, скончался 23 октября 1881 года в возрасте сорока пяти лет (он был похоронен в красивой часовне на Новодевичьем кладбище).

Руководство Трехгорной мануфактурой перешло к их сыновьям Сергею и Николаю Ивановичам, которым Анна Александровна дала хорошее техническое и коммерческое образование в высших учебных заведениях России и Прибалтики. Ее авторитет был непререкаемым для всех Прохоровых и их родственников, с ней держали совет по наиболее важным делам. Она первая появлялась на аукционах и предопределяла уровень сделок. Продукция «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры» славилась и неизменно отмечалась золотыми и серебряными медалями на всемирных промышленных выставках (в 1900 году в Париже высшая награда — Гран-при) и всероссийских ярмарках. Образцы тех тканей, сохранившиеся в музее Трехгорного хлопчатобумажного комбината, поражают изумительными рисунками, сочными красками, качеством отделки. Удивительным мастерством, тонким вкусом были наделены в то время специалисты и рабочие Трехгорки.

Прохоровы были культурными и даровитыми людьми, но все их время и внимание, особенно у мужчин, были отданы фабрике. Благодаря их стараниям фабрика постоянно расширялась, технологический процесс совершенствовался, основной капитал «Товарищества» рос. Для рабочих предприятия на Пресне был построен и поныне сохранившийся целый городок со спальными

корпусами, детскими яслями, садами и приютом, родильным домом, больницей и богадельней, школой, техническим училищем, библиотеками и театром. Рабочие, не желавшие жить в спальных корпусах, получали деньги на наем квартир у домовладельцев. Уровень жизни рабочих, как свидетельствуют документы того времени и рассказы нынешних пенсионеров, всю жизнь трудившихся на Трехгорке, был, во всяком случае, не ниже социального положения рабочих иных предприятий.

Однако вернемся в тихий Никольский переулок, где подрастали дети Алехиных. Их досуг был наполнен многими интересными занятиями, в том числе игрой в шахматы. Первоначальные уроки им давала мать, Анисья Ивановна, неплохо разбиравшаяся в основах шахматной игры, — она всегда охотно садилась за шахматную доску. Среди детей разгорались азартные сражения, каждому хотелось объявить мат королю партнера. Особенно преуспевал в шахматах старший сын Алеша.

Но вскоре у него появился серьезный соперник в лице младшего брата, ставшего с увлечением играть с семилетнего возраста. Саша очень быстро постигал премудрости шахмат и готов был с упоением играть в них целыми днями. Видя это, бабушка подарила ему новый комплект шахмат, приятно пахнувший древесиной и блестящим лаком. Восторгу любимого внука не было предела. Он то и дело отрывался от других занятий, чтобы посмотреть на шахматную доску, подержать в руках утяжеленные свинцом фигуры. Когда брат и сестра были в гимназиях, Саша играл сам с собой, старательно обдумывая возможные ходы и за белых, и за черных. Его увлечение шахматами постоянно росло и вытесняло все другое. Дело дошло до того, что родители стали отнимать у него шахматную доску и куда-то убирать ее. Но если днем им удавалось разлучить Сашу с шахматами, то ночью препятствий не было. Он вставал с постели, находил шахматы и вновь расставлял шахматные фигуры, разбирал сыгранные накануне партии, искал, где допустил ошибочные ходы, где мог сыграть лучше.

Эта ранняя одержимость, слабо контролируемая взрослыми, безусловно, повлекла за собой перенапряжение сил детского организма. И, как говорила позже его сестра Варвара Александровна Алехина, «возможно, что на этой почве Алехин и пережил в детском возрасте воспаление мозга».

Сейчас трудно сказать, что явилось основанием заболевания Саши, — менингит вызывается разными причинами, и им нередко болеют дети. Болезнь Саши протекала тяжело, его отстранили от всех занятий, в том числе и от шахматной игры…

В начале августа 1900 года семью Алехиных постигло горе —

умерла малолетняя дочь Ася. Это повлекло за собой переезд семьи Алехиных на другую квартиру. В 1901 году они поселились на два года в доме жены статского советника Екатерины Ивановны Станицыной на улице Пречистенке (ныне в этом здании размещается музей Л. Н. Толстого). Какую часть дома занимали тогда Алехины, установить не удалось. Но, по всей вероятности, девятилетний Саша Алехин, преодолев болезнь, именно отсюда поступил в частную мужскую классическую гимназию Л. И. Поливанова. Она находилась совсем рядом, тут же на Пречистенке, в доме № 32, где ныне музыкальная школа. Так в биографии Александра Алехина начался важный жизненный этап — вхождение в мир знаний вместе с ровесниками и, конечно же, — долгожданный старт в первых шахматных турнирах.

СТУПЕНИ РОСТА

Бытует мнение, что для достижения высоких спортивных результатов шахматисту нужно непременно иметь математические способности. Это далеко не так. В основе аналитического мышления шахматиста лежит прежде всего пространственное воображение. А поэтому путь на шахматный Олимп открыт не только тем, кто тяготеет к техническим наукам.

Один из ярких примеров — Александр Алехин, который не проявлял интереса к математике, а был предрасположен к изучению истории, литературы, иностранных языков.

Надо отдать должное его родителям, — зная наклонности младшего сына, они определили Сашу в гимназию с четко выраженным гуманитарным направлением. Особое внимание уделялось в ней изучению классических произведений литературы, русского, иностранных и древних языков, проводилось внеклассное чтение и ставились ученические спектакли. И хотя владелец и директор гимназии, основанной в 1868 году, видный педагог, литературовед и общественный деятель Лев Иванович Поливанов в 1899 году скончался, его прогрессивные методы обучения продолжали здесь осуществляться. О них хорошо рассказано в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» поэта Андрея Белого, окончившего это учебное заведение: «В девяностых годах она была лучшей московской гимназией; в ней отрицалась «казенщина»; состав преподавателей был довольно высок; преподаватели принадлежали к лучшему московскому культурному кругу… человечность, культурность подчеркивалась во всем стиле преподавания; и подчеркивалась личность ученика…»

Репутация у гимназии была отменная. Среди ее воспитанников были многие деятели отечественной культуры: философы В. С. Соловьев и Л. И. Лопатин, поэт В. Я. Брюсов, актер П. М. Садовский. Сюда отдавали своих сыновей Л. Н. Толстой и А. Н. Островский. Среди учащихся можно было увидеть потомков дворян и купцов, врачей и адвокатов, чиновников и мелких служащих. В гимназию принимались лишь дети христианского вероисповедания. Программой предусматривался курс обучения — приготовительный и восемь классов, с возрастающей оплатой учебы — в приготовительном классе 180 рублей, в 1–3-х — 230 рублей и далее по 250 рублей в год. За пансионеров вносилась плата сверх того в 500 рублей. Форма одежды гимназистов была черного цвета: блуза, брюки, кожаный ремень.

Саша Алехин был в числе лучших учеников Поливановской гимназии. Он постоянно получал отличные оценки по истории, литературе, французскому языку, другим предметам. Причем все эти предметы давались ему без видимых усилий. По воспоминаниям одноклассников, он, как правило, к урокам не готовился, учебников с собой никогда не брал, кроме как по латинскому языку, объяснений преподавателей не слушал, а сосредоточенно анализировал шахматные позиции. Пропущенное навёрстывалось им просто. Обладая удивительной памятью, Алехину достаточно было на перемене заглянуть в учебник, переспросить товарища, чтобы понять задание и точно ответить на вопросы преподавателей. В числе его товарищей были тогда Вадим Шерешевский, Лев Остроумов, Лев Поливанов — сын директора гимназии, Павел Попов, Николай Станкевич.

Вспоминая совместную учебу с Алехиным в 6–8-х классах, профессор МГУ П. С. Попов в 1956 году рассказывал: «…Он писал очень хорошие сочинения. До сих пор я помню два сочинения Алехина на темы: «Влияние природы на человека» и «Драматургия Пушкина и Шекспира по «Борису Годунову» и «Макбету». Тиша хорошо владел французским языком, безошибочно писал по-французски; по истории преподаватель Ю. Готье (ставший впоследствии академиком) неизменно ставил ему пятерки».

Саша Алехин был исключительно грамотен, очень много читал. Роман Л. Толстого «Воскресение» прочел в десятилетнем возрасте. Особенно любил произведения А. Чехова, которым в то время увлекались многие. С Павлом Поповым Саша даже устраивал состязания, кто лучше знает творчество Чехова: один говорил название какого-то рассказа, а другой должен был подробно изложить его содержание. Или наоборот — один пересказывает содержание произведения, а другой называет точное заглавие рассказа. Дома у Алехиных дети ставили спектакли, преимущественно по очень модным тогда произведениям Чехова. Инициатором таких постановок была его сестра Варя, увлекавшаяся театром, а братья и их товарищи охотно помогали ей, — исполняя разные роли.

Для Саши Алехина время начала учебы в гимназии совпало со снятием своеобразного карантина, в период которого из-за болезни были запрещены занятия шахматами. Ни минуты не теряя, девятилетний мальчуган бросился в бурные схватки со старшим братом Алешей, преуспевшим за это время в шахматах. Не упускал случая сыграть партию-другую с приходившими к брату товарищами. Успехи его росли, партнеры все чаще пасовали перед натиском фигур азартного Тиши.

Огромное впечатление произвел на Сашу рекордный по тому времени сеанс одновременной игры вслепую Гарри Нельсона Пильсбери. Он состоялся 1 декабря 1902 года в Дворянском Собрании Москвы во время гастрольной поездки американца по России. Сеансеру противостояло 22 шахматиста, и длилась игра 10 часов. Результат сеанса был изумительный — Пильсбери победил в 17 партиях, 4 свел вничью и лишь одну проиграл. Провидец умело фиксировал в памяти весь процесс шахматной игры одновременно на 22 досках, не видя перед собой ни фигур, ни партнеров. Поразительное явление.

Александр Алехин, также ставший потом великим мастером игры вслепую, вспоминал: «Об игре, не глядя на доску, я услышал впервые 9-летним мальчиком. В это время мой родной город — Москву посетил Пильсбери, который дал здесь сеанс одновременной игры вслепую на 22 досках. Я сам тогда не имел еще доступа в шахматный клуб, но мой старший брат принимал участие в сеансе и сыграл с Пильсбери вничью. Достижение Пильсбери подействовало на меня ошеломляюще. Впрочем, таково же было впечатление всей шахматной Москвы»…

Тут автор книги вынужден заметить, что во многих прежних публикациях кочевало утверждение о том, что Саша Алехин был очевидцем феноменального сеанса Пильсбери — исправим это заблуждение.

В конце 1902 года гостем Москвы был не раз приезжавший сюда из Санкт-Петербурга Михаил Иванович Чигорин. Он глубоко почитался всеми русскими шахматистами, и наблюдать за его игрой было большим удовольствием. Но Саша Алехин по своему малолетству не мог быть тогда очевидцем игры Чигорина, и тут тоже следует сделать поправку в прежних публикациях. Подростку в то время оставалось лишь слушать рассказы старшего брата Алеши и его товарищей, читать газеты и вырезать из них чигоринские шахматные отделы, печатавшиеся в газете «Новое время» и в приложениях к журналу «Нива».

Шахматная тема постоянно присутствовала в жизни семьи Алехиных, и поэтому не случайно в 1903 году в списке жертвователей на организацию III Всероссийского турнира оказались имена всех трех детей Алехиных: Алексея, Варвары и Александра. А внес эти деньги, надо полагать, Алеша.

В гимназические годы Саша Алехин, по свидетельству одноклассников, был нервным, рассеянным, вихрастым подростком с угловатыми движениями и легкой, неровной походкой. Читая, из-за слабого зрения низко наклонялся над книгой. Держался замкнуто, чувствовалось по всему, что у него какой-то особый мир, свои интересы. Нередко проказничал, был

задирой и упрямцем, хотя его в гимназии и называли Тишей.

Оживлялся Алехин на уроках, лишь когда выпадала возможность сыграть в шахматы с кем-либо из одноклассников. Павел Сергеевич Попов вспоминал: «Его постоянными партнерами были ученики Лев Поливанов, Лев Остроумов, Вадим Шерешевский. Все они играли, конечно, гораздо слабее Саши. Для игры Остроумов держал в своей парте грифельную доску, на которой была начерчена шахматная доска, а фигуры рисовались мелом. По мере передвижения они стирались и мелом наносились на другое поле. Алехин всегда играл вслепую, не видя перед собой позиции. Нередко во время урока вдруг слышался довольно громкий голос Тиши, передававшего очередной ход своим партнерам. Парта находилась близко от учителя, но преподаватели сравнительно мягко реагировали на эти «шахматные шалости».

Сосед Алехина по парте Попов не понимал тогда всей глубины увлечения Тиши шахматами, ибо сам не играл и существа игры не знал. Более того, он считал их пустой затеей, о чем и говорил Алехину. Тот удивлялся, кипятился и отвечал, что шахматы — это большое общественное дело, а не игрушки, что каждый образованный человек должен знать имя Чигорина.

Уже с 5–6-го класса Алехин мечтал о славе. Колебался только, по какой пойти дороге — дипломатической или шахматной. Попов советовал ему избрать путь дипломата и поступить в Училище правоведения, помогал по математике и физике. Они вместе готовились к экзаменам.

Попов часто бывал у Алехиных в Никольском переулке. В комнате Александра, наверху, на столе всегда стояли шахматы и шахматные часы.

Домом заведовала немка-гувернантка, которую дети в разговоре между собой называли «Низя» — именно так педантичная немка произносила слово «нельзя», требуя от детей соблюдения аккуратности и порядка. Подростки роптали, а Тиша в знак протеста против такой придирчивости даже дважды уходил из дома. В первый раз он поселился у родственников матери на Поваренной улице, а в другой — у бабушки на Спиридоновке. Спустя несколько дней Тиша оба раза возвращался домой и старался избегать встреч со строгой немкой. Подчас вещи детей приводил в порядок и сам глава семейства. Но Александр Иванович делал это молча или с мягкой укоризной выговаривал провинившимся.

Начиная с 1902 года Саша с увлечением обсуждал и анализировал с братом ход его партий по переписке. Алексей участвовал тогда в заочных турнирах, организованных журналом

«Шахматное обозрение». С ним вместе, на правах младшего партнера, играл и Саша.

Для записи и анализа шахматных партий, игравшихся по переписке, десятилетний Саша Алехин завел в 1902 году специальную тетрадь в плотном коленкоровом переплете. На ней по диагонали было вытеснено крупными буквами «А. Алехин», а на обороте сделана собственноручная подпись. Не в пример учебным гимназическим тетрадям она заполнялась аккуратным почерком, без помарок.

В шахматной тетради Саши записано 68 встреч с заочными партнерами — участниками VI, VII, IX турниров по переписке, организованных журналом «Шахматное обозрение», такого же соревнования, устроенного по инициативе князя Ф. Шаховского, а также двух заочных матчей — с Верещагиным и Гейш-Оллисевичем. Первый ход в совместной с братом первой партии по переписке с Александровым Саша записал в тетрадь 20 ноября 1902 года. Братья действовали в наступательном стиле, проводили интересные, но не всегда достаточно глубокие комбинации. Почта приносила сообщения о капитуляции некоторых их соперников, но немало поражений терпели и гимназисты. Их игра зачастую все еще была поверхностна, наивна. Итоги дебюта в заочных соревнованиях огорчали: в VI турнире журнала «Шахматное обозрение» Саша оказался на шестом месте, а в VII — и того хуже, — лишь одну встречу им удалось свести вничью, а остальные партии они все проиграли.

Было отчего впасть в уныние, задвинуть шахматы подальше с глаз долой.

Однако Саша проявил себя стойким, волевым подростком, — он до конца доводит каждое состязание, аккуратно пишет под столбцом своих ходов роковое слово «сдался». Его усилия направлены на то, чтобы найти причины своих поражений, сделать выводы на будущее. Тщательному, придирчивому анализу подвергались все партии вне зависимости от их исхода. Читая его беспощадные комментарии, отчетливо видишь, как зрел, набирал силу талант юного шахматиста.

Тем не менее обескураживающие итоги турниров, видимо, требовали от Саши сделать паузу, и в его тетради нет записей, относившихся к 1904 году. Этот год был посвящен более глубокому изучению теории и тренировочным партиям с сильными московскими шахматистами, бывавшими в доме Алехиных. Именно этот период, вероятно, имел в виду Александр Алехин, когда писал: «Я играю в шахматы с 7 лет, но серьезно начал играть с 12 лет».

А теперь отвлечемся немного от шахмат и вспомним, что

1904 год принес в семью Алехиных несколько важных событий.

Первое из них — причисление Александра Александровича Алехина к потомственному дворянскому роду. Подлинный документ об этом акте сохранился в Государственном архиве Воронежской области, и он достоин того, чтобы привести его полный текст.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие из Воронежского Дворянского Депутатского Собрания, за надлежащим подписом и приложением печати, сыну Коллежского Советника Александра Ивановича Алехина — Александру, родившемуся, как удостоверяет Московская Духовная Консистория метрическим свидетельством от 4 ноября 1904 года за № 13945, от поименованного отца и законной его жены Анисий Ивановны девятнадцатого октября тысяча восемьсот девяносто второго года, в том, что он Александр Александрович Алехин, потомственный дворянин, сопричислен к роду г.г. Алехиных, утвержденному в правах потомственного дворянства указом Правительствующего Сената по Департаменту Геральдии, последовавшим в сие Собрание от 8 марта 1866 года за № 1284 и внесен во вторую часть родословной Книги дворянства Воронежской губернии, по определению сего Собрания, состоявшемуся 12 ноября 1904 года и что определение это по существу 359 ст. IX т. Св. зак. о сост. изд. 1899 г. за воспоследованием приведенного указа, представлению на ревизию в Правительственный Сенат не подлежит.

Гербовый сбор уплачен.

Ноября 26 дня 1904 года. Гор. Воронеж.

За Воронежский Губернский Предводитель Дворянства *АПИСОВ*

Секретарь Дворянства столоначальник *С. СТУЧКОВСКИЙ*

Второе событие — выдвижение Александра Ивановича Алехина земляками на важные общественные посты. Если до этого, уйдя в отставку 19 октября 1895 года, он тут же был избран членом Воронежского губернского по земским и городским делам присутствия, то теперь в 1904 году его избирают сначала

Землянским уездным (по месту нахождения поместья), а затем Воронежским губернским предводителем дворянства. Это был очень высокий, уважаемый пост, вводивший А. И. Алехина в близкий контакт с губернатором, вершителем всех дел на территории губернии. Конечно, занятие этого поста потребовало потом от Александра Ивановича более частых поездок в Воронеж и, следовательно, сократило время его общения с семьей.

Третьим событием стал отъезд Анны Александровны Прохоровой в Омск в качестве представительницы Общества Красного Креста. Это было вызвано Русско-японской войной 1904–1905 годов. С Дальнего Востока хлынул поток раненых русских солдат и матросов. Анна Александровна организовала в Омске большой лазарет и питательный пункт и заведовала ими до окончания войны.

В 1905 году Саша принял решение впредь играть по переписке самостоятельно, без участия старшего брата, и в тетради появился его детский личный инициал «Т» — «Тишайший», «Тиша», исключающий совпадение начальной буквы «А» в именах братьев при записи партий. Теперь он, уже имея горький опыт, действовал более осмотрительно и стремился поддерживать динамичное напряжение игры в течение всей партии. Перед его партнерами по прежним заочным соревнованиям предстал совсем иной соперник. Один за другим признавали свое поражение Омельянский, Манько, Гизе, Жуковский. Некоторые участники не знали о том, что им противостоит 13-летний гимназист, и обращались к нему в письмах, сообщающих очередной ход, почтительно. Так, князь Шаховской писал: «Милостивому Государю господину Алехину». Играя в XVI (гамбитном) турнире по переписке, проводимом журналом «Шахматное обозрение» в 1905–1906 годах, Саша Алехин завоевал первый приз.

Вслед за этим он вступил в I турнир по переписке, организованный Ф. Шаховским. Однако закончить это соревнование не удалось: Саша выбыл из турнира, набрав 6½ очков из 8 партий.

Игра по переписке, ставшая для Алехина хорошей шахматной школой теории и практики, требовала много времени. Надо было обдумывать ходы, определять план своих действий и готовить ответы на все письма сразу в нескольких партиях. Не успевая сделать это дома, он продолжал анализ шахматных позиций на уроках. Трудился вовсю. Чертил диаграммы и писал варианты на всем, что было под рукой: на листах бумаги, в ученических тетрадях, книгах, иногда принадлежащих соседу по парте…

«Весь углубленный в свои шахматные дела, Алехин настолько

выключался из окружающей его среды, что не всегда ясно сознавал, где он находится и какой идет урок, — вспоминал сосед Саши по парте Г. Корсаков в 1967 году. — Бывало, вдруг начнет вставать из-за парты. Класс затихал и напряженно ждал, что будет дальше. Постояв немного с растерянным видом и покрутив свой рыжий чуб, Алехин вдруг издавал радостное «Ага!», быстро хватал ручку и записывал придуманный ход. Если преподаватель задавал ему вопрос, то он, услышав свою фамилию, быстро вскакивал и некоторое время стоял молча, обводя класс прищуренными глазами, как бы старался понять, где он находится и что от него требуют. Все это происходило не больше секунды, после чего лицо Александра прояснялось и на повторный вопрос учителя он отвечал быстро и безошибочно».

Большинство преподавателей гимназии относились к Алехину благожелательно, не мешали ему в занятиях шахматами, но некоторые позволяли себе иронические замечания. «Помню как-то классную работу по алгебре, — продолжал свои воспоминания Корсаков. — Все юнцы притихли. Одни ученики, раскрасневшиеся, потные, взволнованные, поскрипывая перьями, торопятся скорее сдать письменную работу. Другие — бледные, растерянные, оглядываются по сторонам, всем своим жалким видом взывая к товарищеской помощи. Вдруг Алехин стремительно встает, с сияющим лицом молча обводит класс глазами и в то же время, по всегдашней привычке, крутит левой рукой клок волос, сбившихся на лоб.

— Ну что, Алехин, решили? — спрашивает его преподаватель Бачинский.

— Решил… Я жертвую коня… и белые выигрывают! — Класс содрогается от смеха… Хохочет в связи длинные усы всегда сдержанный Бачинский…»

А на квартире Алехиных в Никольском переулке, куда они вернулись после кратковременного проживания в доме Станицыной на Пречистенке и — в 1905 году — в доме Румянцевского музея во Втором Ваганьковском переулке, все чаще появлялись шахматные партнеры. Они приходили к старшему брату Саши — Алексею, с которым встречались, участвуя в турнирах Московского шахматного кружка, и играли примерно на одном уровне, в силу первой-второй категории. По тем временам это говорило о довольно высокой шахматной квалификации. В возникавшие поединки за шахматной доской включался, разумеется, и Саша Алехин. Ему поначалу трудно было противостоять таким сильным соперникам, но партии с участием Саши нередко вызывали интерес своей новизной, динамичностью. Очевидно было, что младший Алехин еще не

сформировался как шахматист, но его будущее представлялось многообещающим.

Процесс совершенствования игры Саши в какой-то мере ускорили занятия с шахматным мастером Федором Ивановичем Дуз-Хотимирским. С ним Алехин познакомился в 1906 году на квартире у первокатегорника Константина Ивановича Исакова. Спустя полвека Дуз-Хотимирский так вспоминал свое первое впечатление от встречи с юным шахматистом:

«Тиша», как его называли в семье Алехиных, выглядел не то подростком, не то юношей. Это был худенький и стройный блондинчик, учтивый и вежливый, серьезный и сосредоточенный. Он сразу же заставил забыть меня о том, что он еще, в сущности говоря, ребенок. Я поймал себя на мысли, что с этим «ребенком» можно говорить на любую тему, забывая, что перед тобой отнюдь не взрослый человек.

Мы заговорили о шахматах. «Тише» понравилось, когда я назвал имена своих любимых шахматистов, на партиях которых учился. Это были Морфи, Андерсен, Лабурдоне, Харузек и, в первую очередь, — Чигорин, которого я знал лично и очень любил как шахматиста и человека. «Тиша» с жадностью слушал меня. Когда же я сообщил, что в шахматах прежде всего пленяет их эстетика, возводящая шахматы на уровень искусства, глаза «Тиши» заискрились, а щеки покрылись легким румянцем.

Я пообещал ему в ближайшие же дни сыграть с ним несколько легких партий…»

Однако, как вспоминал Ф. И. Дуз-Хотимирский, их знакомство тогда не ограничилось легкими партиями. Саша попросил мастера «заниматься с ним шахматами регулярно и в первую очередь по теории дебютов». Федор Иванович согласился. О том, как проходили эти занятия, лучше самого наставника никто не расскажет. Дуз-Хотимирский вспоминал:

«…Мы встречались на квартире Алехиных, в одном из тихих переулков Москвы. Юноша мог часами выслушивать мои шахматные высказывания, к которым (говоря между нами) я основательно готовился дома. Темой наших «уроков» в течение первого месяца являлись обычные рассуждения по вопросам стратегии шахматной борьбы. Все рассуждения мы подкрепляли, естественно, примерами из практических партий.

Занятия продолжались, но я не мог судить об их эффективности. Юный Алехин слушал меня и молчал. То ли он не понимал меня, и вся моя работа шла, следовательно, «впустую», то ли, наоборот, он сугубо критически относился ко всем моим рассуждениям. И то и другое меня, конечно, не устраивало. Я готов был отказаться от дальнейших занятий, как

вдруг заметил на его столе убористую тетрадь, где на титульном листе значилось: «Я и Дуз-Хотимирский. Москва — 1906 г.» Я был озадачен и заинтригован. Алехин, находившийся здесь же, смутился: «Я собирался показать вам…» И протянул мне тетрадь.

Записи в тетради представляли собой «квинтэссенцию» всего сказанного мною за эти два месяца нашего знакомства. Эти записи были снабжены лаконичными примечаниями на полях вроде: «Возможно и так!», «Это интересно!», «Едва ли!», «Обратить особое внимание!», «Идея правильна, но как ее реализовать?» и пр. и пр.

Я с облегчением вздохнул. Мой труд не оказался напрасным!

Алехин делал быстрые успехи, его игра становилась все смелее и увереннее. Меня радовали инициативность этой игры, ее идейная насыщенность, многообразие мотивов в нападении и защите.

Через год юный Алехин выдвинулся в ряды сильнейших шахматистов Москвы и легко мог конкурировать с Блюменфельдом, Ненароковым, Гончаровым и со мною, которые считались тогда лучшими шахматистами города…»

Прерывая на этом выдержки из воспоминаний Ф. И. Дуз-Хотимирского, заметим, что Саша имел в то время хорошую практику дома. Его постоянным партнером по-прежнему был старший брат Алексей, получивший в турнирах Московского шахматного кружка первую категорию. В квартиру Алехиных часто заходили другие молодые московские первокатегорники: Василий Иванович Розанов, Константин Иванович Исаков, Николай Петрович Целиков, братья Алексей, Сергей и Павел Сергеевичи Селезневы. Пожалуй, наиболее постоянным партнером Саши был тогда В. Розанов, ставший в 1907 году его соперником в первой турнирной партии. Пока же в квартире Алехиных игрались легкие и консультационные партии.

Вспоминая о консультационной партии с Александром Алехиным, Н. П. Целиков писал: «…после окончания ветречи было большим наслаждением следить за его анализом. Варианты следовали за вариантами, каскад комбинаций поражал нас почти на каждом ходу. Он горел в такие минуты, голубые глаза на одухотворенном лице говорили о сильном возбуждении. Этот слишком напряженный «шахматный тонус» и обусловливал повышенную нервозность Алехина.

Желание доказать то или иное спорное положение конкретными вариантами роднило А. Алехина с Чигориным, творчество которого юный Алехин изучал еще, так сказать, со школьной скамьи.

Нам казалось, что он помнит все варианты, весь шахматный

материал, который он прочел. Временами А. Алехин жаловался на свою память, которая сохраняла много ненужных подробностей и загромождала, как он говорил, его голову ненужной рухлядью. Он мог посмотреть на таблицу цифр и почти мгновенно запомнить их. Вместе с тем надо отметить, что Алехин, хорошо учившийся в гимназии, был, однако, не в ладах с математикой. Этот факт еще раз показывает, что шахматные способности специфичны…»

Особенно ошеломляющее впечатление на партнеров и очевидцев производила игра юного Саши Алехина вслепую, в сеансах одновременной игры и даже по переписке, где противники имели, казалось бы, вдоволь времени на обдумывание позиции и ответных ходов. Выиграть вслепую, не видя доски и фигур, в 10 ходов у В. Ненарокова в 1907 году или в 16 ходов у В. Любимова в 1908 году! Такое трудно представить. И тем не менее такое было, и партии эти сохранились.

Однако столь эффектная игра совсем не означала, что Саша тогда уже поднялся на высокий уровень. Все еще было впереди, знаний и опыта не хватало, требовалась стабильность игры.

Вспоминая свой начальный путь в шахматах, Алехин об этом периоде скажет кратко: «В 12 лет попробовал играть вслепую. В 1907 году пошел в шахматный клуб».

К тому времени Московский шахматный кружок, сменивший за свою историю несколько адресов, переехал на улицу Большая Дмитровка в дом № 32. Не тот, многоэтажный с мебельным магазином, построенный в 1903 году, что выходит фасадом на улицу, а другой, старый двухэтажный особняк, оказавшийся теперь в глубине двора.

Переехал… Вернее сказать, вернулся. Вернулся в здание, памятное тогда всем московским энтузиастам шахмат. Ведь в этом особняке, принадлежавшем прежде семье барона Д. Шеппинга, размещалось в конце XIX века Московское Собрание врачей, где часто бывал А. П. Чехов, упомянувший о здешнем ресторане в рассказе «Дама с собачкой», а с 1890 по 1902 год находился Московский шахматный кружок. Это был, пожалуй, один из самых интересных периодов его деятельности. По инициативе кружка в этих стенах с 7 (19) ноября 1896 года по 14 (26) января 1897 года игрался матч-реванш на первенство мира между Эмануилом Ласкером и Вильгельмом Стейницем, который шестидесятилетний экс-чемпион проиграл, по существу, без борьбы: из 17 партий он в 10 сдался, в 5 согласился на ничью и лишь 2 выиграл. Ласкер сохранил тогда за собой почетное звание.

А затем здесь же состоялось два Всероссийских турнира, собравших почти всех сильнейших шахматистов страны. Первый

из них, положивший начало национальным чемпионатам России, проводился с 3 по 19 сентября 1899 года, а второй — с 26 декабря по 14 января 1901 года. Оба турнира завершились убедительной победой М. И. Чигорина, намного опередившего своих соперников. В первом турнире он набрал 12 очков из 13 (2-е место — Эммануил Шифферс с 9½ очков), а во втором — 16½ из 17 (2-е место — тот же Э. Шифферс с 14 очками). В то время Михаил Иванович Чигорин по праву считался шахматной гордостью России, очевидным претендентом на мировую корону.

В этом же здании тогда, на рубеже двух веков состоялись и первые чемпионаты Москвы. Среди их участников особенно выделялся председатель кружка профессор Московской консерватории Александр Владимирович Соловцев. Он занял первое место тут в турнире сильнейших шахматистов города в 1891–1892 годах (это была его третья победа в подобных состязаниях) и затем, выиграв в 1899 году матч у Б. Григорьева, стал первым чемпионом Москвы.

Вот такие исключительно интересные памятные события уместились в том небольшом отрезке времени, когда Московский шахматный кружок впервые размещался в неприметном теперь особняке.

К этому остается лишь добавить, что после вторичного вселения сюда кружка именно здесь в марте 1907 года с необычайным успехом завершились гастроли М. И. Чигорина. Венчал их двухкруговой турнир с участием великого гостя и четырех сильнейших шахматистов Москвы. Чигорин был в то время уже тяжело болен и все же играл с большим подъемом и занял вновь первое место.

Думается, что в числе зрителей этого турнира вполне мог быть и четырнадцатилетний гимназист Александр Алехин. Не исключено, что он знал и всю историю шахматных соревнований, состоявшихся в особняке. Это, по всей вероятности, только усиливало волнение молодого шахматиста, занявшего вскоре тут же в просторном зале место за шахматным столиком. Турнир назывался «Весенним», но начался в первых числах июня 1907 года. Партнер был знаком — Василий Иванович Розанов, над ним Саша в партиях, игранных дома, имел явный перевес, но как сложится первая встреча в официальном соревновании?

Она проходила с приключениями и вызвала немало волнений у Саши Алехина. Впрочем, лучше него самого никто не расскажет о перипетиях этого поединка, а поэтому обратимся к статье Алехина, написанной много лет спустя: «Моя первая турнирная партия».

«Моя первая турнирная партия, игравшаяся в Московском

весеннем турнире 1907 года, была не лучше и не хуже большинства моих партий того времени.

Дебют в течение очень многих ходов «следовал книге». Это был вариант, который я выучил наизусть. Он был основан на партии Мароци — Яновский из Лондонского турнира 1899 года, и я уже применил его до моей первой турнирной партии в одной встрече по переписке (против Манько в 1906–1907 гг.). Я решил следовать «книжному» варианту вовсе не потому, что рассчитывал получить в дебюте какое-либо, хотя бы небольшое преимущество. В то время я был слишком неопытен, чтобы судить о возможности положений равновесия или оценивать небольшие позиционные преимущества, если мне и удавалось их получить. Просто в этом случае я мог быть уверен, что не окажусь в проигрышном положении после очень немногих ходов.

Сразу после дебюта я начал «шататься» самым плачевным образом (ходы с 13-го по 20-й). Я явным образом не мог составить какой-либо план, будь то атаки или защиты. Эта часть партии (особенно ходы ферзем) несет на себе печать нервозности, возможно, простительной в новичке. Я полагаю, что многие из моих читателей, в свои ранние дни неопытности, «шатались» точно таким же образом, когда безопасные протоптанные пути оказывались позади.

Почувствовав на 21-м ходу, что нахожусь на краю пропасти, я напрягся, чтобы найти какой-нибудь спасительный ресурс в позиции, своего рода спасательный круг. И я нашел его — в форме задачной жертвы (23. Леб!!). При последующей проверке комбинация оказалась совершенно правильной во всех вариантах; даже если она и оставляла черным какую-нибудь лазейку, я уверен, что мой противник не обнаружил бы ее, настолько застал его врасплох и деморализовал мой 23-й ход.

Заключительная часть партии, начиная с 26-го хода, для мастера не представляла бы труда, но для начинающего была полна ловушек. Меня самого удивляет, как хорошо я провел эту часть. И теперь мне было бы трудно сыграть лучше.

Возможно, что эта партия оказала глубокое влияние на мою последующую игру и дальнейшее развитие. Очевидно, она возбудила мое честолюбие и желание совершенствоваться. Но, с другой стороны, эта партия породила во мне своеобразную психологическую слабость, от которой мне пришлось долго и с большим трудом освобождаться, — если мне когда-либо удалось от нее вполне освободиться! — впечатление, будто всегда или почти всегда, попав в плохое положение, я смогу придумать какую-нибудь неожиданную комбинацию и при ее помощи выпутаться из всех трудностей. Опасное заблуждение!»

Партия с В. Розановым приведена в заключительной части книги.

Вслед за этой партией Алехин черными фигурами играет 6 июня 1907 года с Бродбергом и побеждает его на 34-м ходу. Эта встреча тоже протекала неровно и в районе 16–19-го ходов позиция Саши вызывала серьезные опасения. А вот что было дальше и с какими результатами закончился «весенний» турнир Московского шахматного кружка, никому не известно. До нас не дошли ни таблица результатов, ни записи партий этого соревнования.

Нет их и в тетради Саши Алехина, начатой 5 июня 1907 года в Москве. В ней в основном записаны партии, сыгранные во время каникул на отдыхе в Кисловодске, куда он выехал в середине июня 1907 года. Оттуда он играл по переписке одновременно четыре партии с К. И. Исаковым и, кроме того, сыграл там десять партий с шахматистами, находившимися в то время в Кисловодске. Игра Алехина тогда не производила сильного впечатления, он все еще продолжал накапливать опыт.

Неудачным оказалось участие Саши в «осеннем» (фактически окончился зимой 1907/08 года) турнире Московского шахматного кружка, переехавшего накануне по соседству, там же, на Большой Дмитровке, в помещение Литературно-художественного кружка. Первое место в турнире занял мастер Вениамин Блюменфельд, второе — чемпион Москвы 1900 года Владимир Ненароков; старший брат Саши — первокатегорник Алексей Алехин — разделил четвертое — шестое места и замкнул группу призеров. А Саша сумел лишь добиться пятидесятипроцентного результата — 4½ очка из 9. В его игре еще было много серьезных недостатков, творческое усвоение дебютной теории заслоняли книжные варианты, не хватало глубокого понимания основ шахматной борьбы, подводила техника игры. Думая о том, как искоренить эти недостатки, он, наверное, не раз обращался к заветам Михаила Ивановича Чигорина, критиковавшего некоторые догматические установки позиционного учения Стейница и подчеркивавшего первостепенную роль творческой фантазии и интуиции в шахматах. Чигорин избегал шаблонов, заезженных дорог, его игру отличали высокое искусство атаки и оригинальные стратегические замыслы, постоянное стремление к инициативе и полнокровной игре. Он внес ценный вклад в развитие теории дебютов, его именем названы различные варианты и системы игры в ряде начал. Многое хотелось Саше понять в творчестве Чигорина, взять на свое вооружение и достойно продолжить его творческую школу…

Те дни стали траурными для всех шахматистов России.

Телеграф принес известие из Люблина о том, что там 12 (25 января) 1908 года на пятьдесят седьмом году жизни скончался Михаил Иванович Чигорин. Позднее — 22 июня 1914 года — его останки будут перевезены из Люблина в Санкт-Петербург и погребены на Новодевичьем кладбище. Скромный памятник на его могиле и поныне стоит там в окружении захоронений многих видных деятелей культуры.

А зимой 1908 года, тщательно анализируя причины своих неудач, Саша убеждался в том, что ему еще следует много заниматься, дабы достичь чигоринского мастерства. Нужна была целеустремленная работа, и Александр неустанно вел ее всю жизнь. Отсчет результатов этого творческого труда начался в 1908–1909 годы.

Уже в «весеннем» турнире любителей шахмат Московского кружка 1908 года он уверенно взял первый приз, а затем в августе впервые выступил за рубежом.

Участвуя в Дюссельдорфе в мероприятиях 16-го Конгресса Германского Шахматного Союза, Алехин играл в главном побочном турнире, проходившем параллельно с мастерским. Ему удалось одержать восемь побед в комбинационно-атакующем стиле, но в итоге он разделил лишь 4–5-е место с Э. Бушем. Сразу же после окончания турнира был устроен матч Алехина с многоопытным немецким мастером, теоретиком и литератором Карлом фон Барделебеном. Превосходство оказалось на стороне Александра. Он выиграл четыре партии, одну свел вничью и не потерпел ни одного поражения. Спустя много лет, просматривая свою тетрадь, он наткнулся на запись партий матча и посчитал полезным опубликовать одну из них. «…Мне было пятнадцать лет, — вспоминал Алехин, — и я не представлял себе ясно размеров моей тогдашней силы, или, вернее, слабости. Однако я не слишком возгордился достигнутым успехом, так как мой партнер — обаятельный старичок (ему было тогда всего 47 лет. — *Ю. Ш.*) — не проявил ни должной воли к победе, ни своего былого мастерства. Все же мне думается, что эта еще не появившаяся в печати партия имеет некоторое значение с точки зрения шахматной истории и представляет известный интерес сама по себе». Свои примечания к этой партии Алехин завершил следующими словами: «Несомненно, просмотр ранних партий и воспроизведение своих начальных знаний оставляют волнующее впечатление, хотя бы оттого, что у каждого с этим связаны воспоминания о собственной юности — такой далекой и вместе с тем такой близкой!..»

Но эти мысли, отдающие ностальгией, пришли потом, а тогда, победив Барделебена, Алехин там же в Дюссельдорфе

вступил в новый поединок. Его партнером стал 34-летний чемпион Швейцарии Ханс Фарни. Короткий матч из трех партий дал ничейный результат 1½: 1½.

По возвращении на родину Алехин в октябре-ноябре 1908 года встретился в матче с мастером Вениамином Блюменфельдом.

Соперника отличало стремление к острой, гамбитной игре — он имел в своем активе второй-третий приз совместно с А. Рубинштейном в IV Всероссийском турнире и первый приз в турнире московских шахматистов первой категории. Однако Александр сумел превзойти его и, одержав четыре победы при одной ничьей, повторить итог поединка с Барделебеном.

Видимо, в упоении от успехов Александр потерял чувство меры, забыл о пределах допустимых нагрузок. Тут же, после завершения состязания с Блюменфельдом, он вызвал на матч чемпиона Москвы Владимира Ненарокова.

В то время Московский шахматный кружок, не имея определенного помещения, фактически переместился в квартиру своего лучшего игрока. А дома, говорят, и стены помогают. Так или иначе, но матч сложился неудачно для Саши. Переутомление сказалось уже в первой партии, — имея лишнюю фигуру, Саша не сумел довести партию до победы. Затем последовал проигрыш еще двух партий, и он сдал матч.

Это решение молодого шахматиста обозреватели газет «Новое время», «Раннее утро» и других изданий сочли преждевременным. Они полагали, что Алехин еще мог бы изменить результат матча…

Осенью 1908 года шахматный мир облетела волнующая новость: в Санкт-Петербурге решено торжественно отметить память основоположника русской шахматной школы Михаила Ивановича Чигорина, скончавшегося год тому назад. В его честь намечено провести в феврале 1909 года Международный Шахматный Конгресс, в программе которого будут турнир маэстро, с приглашением зарубежных знаменитостей, и турнир любителей. Инициатором организации Конгресса выступил председатель Санкт-Петербургского Шахматного Собрания Петр Петрович Сабуров, а организационный комитет возглавил его отец, член Государственного совета Петр Александрович Сабуров, сплотивший вокруг себя группу влиятельных и энергичных энтузиастов шахмат. Финансовая база Конгресса в сумме 11667 рублей обеспечивалась в значительной мере за счет пожертвований, составивших 9754 рубля, из которых 1175 рублей внесли император Николай II и члены императорской семьи, а 4 тысячи рублей — Санкт-Петербургское Финансовое и

Коммерческое Собрание, предоставившее к тому же для проведения Конгресса и свои помещения в доме № 55 на Невском проспекте: залы, фойе, комнаты различного назначения, ресторан. Пожертвования поступали от многих лиц самого разного сословия. Из денег, поступивших на организацию Конгресса, 8650 рублей направлялись на призы победителям турниров, гонорары за выигранные партии и призы за красивейшие партии, а также пособия участникам. Кроме того, 1205 рублей выделялось на издание Сборника Конгресса.

Повсеместно началась подготовка к такому грандиозному мероприятию, стали выявляться кандидаты на поездку для участия в Конгрессе. В Московском шахматном кружке в сентябре — ноябре 1908 года состоялся матч-турнир сильнейших любителей. В нем участвовали А. Алехин, В. Розанов, А. Фаворский и Н. Целиков. Первое место убедительно занял Александр Алехин, вторым был его постоянный партнер Василий Розанов. Они оба и были командированы в столицу.

Санкт-Петербург встречал участников Международного Шахматного Конгресса радушно, — им были предоставлены самые благоприятные условия. А торжественное открытие Конгресса состоялось в воскресенье 1 февраля 1909 года в 8 часов вечера в присутствии многочисленной публики. Конгресс был открыт почетным председателем организационного комитета П. А. Сабуровым. Он приветствовал участников и зрителей шахматных состязаний и предложил почтить память М. И. Чигорина, большой портрет которого, украшенный тропическими растениями, стоял тут же. Потом последовали речи, одобряющие устройство Конгресса, и жеребьевка участников.

Для решения спорных вопросов был выбран третейский суд, куда в числе трех наиболее уважаемых участников всероссийского турнира вошел и шестнадцатилетний Александр Алехин. Этот удивительный факт общего доверия к юноше о многом говорит. Значит, уже в то время в нем видели здравомыслящего, объективного и знающего коллегу.

На следующий день, 2 февраля, началась игра в двух больших залах.

Состав участников Конгресса производил сильное впечатление. На международном турнире мастеров борьба за лидерство почти с самого старта свелась к соперничеству между чемпионом мира Эмануилом Ласкером (Америка) и Акибой Рубинштейном (Лодзь)[1]. Они намного оторвались от других участников и, набрав по 14½ очков из 18, разделили первый-второй призы. Также были поделены между двумя участниками и третий-четвертый призы: Олдржих Дурас (Чехия) и Рудольф

Шпильман (Германия) имели одинаковый результат — по 11 очков. Пятый приз вручили Осипу Бернштейну (Москва) — 10 очков. Последующие пять призовых мест заняли: Рихард Тейхман (Германия) — 9½ очков; Юлиус Перлис (Австрия), Эрих Кон (Германия) и Георгий Сальве (Лодзь) — по 9 очков; Карл Шлехтер (Австрия) — 8½ очков. Последний получил также приз за красивейшую партию.

Специальный приз от Санкт-Петербургского Шахматного Собрания за совершенно исключительный результат против двух первых призеров (+2 из 2!) был вручен Федору Ивановичу Дуз-Хотимирскому (Киев). Вспомним, что три года тому назад именно он проводил занятия с юным Сашей Алехиным.

А на турнире любителей до четырнадцатого тура никто из участников не мог вырваться вперед. То вместе, то поочередно Александр Алехин (Москва), Бернхард Грегори (Ревель) и Герш Ротлеви (Лодзь) возглавляли таблицу результатов. Но потом Алехин сумел захватить инициативу и, выиграв на финише пять партий из шести, завершил состязание с 13 очками из 16 возможных.

«…Первое место Алехин занимает безапелляционно не только в спортивном отношении, но прежде всего со стороны полной огня и блеска творческой мысли… — вспоминал впоследствии Петр Арсеньевич Романовский, разделивший в турнире 1909 года 10–11-е места и выигравший партию у победителя состязания. — …Стиль его игры уже тогда был отмечен даром вдохновенного творческого горения. Его партии являлись произведениями, где ярко звучал необычайный комбинационный талант, где все было полно дерзновенных порывов, неукротимой фантазии, смелого риска, уверенности в победе.

Дебютная мысль Алехина тяготела к венской партии и королевскому гамбиту. Из девяти партий, игранных белыми на Всероссийском турнире, шесть он начал ходом e2–e4; черными в ответ на 1. d2–d4 он стремился перевести борьбу на рельсы дебюта Бенони, а на 1. e2–e4 играл французскую защиту, и лишь один раз на 1. e2–e4 ответил 1… e7–e5.

Алехин смело бросался в рискованные пешечные атаки, стремясь к созданию острых комбинационных позиций… (…Он не раз, благодаря своей рискованной тактике, получал проигранные позиции, однако из пяти подобных партий лишь две окончились вничью, остальные же Алехин выиграл…)

…Эти порывы юного Алехина убедили его в правоте избранных им методов борьбы, раскрыли перед его мыслью еще красочней, еще шире творческие горизонты шахматного

искусства…»

В турнирной таблице вслед за Алехиным был Ротлеви (12 очков) и Грегори (11½ очков).

Победитель турнира имел прекрасный итог встреч с призерами — из восьми партий он выиграл шесть, в том числе у Ротлеви и Грегори, одну партию свел вничью и лишь в одной встрече вынужден был признать свое поражение. Его ожесточенная, честолюбивая борьба со многими сильными противниками, такими, как, например, Грегори и Борис Берлинский, партии с которыми Алехин потом включит в книгу «Мои лучшие партии» (1908–1923), увенчалась блестящим успехом.

Вечером 28 февраля 1909 года на торжественном банкете в зале Финансового и Коммерческого Собрания царила праздничная обстановка. Звучали речи и здравицы в честь устроителей Конгресса и победителей турниров. Награды вручал почетный вице-президент организационного комитета Шахматного Конгресса Е. П. Демидов, князь Сан-Донато.

Александру Алехину вручили первый приз Всероссийского турнира любителей — роскошную художественную вазу Императорского фарфорового завода, оцененную в 637 рублей. Эта ваза наряду с пожертвованием в фонд Конгресса 1000 рублей была пожалована императором Николаем II и рассматривалась как приз Имени Их Императорских Величеств. «…Сейчас даже трудно оценить все громадное значение этого факта для развития русского шахматного искусства, но несомненно, что отсюда начинается новый период в его истории…» — так об этом событии писалось в сборнике партий «Международный Шахматный Конгресс в память М. И. Чигорина», Санкт-Петербург, 1909.

Вместе с вазой Алехину вручили специально исполненный художником Ю. Арцыбушевым диплом в удостоверении его приза и объявили о присвоении ему звания маэстро.

Зал бурно аплодировал. В шестнадцатилетнем гимназисте, смущенно зардевшемся, многие видели достойного преемника М. И. Чигорина. Александр Алехин как бы принимал в тот момент эстафету от своего великого предшественника и учителя. Для него это был звездный час. И здесь автор книги не может удержаться от того, чтобы обратить внимание читателей на удивительное совпадение — малая планета — астероид «Алехин», открытая астрономом Л. Журавлевой из Крымской обсерватории, зарегистрирована под № 1909. То есть она получила цифровое обозначение года, связанного с первым крупным успехом Александра Алехина!

ВОСХОЖДЕНИЕ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Испытание славой… Наверное, всем, кому выпадал большой успех, приносивший широкую популярность, довелось проходить через это. Общее внимание, поздравления со стороны даже незнакомых людей, безусловно, волнуют, льстят тщеславию. Невольно появляются мысли о какой-то своей исключительности, забывается, что в достижении успеха была и доля удачи.

Сейчас, конечно, трудно утвердительно говорить о том, что подобные чувства испытывал Саша Алехин по возвращении в родную Москву. Но шумные ликования гимназии, где он сразу возвысился в глазах не только товарищей, но и преподавателей, сердечные рукопожатия с радостными возгласами в Московском шахматном кружке волновали. Наиболее близкие товарищи горели желанием прийти в комнату Александра Алехина в Никольском переулке, чтобы воочию увидеть и даже потрогать большую, с двумя ручками, прекрасную вазу, пожалованную царем. Она возвышалась на столе рядом с расставленными шахматными фигурами и часами. Позднее вазу переставили на подзеркальник. Она будет постоянно находиться здесь вплоть до переезда Алехиных в другой дом.

Привлекало внимание гостей и красивое свидетельство, удостоверяющее, что ваза является призом Имени Их Императорских Величеств. Ну и, разумеется, всем хотелось услышать от Саши подробности о Международном Шахматном Конгрессе в память М. И. Чигорина.

С большим интересом встречались отзывы шахматных авторитетов, выступавших в печати по итогам состязаний.

Много позже, в 1956 году, маэстро и журналист Савелий Тартаковер, проживавший в 1909 году в Австрии и разделивший тогда в Санкт-Петербургском международном турнире 11–12-е места, писал: «…уже тогда, как участник и победитель Всероссийского состязания, Алехин выказал ту волю к победе, ту целеустремленность, которая характеризовала его всю жизнь и которую отнюдь не следует смешивать с простым честолюбием…» Вполне вероятно, что нечто подобное Александр и тогда слышал от старших коллег.

В общем, было отчего закружиться голове шестнадцатилетнего гимназиста. Он уверовал в пробивную силу инициативы, в свое редкое комбинационное зрение, и то, что почти в любой ситуации можно найти спасение, и в какой-то мере ослабил самокритичность. К тому же он вновь забыл о том, что между соревнованиями необходим отдых.

Вскоре после возвращения из Санкт-Петербурга, уже в конце марта 1909 года, Александр включается в весенний турнир Московского шахматного кружка. Он проходил с ноября 1908 года в помещении Политехнического общества в Малом Харитоньевском переулке. Но игра не шла, соперники не робели и против Алехина стояли накрепко. В итоге Саша вынужден был довольствоваться пятым местом с 6½ очками из 10 партий. Его обошли хорошо знакомые партнеры-первокатегорники: 1-й приз завоевал А. Гончаров, 2-й — В. Розанов, 3-й — Н. Целиков и на 4-м месте был П. Селезнев.

Свою неудачу Алехин перенес стойко. 14 мая 1909 года, когда Московский шахматный кружок заканчивал сезон, в консультационной партии, играя вместе с А. Селезневым черными фигурами, он одержал победу над Д. Павловым и В. Розановым.

Удивительно, что в это же время Саша вознамерился возобновить заочную игру и записался сразу в два турнира по переписке: XVII турнир журнала «Шахматное обозрение» и II турнир, организованный князем Ф. Шаховским. Правда, довольно скоро он осознал опрометчивость этого решения и выбыл из заочных соревнований. Не потому, что назревал скверный результат, — из турнира журнала «Шахматное обозрение» он, например, вышел, имея 7 побед и 1 ничью без поражений, но в связи с отсутствием времени на столь длительное соревнование.

1909 год знаменателен для Александра Алехина дебютом в шахматной журналистике. Он начинает активно сотрудничать в журнале «Шахматное обозрение», который в 1909–1910 годах являлся единственным шахматным изданием в России. Редактором-издателем журнала был известный общественный деятель, шахматный журналист и композитор Павел Павлович Бобров. Его неиссякаемой энергии можно было позавидовать, — он успевал повсюду: будучи секретарем Московского шахматного кружка, выступал одним из инициаторов проведения крупных турниров и организаций гастролей ведущих шахматистов, подготовил три шахматных литературных сборника, издавал журнал и вел шахматные отделы в ряде периодических изданий. И, что не менее важно, — П. П. Бобров способствовал выдвижению многих талантливых шахматистов. В то время ему было 47 лет, и он сразу же увидел в лице молодого мастера глубокого аналитика, обладающего литературными способностями.

Уже в № 79–82 журнала «Шахматное обозрение» (январь — апрель 1909 года) были опубликованы примечания А. А. Алехина к семи партиям из Всероссийского турнира любителей. В четырех

из них комментатор играл сам. Примечания к проигранной им партии с Д. Данюшевским он написал вместе с партнером.

В № 83–86 (май — август 1909 года) печатаются комментарии А. А. Алехина еще к пяти партиям. Его аналитические примечания к партиям публикуются и в последующих номерах «Шахматного обозрения».

Одновременно с этим Александр прокомментировал 14 партий Всероссийского турнира любителей для готовившегося к печати сборника «Международный Шахматный Конгресс в память М. И. Чигорина». Это прекрасно исполненное в полиграфическом плане фундаментальное издание, пожалуй, и по сей день является непревзойденным.

Примечательно, что среди партий, к которым написал примечания Алехин, есть две — с П. Романовским и Д. Данюшевским, в которых он потерпел поражение. Уже тогда он не видел ничего зазорного в публикации проигранных им партий. Редкая самокритичность, стремление к объективности всегда были присущи Александру Алехину в шахматном анализе.

Летом 1909 года, после окончания занятий в гимназии, Саша отдыхал вместе с домочадцами в подмосковной усадьбе Прохоровых, находившейся в Покровском-Глебове, на берегу реки Химки (ныне на этом месте один из каскадов прудов Химкинского водохранилища). А тогда тут начинался красивый смешанный лес с аллеями и родником неподалеку, который и сейчас дарит людям прозрачную, особого вкуса воду. Длинный деревянный рубленый дом Прохоровых стоял на берегу Химок. В центральной части здания было три этажа, да еще наверху крытая обширная терраса с обзором во все стороны. От этой доминанты, как крылья, направо и налево, здание постепенно снижало высоту постройки — сначала до двух этажей, затем одного. Крыша в ряде мест завершалась конусообразными небольшими башенками, а окна в доме были широкими, распахнутыми навстречу очаровательной природе. На этой подмосковной даче жила летом не только многочисленная родня Прохоровых. Сюда нередко приезжали отдыхать специалисты Трехгорной мануфактуры, а в воскресные и праздничные дни — дети из приюта. Детвору привозили с Пресни на подводах, накрытых поверх сена толстыми одеялами. Здесь они гуляли, купались, играли, получали подарки.

Но вот 20 июля 1909 года сюда пришла скорбная весть — на семидесятом году жизни скончалась Анна Александровна Прохорова, вдова основателя «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры», бабушка Александра Алехина. Это была тяжелая утрата для всех родных и близких, — властная, но

и душевная женщина была как бы стержнем всей семьи и всего фабричного дела. Ее последние дни жизни прошли в имении Алехиных «Красная долина», находившемся в Землянском уезде Воронежской губернии. В последний путь на кладбище Новодевичьего монастыря ее провожала огромная толпа. Для Саши Алехина смерть бабушки была большим горем, — она всегда относилась к нему с нежностью, добротой.

На семейном совете было решено отправить Сашу в Крым, с тем чтобы он там, сменив обстановку, отвлекся от тяжких мыслей. В конце августа Алехин выехал в Севастополь. Любовался морем, вживался в неторопливый ритм южного города. И тут, естественно, нашлись любители шахматной игры. Состоялся небольшой турнир при трех участниках. Александр выиграл все партии, — и у П. А. Омелянского, и у В. Е. Карпова. Как потом шутили товарищи Алехина, то была первая его гастроль.

Когда Александр вернулся в Москву, то узнал, что Московский шахматный кружок вновь перекочевал в другое помещение. Теперь его приютило «Собрание служащих в кредитных учреждениях Москвы», арендующее здание театрального типа на Малой Бронной улице, дом № 4. (Ныне этот дом вошел в ансамбль перестроенного в советские годы здания Московского драматического театра на Малой Бронной.) Владелец здания московский купец М. С. Романов имел рядом с ним, на углу Тверского бульвара, еще один большой жилой дом, где квартировали врачи, артисты, музыканты, чиновники.

Старший брат Саши — Алексей — был избран кандидатом в члены комитета Московского шахматного кружка. Помимо соревнований кружка, он без устали играл в турнирах по переписке и взял подряд четыре первых приза. Так что при встрече братьям было о чем поговорить, а заодно и показать какие-то партии или фрагменты из них.

17 ноября 1909 года они оба включились в турнир, в котором участвовало 12 членов кружка. Первый приз взял Александр Алехин, на втором месте был Василий Розанов.

Вслед за этим соревнованием последовал традиционный «зимний» турнир Московского шахматного кружка при 9 участниках. Первый приз вновь завоевал Александр Алехин, одержавший 7 побед и проигравший лишь одну партию второму призеру П. Урасову. Очень неудачно выступил Алексей, сумевший сделать только 4 ничьи. Любопытно, что братья принципиально отказались играть партию между собой. В связи с этим каждому из них поставили в таблице результатов по минусу, что было равноценно потере очка для обоих.

За свою жизнь Александр Алехин немало сил отдал

популяризации шахматной игры в самых разных странах: выступал с лекциями, давал сеансы одновременной игры. А начало было положено 19 февраля 1910 года в Московском шахматном кружке, где Александр провел свой первый сеанс одновременной игры. Вот как об этом сообщалось в № 91–92 журнала «Шахматное обозрение»:

«Наш молодой маэстро впервые пробовал свои силы в подобного рода игре, и первый же опыт оказался блестящим. К сожалению, по недостатку места (большие залы Собрания в этот вечер были все заняты), сеанс проходил в маленькой комнате, где с трудом удалось поместить 22 партии (желающих играть было больше). Из них г. Алехин после 3 часов 25 минут игры выиграл 15 при 1 проигранной (г. Острогскому) и 6 ничьих (с г.г. Кадэ, Мигриным, Бакастовым, Поповым, Випрехтом и Перфильевым)…» Далее в журнале приводились две партии из сеанса. Сообщение заканчивалось словами: «Ставка в каждой партии была по 1 рублю. Весь выигрыш г. Алехина поступил в фонд на сооружение памятника М. И. Чигорину».

В этом же номере «Шахматного обозрения» читаем: «Тула. 11, 23 и 24 февраля в местном шахматном кружке состоялись гастроли молодого московского маэстро А. А. Алехина…» — и далее сообщаются итоги поездки. За три дня пребывания в Туле Алехин дал два сеанса одновременной игры: на 23 и 24 досках, победив, в общей сложности, в 40 партиях при 2 проигрышах, а также провел сеанс одновременных консультационных партий, где против него, игравшего черными фигурами, за каждой доской было пр 3–4 человека, и, кроме того, еще сыграл отдельно партию с одним из лучших шахматистов города К. Василевским, в которой тоже взял верх.

Как вспоминал одноклассник Алехина Павел Попов, Александр в старших классах часто приглашал его в шахматный кружок на Малой Бронной к концу сеанса одновременной игры, с тем чтобы затем пойти вместе в ресторан поужинать. Но после сеанса Алехин обычно бывал рассеян, забывал заказывать еду и находился все еще в мире шахмат, анализируя некоторые партии. Разговор на отвлеченную тему завязывался не сразу.

17 мая 1910 года в Московском шахматном кружке подвели итоги сразу двух состязаний: третьего турнира-гандикапа, начатого еще в конце февраля, и турнира с нумерацией игроков (по биллиардной системе) — на равных, начатого на исходе марта. Первые призы, с большим отрывом от других участников, получил Александр Алехин. В турнире-гандикапе за ним были: 2-м — В. Острогский, 3-м — Б. Блюменфельд, а в другом соревновании: 2-м — Д. Павлов, 3-м — Л. Геника.

Известность Александра Алехина росла. Одно из свидетельств этого — краткая информация из № 93–95 (март — май 1910 года) журнала «Шахматное обозрение»: «При частной гимназии П. Н. Страхова (Спасская-Садовая, д. Кудряшова) недавно открылся шахматный кружок имени нашего молодого маэстро А. А. Алехина».

А в это время, в мае, семнадцатилетний маэстро, солидно названный на страницах журнала с двумя инициалами — А. А., сам сидел за партой и сдавал выпускные экзамены в Поливановской гимназии. Оценивая его знания, преподаватели были единодушны и ставили, как правило, высокие оценки.

Впрочем, сейчас у нас есть возможность ознакомиться с окончательными оценками успеваемости гимназиста Александра Алехина. Перед вами копия подлинного документа, найденного автором книги в конце 1994 года в Государственном историческом архиве Москвы.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего свидетельства, ученик VIII класса частной мужской гимназии Л. И. Поливанова в городе Москве Алехин Александр, как видно из документов, сын потомственного дворянина, вероисповедания православного, родившийся 19 октября 1892 года, поступил в 1902 году по экзамену в 1-й класс частной мужской гимназии Л. И. Поливанова в городе Москве, и пробыв в этой гимназии до окончания полного курса ученья, в продолжение всего этого времени был поведения отличного (5).

В настоящем году, на бывшем окончательном испытании, произведенном под наблюдением депутатов от Московского учебного округа, он обнаружил следующие познания:

В Законе Божьем отличные (5), в русском языке и словесности отличные (5), в философии отличные (5), в латинском языке хорошие (4), в греческом языке хорошие (4), в математике удовлетворительные (3), в физике удовлетворительные (3), в истории хорошие (4), в географии хорошие (4), в природоведении отличные (5), в законоведении отличные (5), во французском языке отличные (5), в немецком языке хорошие (4).

В удостоверении сего выдано Алехину настоящее

свидетельство, предоставляющее ему, на основании статьи 3738 Устава учебных учреждений и учебных заведений том XI, часть I Свода законов, издания 1893 г. право на поступление в университет на одинаковых условиях с учениками, прошедшими полный курс правительственных мужских гимназий и, по статье устава о воинской повинности, присвоения там же ученикам права по воинской повинности.

Москва, 26 июля 1910 года.

Попечитель учебного округа /подпись/

Правитель канцелярии /подпись/.

Как видно из приведенного документа, Саша Алехин, получивший высокие оценки почти по всем предметам, особенно неуверенно чувствовал себя в математике и физике.

Казалось, теперь Александру Алехину следовало бы сделать следующий, давно намеченный шаг — подавать документы на поступление в Императорское Санкт-Петербургское училище правоведения. Это привилегированное учебное заведение готовило высококвалифицированные кадры для службы не только в юридических, но и в правительственных учреждениях. Там можно было рассчитывать и на дипломатическую карьеру, о желательности которой Саша не раз говорил с товарищами.

Однако документы в Санкт-Петербург летом 1910 года не отправляются, и поступление Алехина в престижное училище временно откладывается.

Вначале у автора книги было предположение, что Алехину, видимо, тогда потребовалось время на подготовку к продолжению учебы и получению профессии. Вероятно, юноша подолгу сидел дома в окружении научной литературы и усердно пополнял свои знания…

Это предположение оказалось верным. Но только Саша Алехин подошел более основательно к решению стоявшей перед ним проблемы. Не ограничиваясь самостоятельными занятиями, он поступил на юридический факультет Московского университета, куда был зачислен 3 августа 1910 года. С этой страницей биографии Алехина читатели сейчас знакомятся впервые, ибо прежде этот факт не был известен.

В конце сентября 1994 года перед автором книги в Государственном архиве России лежала папка розового цвета с текстом, набранным в типографии:

«№ 47

1910 года

Дело канцелярии по студенческим делам Императорского

Московского Университета».

А ниже от руки, с сохранением ныне упраздненной буквы ъ в конце слова, было написано:

«Алехинъ

Александръ Александровичъ»

В папке содержатся 10 листов и снимок Александра Алехина 1910 года, ранее неизвестный. Судя по всему, он тогда тщательно готовился к встрече с фотографом. Это просматривается в аккуратно уложенной прическе и редко надеваемом пенсне со шнурком, выходном костюме, сорочке с воротником стойкой и галстуке бантом. На лице юноши не видно никаких эмоций, оно как бы застыло в тот миг, когда щелкнул затвор фотоаппарата. Подобные снимки типичны для важных дат и событий, обрекавших позирующих перед объективом на скованность.

Так было и на сей раз. Семнадцатилетний юноша мысленно уже совершал, наверное, волнующий, ответственный шаг во взрослую жизнь.

Приведу из папки самый первый документ, написанный Алехиным черными чернилами, с присущим ему размашистым почерком:

> Его Превосходительству Господину Ректору Императорского Московского Университета
>
> Окончившего курс частной гимназии имени Л. И. Поливанова, потомственного дворянина Александра Александровича Алехина,
>
> ***ПРОШЕНИЕ***
>
> Представляя при сем: 1) Свидетельство об окончании курса в московской частной гимназии имени Л. И. Поливанова, 2) Метрическую о времени рождения и крещения, 3) Свидетельство о приписке к дворянству Воронежской губернии, 4) Свидетельство о приписке к призывному участку для отбывания воинской повинности, и 5) три фотографические карточки с собственноручной подписью, засвидетельствованные г. директором частной гимназии Поливанова — имею честь просить Ваше превосходительство о зачислении меня в Императорский Московский Университет на юридический факультет.
>
> *АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕХИН*
>
> Адрес: Москва,

Арбат, Никольский переулок, д. № 12 Кузнецова, квартира Алехина. 26 июля 1910 г.

В нижней части Прошения фиолетовыми чернилами зафиксировано решение вопроса: «Зачисляется студентом юридического факультета. Ректор Макаров. 3 августа 1910 г.»

Пребывание Александра Алехина в Московском университете было кратким, оно продолжалось лишь семь месяцев. Так, видимо, и было задумано им, с учетом срока подачи документов в Санкт-Петербургское училище правоведения. 15 февраля 1911 года он был отчислен из университета в связи со следующим прошением:

Его Превосходительству
Господину Ректору
Императорского Московского Университета

ПРОШЕНИЕ

студента юридического факультета 2-го семестра Александра Александровича Алехина.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выдаче мне бумаг, представленных мной при вступлении в Московский Университет, — ввиду перехода моего в С.-Петербургское Училище правоведения.

А. АЛЕХИН 11.11.1911

16 февраля Александр расписался внизу этого прошения в получении своих документов, которые вскоре представил в Училище правоведения. Вынужденная пауза не обернулась потерей времени, а была заполнена двумя семестрами занятий на юридическом факультете Московского университета.

В июле 1910 года он выехал в Гамбург для участия в международном турнире мастеров, проводимом в рамках 17-го Конгресса Германского шахматного союза. Состязание длилось с 18 июля по 6 августа при участии 17 ведущих шахматистов мира. Настрой почти у всех был боевой, очки набирались в напряженной борьбе. Первый приз завоевал К. Шлехтер — 11½ очков из 16, второй — О. Дурас — 11, третий А. Нимцович — 10½ очков. Вплотную за ними, с небольшими разрывами в пол-очка — очко расположились остальные шесть призеров. Александр Алехин разделил с Дуз-Хотимирским 7–8-й призы, набрав 8½

очков. На его счету было 5 побед, 4 поражения и 7 ничьих. Он подтвердил звание мастера и по отзывам партнеров и журналистов показал себя с хорошей стороны. После возвращения в Москву Александр приступил к занятиям в университете.

Зарубежные выступления Алехин возобновил в июне 1911 года поездкой в Германию, где он, будучи в Кельне, эффектно выиграл партию у соотечественника Сергея Фреймана, выступавшего там в турнире, а в Мюнхене одержал победу в партии против группы консультантов.

С 21 августа по 24 сентября Алехин играл в одном из самых крупных турниров в истории шахмат. Он состоялся в Карлсбаде и собрал 26 участников, треть из которых прибыла из России. Первый приз, завоеванный Р. Тейхманом, был наиболее значительным успехом в шахматной карьере победителя турнира. Он набрал 18 очков из 25 и на очко опередил разделивших II–III призы К. Шлехтера и А. Рубинштейна.

Алехин вместе с О. Дурасом, Л. Леонгардтом и С. Тартаковером, имея одинаковый результат 13½ очков, разделил VIII–XI призы. Ему удалось выиграть 11 партий при 9 поражениях, — итог, заслуживающий, пожалуй, удовлетворительной оценки. Алехин еще был молод, и ему не хватало опыта участия в международных соревнованиях. Тем не менее, наблюдая за игрой и восхищаясь его комбинациями, второй призер турнира Карл Шлехтер произнес: «Это — будущий чемпион мира!»

Осенью 1911 года у Александра Алехина возобновилась студенческая жизнь. Вероятно, он волновался, когда, миновав торжественную колоннаду, впервые входил в огромный парадный вестибюль здания, построенного в XVIII веке выдающимся архитектором Джакомо Кваренги для прославленного русского полководца Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. С 1835 года здесь, на набережной Волхонки, 6, размещалось Императорское Санкт-Петербургское училище правоведения. Это высшее учебное заведение имело устойчивую репутацию образцового преподавания. Выпускники училища нередко выдвигались на очень ответственные государственные посты. Так, по сведениям на 1915 год, из 2227 правоведов, подготовленных в стенах этого училища, 6 (в разные годы, разумеется) были статс-секретарями Императора, 1 — вице-председателем и 22 — членами Государственного Совета, 1 — председателем Совета Министров, 66 — сенаторами, 12 — губернаторами. Многие возглавляли судебные инстанции, занимались совершенствованием законодательства России, некоторые становились дипломатами. Были среди выпускников Санкт-Петербургского училища

правоведения выдающиеся деятели культуры: композиторы П. И. Чайковский и А. Н. Серов, художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, поэты А. Н. Апухтин и А. М. Жемчужников.

И это неудивительно, — ведь программа обучения училища способствовала разностороннему развитию личности воспитанников. Помимо значительного количества предметов, относившихся к юриспруденции (церковное, римское, гражданское, уголовное и государственное право, история русского права, энциклопедия законоведения, судебная медицина и т. п.), будущие правоведы занимались также рисованием, пением, музыкой, танцами, фехтованием, гимнастикой, боксом.

Программа обучения была рассчитана на четыре года, причем нумерация классов (курсов) велась не так, как сейчас принято, а в обратном порядке — начиналась с 4-го класса и завершалась 1-м, выпускным. Успеваемость и прилежание выпускников оценивались по 12-балльной системе. Примечательно, что на протяжении всего обучения воспитанникам дважды в год проставлялись отдельные оценки за нравственность, исполнительность, внешний порядок. Эти оценки затем сводились в средний и окончательный показатель, характеризующий уровень поведения каждого из них.

Основная масса воспитанников обучалась за казенный счет на условиях полного пансиона, то есть проживала и питалась там же, в здании училища. Но наряду с этим была еще и группа своекоштных воспитанников. Они вносили ежегодно за учебу 800 рублей, а жили и питались вне стен училища, на частных квартирах. В их числе был и Александр Алехин, получавший материальную поддержку от родителей. Своекоштные воспитанники имели, разумеется, больше независимости и могли заниматься другими, интересовавшими их делами.

«Будущему правоведу, — как писал в своих воспоминаниях гроссмейстер Григорий Левенфиш, — не полагалось ездить в трамвае, а следовало обзавестись собственным выездом. На старших курсах правоведы содержали обычно какую-либо француженку из многочисленных столичных варьете для улучшения французского прононса.

Но Алехин не интересовался ни выездами, ни француженками. Его страсть — шахматы — доминировала над всеми другими интересами в жизни…

Будущие правоведы свободно владели французским, немецким и английским. Впоследствии знание иностранных языков очень пригодилось Алехину…»

Как известно, студенческие годы — особая пора в становлении личности. В это время приобретаются не только

профессиональные знания, но и полнее раскрываются дарования, формируется мировоззрение. Интересно проследить, как протекал, развивался этот процесс у Александра Алехина.

Учеба у него спорилась. Присущие Алехину уже тогда широкие знания и незаурядные способности, хорошо развитое умение логически и аналитически мыслить позволяли успешно осваивать преподаваемые в училище предметы. Его курсовые работы (кроме одной) получали наивысшую оценку — 12 баллов.

Эти курсовые работы Александра Алехина, представляющие, несомненно, большой интерес, чудом уцелели до наших дней. Автору книги удалось их найти в Санкт-Петербургском архиве. Читая страницы, заполненные характерным летящим почерком Алехина, и вдумываясь в глубокие для тогдашнего юноши рассуждения, испытываешь немалое волнение. Подумать только, около девяноста лет минуло с той поры, когда он, крутя по привычке прядь волос, излагал вот на этих самых, чуть пожелтевших от времени листах свои мысли!

Так, в третьем классе Алехин написал сочинение по истории философии права «Взгляд Вл. Соловьева на отношение между нравственностью и правом». На 22 страницах большого, удлиненного формата он обстоятельно проанализировал труд «Право и нравственность», подверг критике отдельные положения и высказал свое довольно зрелое суждение. Оценивая эту работу, профессор, действительный статский советник В. С. Серебренников отметил на полях последовательность, логичность мышления воспитанника и, чувствуется, с большим удовлетворением дважды — цифрами и прописью — написал в конце изложения «12».

В сочинении по гражданскому праву во втором классе на тему «Находка и клад» Алехин на 18 с половиной страницах такого же формата проследил разногласия в законодательствах России и зарубежных стран в определении этих понятий, изложил свой взгляд на исследуемый вопрос и высказал довольно интересное мнение по размерам вознаграждения. 15 декабря 1912 года преподаватель, действительный статский советник В. И. Адамович, оценил работу высшим баллом.

И только однажды Алехин получил 7 баллов за выполненное им задание по русскому действующему праву. Знакомство с этой работой, написанной на 14 страницах торопливым почерком, показывает, что она поверхностна, не раскрывает темы и совершенно не характерна для пытливого воспитанника, имевшего стабильно высокую успеваемость. Это обстоятельство тогда, видимо, настолько обескуражило преподавателя, что, выставив оценку, он даже не захотел или забыл расписаться. Не

исключено, что по этой причине она вообще не была принята во внимание руководством училища при определении успеваемости Алехина в выпускном классе.

Но чем все-таки было обусловлено такое отношение Александра к выполнению этой работы? Ответ дает дата, проставленная самим Алехиным в конце сочинения, — 2 февраля 1914 года. Это был тот период, когда он всецело находился в плену шахмат и все его мысли были прикованы к ним. Шла череда серьезнейших состязаний: 17 января 1914 года окончился длившийся почти месяц Всероссийский турнир мастеров, затем последовал нервозный матч с Ароном Нимцовичем, а впереди было участие в международном турнире гроссмейстеров, с которым молодой маэстро связывал большие надежды. Можно ли было в такой напряженной ситуации, требовавшей мобилизации всех сил, написать сочинение на совершенно отвлеченную от шахмат тему?

Интересная деталь — Александр Алехин почему-то никогда не подписывал свои курсовые работы и не проставлял на них даты. А вот на самой последней, вымученной, явно неудачной, он впервые сделал и то и другое…

Училище правоведения Алехин заканчивал, можно сказать, в стрессовой ситуации. Сроки сдачи выпускных экзаменов совпали со временем напряженных встреч за шахматной доской с ведущими гроссмейстерами мира. Поразительно, как юноша сумел не только совместить эти два дела, требовавшие огромной сосредоточенности, но и с достоинством вышел из этого тяжелейшего положения.

16 мая 1914 года Александр Алехин закончил училище с чином IX класса (титулярный советник, а по военному табелю — штабс-капитан) и был причислен к Министерству юстиции. А неделей раньше — 9 мая — он блистательно завершил свое выступление в Санкт-Петербургском турнире, где занял третье место после Эм. Ласкера и Х. Р. Капабланки и стал гроссмейстером.

Шахматная Россия ликовала, — в лице Алехина теперь видели не только преемника идей М. И. Чигорина, но и очевидного в скором будущем претендента на мировое первенство.

Однако выступления Александра Алехина в шахматных соревнованиях и, в более широком плане, его участии в шахматной жизни России в 1911–1914 годах, разумеется, требуют более обстоятельного рассказа.

В годы своего обучения в Училище правоведения Алехин

активно сотрудничал в самой патриотической газете тех лет «Новое время». В ней публиковались его комментарии к наиболее интересным партиям, заметки о проводимых состязаниях. Он и здесь продолжал традиции Чигорина, пропагандируя его взгляды на шахматное искусство.

В студенческие годы Александр Алехин постоянно изыскивал возможности для глубокой работы над шахматами, играл тренировочные партии с сильными партнерами.

Примечательно, что именно в студенческую пору он быстро прогрессирует в шахматной игре, совершенствует свой яркий атакующий стиль. Обладая даром интуиции и острым комбинационным зрением, он все глубже проникает в динамику позиций, находит нестандартные конкретные планы и всегда стремится к полнокровной игре.

В период учебы в училище Алехину удалось выступить (в основном во время каникул) в нескольких международных и отечественных соревнованиях. Их перечень открывал турнир в Стокгольме, состоявшийся в июне 1912 года при 11 участниках, из которых половину составляли шведы. Александр был в ударе и, набрав 8½ очков, легко взял первый приз. В его пассиве были лишь один проигрыш и одна ничья.

В августовском номере журнала «Нива» по этому поводу была помещена такая информация: «Стокгольм. Во время Олимпийских игр здесь состоялся небольшой международный турнир, закончившийся победой А. А. Алехина. Как ни относительно значение этого успеха (единственный соперник Алехина — Шпильман — играл неудачно), однако он должен быть горячо приветствуем как первый международный триумф молодого маэстро».

После довольно легкой победы в Скандинавии и сеанса одновременной игры в Лондоне против сильнейших английских любителей, у которых он при 4 ничьих выиграл 10 партий, Алехин, возможно, предполагал, что у него не будет особых проблем в российских состязаниях. Однако на Всероссийском турнире маэстро, состоявшемся в Вильне с 19 августа по 12 сентября 1912 года, ему пришлось нелегко. Все одиннадцать участников состязания являлись международными мастерами и имели немалый опыт выступлений. И Алехина постигла неудача — он сумел набрать лишь 8½ очков из 18 (турнир проводился в два круга) и разделил с Г. Левенфишем VI–VII призы. У него оказался отрицательный баланс очков: 7 побед и 8 поражений. К лучшим своим партиям он отнес две победы над вторым призером состязания О. Бернштейном и по одному выигрышу у А. Нимцовича и Г. Левенфиша. А возглавляли турнирную таблицу в

тот раз А. Рубинштейн — 12 очков, О. Бернштейн — 11½ и С. Левитский — 11 очков.

Из Вильны Александр отправился в Москву повидать родных и обсудить со старшим братом Алексеем перспективы издания ежемесячного шахматного журнала. Идея эта давно витала в воздухе, после прекращения в мае 1910 года выпуска журнала «Шахматное обозрение» в России не стало периодического шахматного издания.

А необходимость в нем была большая, — следовало продолжать популяризацию шахмат, помогать любителям в освоении игры, а ведущим шахматистам в совершенствовании своего мастерства, сплачивать шахматные кружки. Двадцатичетырехлетний Алексей Александрович настолько зажегся этой мыслью, что практически все уже подготовил для начала издательской деятельности: подобрал помещение для редакции на Садово-Спасской улице в доме № 19, договорился с типографией, составил макет журнала и даже ориентировочно определил содержание первого номера. Тираж наметили небывалый для того времени — тысячу экземпляров! Название журналу решили дать такое же, какое имел в 1885–1887 годах чигоринский журнал — «Шахматный вестник». Тем самым как бы подчеркивалась преемственность традиций отечественной шахматной школы.

Горячо одобряя замысел брата, Александр обещал всячески помогать ему в издании журнала и присылать свои материалы. Первый номер журнала «Шахматный вестник» сразу выдвинулся в число лучших шахматных изданий мира. В нем содержалась широкая информация, оперативно освещалась шахматная жизнь, на высоком уровне комментировались партии. Журнал предпринимал попытки к созданию Всероссийского шахматного союза. Особенно активно сотрудничал в работе редакции К. И. Исаков. Он организовывал, собирал и редактировал материалы, вел переговоры с авторами и типографией. Выпуск журнала смогла прервать в 1916 году, на № 19–20, только Первая мировая война.

Будучи в Москве, Александр Алехин, конечно, посетил шахматный кружок, переехавший в собственное помещение (Сивцев Вражек, 11), где дал два сеанса одновременной игры, а также сыграл несколько легких партий.

Увидевший его там впервые, Харлампий Карпович Баранов, один из энтузиастов шахмат, впоследствии профессор, так передавал свои впечатления: «Бросалась в глаза его удивительная подвижность, как-то не вязавшаяся с высокой статной фигурой. Уже в те годы во всех его движениях чувствовались нервозность,

непоседливость. Он с поражающей быстротой показывал многочисленные варианты, анализируя позицию, стоящую на доске…»

Приехав в Санкт-Петербург на Васильевский остров, где он жил на 3-й линии, дом 26, квартира 24, Александр Алехин снова оказался в уютной домашней среде. Квартира принадлежала его родственнику — Владимиру Александровичу Беклемишеву, известному скульптору, профессору и ректору Санкт-Петербургской Академии художеств, очень тепло относившемуся к юноше. Он предоставил племяннику одну из лучших комнат на все годы учебы и окружил его вниманием и заботой.

Глава семьи — Владимир Александрович — незадолго до приезда Саши потерял супругу — Екатерину Ивановну (урожденную Прохорову, сестру матери Александра Алехина), тоже видного скульптора. Супруги Беклемишевы создали немало прекрасных работ, выполненных в бронзе и мраморе, часть из которых уже в то время экспонировалась в музеях. Среди них — произведения В. А. Беклемишева — «Как хороши, как свежи были розы», выполненное из бронзы в 1892 году, и портрет русского живописца-пейзажиста А. И. Куинджи, высеченный из мрамора в 1909 году, неизменно привлекающие внимание посетителей Русского музея в Санкт-Петербурге.

Владимир Александрович с увлечением рассказывал Саше о своих новых замыслах, знакомил с эскизами. Много интересного почерпнул Александр от участия в беседах с приходившими к Беклемишевым художниками, писателями, актерами…

Возобновив занятия в училище правоведения, Алехин вечерами нередко заглядывал в Санкт-Петербургское Шахматное Собрание, благо оно теперь было совсем рядом, на Литейном проспекте, 10. Как-то осенью они с Евг. А. Зноско-Боровским провели альтернативный сеанс на 38 досках. Сеансеры выиграли 23 и проиграли 10 партий.

«Шахматный клуб работал четыре раза в неделю с шести часов вечера до двенадцати часов ночи, — вспоминал в 1961 году гроссмейстер Григорий Яковлевич Левенфиш, получивший звание мастера в 1912 году. — Вплоть до 1914 года я был постоянным партнером Алехина. Много десятков легких партий мы сыграли с ним. Такого интересного партнера, как Алехин, я не встречал за всю свою жизнь. Играл Алехин с большим нервным напряжением, беспрерывно курил, все время дергал прядь волос, ерзал на стуле. Но это напряжение удивительным образом стимулировало работу мозга. Богатство идей в творчестве Алехина общеизвестно. В легких, неответственных партиях оно проявлялось, мне кажется, еще ярче. Исключительную изобретательность Алехин показывал

при ведении атаки… На мой взгляд, Алехин является феноменом, единственным в истории шахмат.

Перевес в наших встречах был на стороне Алехина. Малейшее ослабление моего внимания влекло за собой тактическую выдумку моего партнера, и исход партии не вызывал сомнений. Алехин обладал феноменальной шахматной памятью. Он мог восстановить полностью партию, игранную много лет назад. Но не менее удивляла его рассеянность. Много раз он оставлял в клубе ценный портсигар с застежкой из крупного изумруда. Через два дня мы приходили в клуб, садились за доску. Появлялся официант и как ни в чем не бывало вручал Алехину портсигар. Алехин вежливо благодарил».

Уже в ту пору у Александра Алехина появилось множество поклонников, восхищавшихся его талантом. Среди них особенно выделялся Николай Мешков, сын преуспевающего купца из Старого Оскола. Неистово полюбивший шахматы, Николай боготворил Алехина. А познакомились они еще в 1904 году в имении Александра Ивановича Алехина «Красная долина», находившемся в Землянском уезде Воронежской губернии, а ныне Касторненском районе Курской области. Туда семья Алехиных приезжала на отдых почти каждое лето.

В тот год к владельцу поместья прибыл купец Сергей Мешков, арендовавший у Алехина земли под сахарную свеклу. С ним находился и сын его — Николай. Он был одногодком с Алексеем Алехиным. Вскоре выяснилось, что тот и другой, а также младший брат Алексея — Александр имеют общее увлечение — шахматы.

Поначалу Николай больше общался с Алексеем, и не только за шахматной доской, где постоянно проигрывал, но и в удалых молодежных развлечениях: вихрем на тройке вороных носились по улицам Старого Оскола, заезжали в Касторное, посещали уездные балы.

А когда Николай Мешков и Алексей Алехин поступили в Варшавский университет, где Алексей вел шахматный кружок и проводил турниры, Николай стал упрашивать его о курсе индивидуальных занятий с ним за солидную оплату.

— Я за это не возьмусь, — категорически возразил Алексей Алехин. — Поезжайте в Петербург, там мой младший брат Александр учится в Училище правоведения. Он — настоящий гений в шахматах. Я дам вам, господин Мешков, рекомендательную записку.

Вскоре после этого разговора Николай Мешков оформил свой перевод из Варшавского в Петербургский университет и, прибыв в столицу, тут же встретился с Александром Алехиным. Регулярных

занятий шахматами тот не обещал, но выказал удовлетворение столь большому стремлению к совершенствованию знаний шахматной игры.

У них сложились дружеские отношения, которые, видимо, еще больше окрепли после того, как Александр Алехин добился отмены решения Старооскольского суда, наложившего крупный штраф на отца Николая — купца Сергея Мешкова за нарушение и незнание законов по вопросам купеческих сделок с банками. Александр запросил копию судебного дела, досконально изучил его и опроверг выводы решения. Так, находясь еще на студенческой скамье, Александр Алехин проявил глубину своего знания юриспруденции.

Об этом Николай Сергеевич Мешков, вернувшийся с фронта Великой Отечественной войны в звании капитана и назначенный на должность директора Старооскольского краеведческого музея, рассказал историку Николаю Никифоровичу Белых, автору 9-томного романа «Перекресток дорог», а тот, отвечая на запрос, — автору этой книги.

В начале ноября 1912 года в одинокой студенческой жизни Александра произошли приятные изменения. Его отец Александр Иванович Алехин, предводитель дворянства Воронежской губернии с 1904 года, был избран вместе с еще одиннадцатью представителями этой губернии депутатом 4-й Государственной Думы и прибыл в столицу на первую сессию. По своим политическим убеждениям он придерживался умеренных взглядов и принадлежал к центристской, наиболее многочисленной части членов Думы — фракции Союза 17 октября. В составе 4-й Государственной Думы он находился почти до самого последнего дня ее деятельности, до мая 1917 года. Избрание членом Государственной Думы было, разумеется, очень почетно, но в жизнь 56-летнего Александра Ивановича Алехина, солидного, мудрого и чрезмерно занятого человека, оно внесло много новых забот. Теперь ему, и так редко бывавшему с семьей, приходилось часто выезжать из Москвы не только в Воронеж, но и в Санкт-Петербург. Не оставляло его еще и другое занятие — для души. Ведь он, как уже говорилось, закончил в молодости историко-филологический факультет Московского университета. Повышенный исследовательский интерес к истории жил в нем.

При встрече с сыном Александр Иванович рассказывал о поездке воронежской делегации с его участием в 1912 году на Бородинские торжества, как и за три до этого на празднование 200-летия Полтавской битвы, об издании в Москве на его средства сборника «Воронежское дворянство в Отечественную войну». Александр Иванович Алехин купил во Франции много

подлинных документов, относящихся к войне 1813–1814 годов, и передал их в собственность Воронежской архивной комиссии. Думается, что рассказ отца вызвал живейший интерес у Александра. К истории и литературе его всегда влекло.

Отныне они стали чаще встречаться, обычно в Таврическом дворце, где остановился Александр Иванович. Наносили совместные визиты родственникам, жившим в Санкт-Петербурге Случались и поездки в театр. Александр был большим поклонником и драматических, и музыкальных спектаклей.

Примерно в это время Алехин, посещая Санкт-Петербургское Шахматное Собрание, познакомился с композитором Сергеем Прокофьевым, поэтом из журнала «Сатирикон» Петром Потемкиным и будущим театральным режиссером Константином Раушем. Вспоминая в 1969 году о прошлом, 84-летний Константин Михайлович рассказывал: «Часто Алехин и Прокофьев приходили ко мне на квартиру. Мы устраивали четверные турниры. В пылу сражения мои талантливые товарищи в полной мере показывали свой темперамент. А после шахматных баталий Прокофьев садился за рояль, играл Листа, Шопена — он их особенно любил».

В рождественские каникулы Александр Алехин совершил гастрольную поездку, — сначала в Казань, где в местном шахматном клубе с 21 по 23 декабря 1912 года дал два сеанса одновременной игры — на 20 и 30 досках, выиграв 35 партий при 5 поражениях, и, кроме того, сеанс из 4 консультационных партий, окончившихся его победой. Из Казани Александр приехал в Москву, где 17 и 19 января 1913 года совместно с Б. Блюменфельдом выиграл консультационную партию против О. Бернштейна и А. Селезнева.

В спортивной, творческой биографии Алехина 1913 год занимает особое место. Именно тогда в его игре появилась стабильность высоких результатов.

Интересный поединок начался у Александра Алехина 15 февраля 1913 года в Санкт-Петербурге. Ему в матче до семи выигранных партий противостоял талантливый самобытный мастер Степан Левитский, которого за оригинальную, творчески яркую игру Чигорин назвал «шахматной надеждой России». Поводом для матча, вероятно, явился третий приз Левитского во Всероссийском турнире мастеров в Вильно, где Алехин с Левенфишем разделили только 6–7-е места. При этом Алехин обе партии Левитскому проиграл.

Условия поединка были необычны. Меценат Н. С. Терещенко, вице-председатель Санкт-Петербургского Шахматного Собрания, пожертвовал на проведение матча немалую сумму — тысячу

рублей, и пожелал, чтобы все партии игрались открытыми дебютами, за исключением испанской партии и дебюта четырех коней.

Борьба в матче шла остро, бескомпромиссно, без ничьих. Алехину удалось на старте выиграть подряд три партии, но Левитский тут же сократил просвет до одного очка. Интригующая ситуация… Однако на финише Алехин снова побеждает в трех партиях подряд и выигрывает столь своеобразный матч со счетом 7:3.

Спустя месяц после матча Алехина с Левитским в Санкт-Петербург вновь приехал совершавший гастрольную поездку по России чехословацкий маэстро О. Дурас. С его участием с 4 по 9 апреля 1913 года был проведен небольшой четверной турнир. Первый приз поделили А. Алехин и Г. Левенфиш, набравшие по 2 очка из 3, а гость вместе с Е. Зноско-Боровским, имея по 1 очку, разделили 3–4-е места.

Семья Алехиных в Москве временно распалась: Александр Иванович и Александр жили в Санкт-Петербурге, Анисья Ивановна лечилась на курорте за рубежом, Алексей вплотную занимался изданием журнала «Шахматный вестник» и, как говорится, спал и дневал в редакции, а Варвара вся была поглощена съемками в киностудии. Большая квартира в доме Кузнецовой в Никольском переулке зачастую пустовала, и в 1913 году было решено от нее отказаться. Стали постепенно перебираться на новое жилье. А в квартиру № 2, где жили Алехины, въезжали Морозовы. Осматривая комнаты, как вспоминала потом Мария Николаевна Морозова, она обнаружила в задней комнате мезонина лежавший на кровати мундир правоведа. Это Александр Алехин не успел его, видимо, сразу забрать, торопился, как всегда, в Московский шахматный кружок. 24 апреля, во время кратковременного визита в Москву, он организовал тут консультационную партию и выиграл ее черными фигурами у Выгодчикова и Острогского.

А вскоре последовал новый выезд Алехина за рубеж. С 28 июля по 7 августа 1913 года в голландском городе Шевенингене он играл в небольшом международном турнире. Прошел всю дистанцию уверенно и, набрав 11½ очков из 13, получил первый приз. В его графе на таблице целый ряд единиц — 11 побед и лишь 1 ничья и 1 проигрыш — в последнем туре Д. Яновскому, занявшему второе место с 11 очками.

Однако победа Алехина в этом турнире была встречена сдержанно. Так, например, Е. А. Зноско-Боровский, ведущий тогда шахматный отдел в приложении к журналу «Нива», писал в октябрьском номере:

«Шевенинген… Можно порадоваться за А. А. Алехина, так уверенно идущего от успеха к успеху, и пожелать ему поскорее сменить несколько дешевые лавры, добываемые в смешанных турнирах, на более трудно достижимые, но куда более почетные — в серьезных состязаниях…»

А тем временем Александр совершил гастрольную поездку по Европе. В Берлине он выиграл в известном шахматном кафе «Керкау» показательную партию у победителя карлсбадского турнира 1911 года Р. Тейхмана. В Париже провел в кафе «Режанс» сеанс одновременной игры на 16 досках, выиграв 15 партий при одном поражении. После этого начал матч из трех показательных партий с чемпионом Берлина 1909 года Эдуардом Ласкером, только что получившим в Шевенингене звание мастера. Первая партия игралась в кафе «Режанс», вторая — в кафе «Континенталь», а третья за проливом Ла-Манш — в лондонском шахматном клубе «Сити чесс клабс». Силы оказались явно неравны — русский мастер победил с сухим счетом 3:0.

В конце 1913 года в Санкт-Петербург приехал в качестве дипломатического сотрудника кубинского посольства Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера. Ему было тогда всего 25 лет и своей обаятельной внешностью, манерами он производил неотразимое впечатление, особенно, конечно, на представительниц прекрасного пола. Уже в то время шахматные успехи Капабланки были велики, и в нем видели очевидного претендента на мировое первенство.

Находясь в России, кубинец выступил с сеансами одновременной игры в Москве, Киеве, Риге, Либаве и других городах. Состоялись его встречи с некоторыми видными русскими шахматистами. Он играл по две партии: у Ф. Дуз-Хотимирского и Алексея Алехина обе выиграл, а с Е. Зноско-Боровским имел ничейный счет 1:1.

Впервые Капабланка и Александр Алехин встретились за шахматной доской в Петербурге, в ноябре 1913 года. Тогда они сыграли две тренировочные партии, завершившиеся победой кубинца. Это ни в коей мере не помешало установлению между молодыми людьми дружеских отношений. Они часто бывали вместе в гостях, музеях, театрах, играли блиц-партии.

Вспоминая о своих впечатлениях от знакомства с Александром Алехиным, Хосе Рауль Капабланка писал в 1927 году в статье «Развитие шахматного дарования Алехина»: «Я впервые встретился с Алехиным в 1913 году в Петербурге. В то время Алехину был всего 21 год. Но уже тогда он выказал замечательное знание дебютов. В настоящее время я сомневаюсь, найдется ли другой такой знаток в этой области. В 1914 году в

Петербург приехал брат Алехина. Мы трое стали хорошими друзьями.

Мне кажется, что общение со мною до некоторой степени способствовало развитию и оформлению игры Алехина. Тогда он был очень слаб в эндшпиле. Теперь он очень силен в этой стадии игры. Тогда он был слабоват в позиционной оценке в миттельшпиле. Ныне в этом отношении он один из сильнейших. Вообще в то время он был лишь талантливым «зеленым юнцом» в шахматах. А теперь ни у кого из маэстро нет, пожалуй, такой законченности во всех стадиях игры, как у Алехина. Он прогрессировал с тех пор настолько, что ныне может считаться достойным претендентом на мировое первенство».

Однако мы несколько забежали вперед. Вернемся к большим шахматным событиям 1913 и 1914 годов.

В ознаменование своего десятилетнего юбилея Санкт-Петербургское Шахматное Собрание решило провести целую серию соревнований: Всероссийский турнир любителей и параллельно с ним турнир высших учебных заведений, победителям которых присваивалось звание маэстро и предоставлялось право участия в следующем этапе — Всероссийском турнире мастеров, за которым следовал международный турнир. К чести организаторов, эта обширная праздничная и в то же время спортивно-творческая программа была полностью выполнена.

Конечно, наибольший интерес вызывали два последних этапа юбилейных торжеств.

Всероссийский турнир мастеров проходил в зале Санкт-Петербургского Шахматного Собрания на Литейном проспекте, 10, в период с 22 декабря 1913 года по 17 января 1914 года при восемнадцати участниках.

Путь к первому месту, дающему право участия в международном турнире, потребовал от Александра Алехина, помимо других качеств, проявления большой силы воли. Уже на старте турнира его постигла неудача. Получив преимущество в партии с М. Ловцким, он на 42-м ходу делает, по самокритичному признанию, «удивительно плохой ход, сразу лишающий белых каких-либо надежд на выигрыш». Мало того, вслед за этим Алехин допускает в цейтноте целую серию слабых ходов, приводящих его вскоре к поражению.

Как воспринял молодой маэстро такое обескураживающее начало своего выступления в соревновании? Что за этим последовало? Какие мысли, выводы явились ему в те горькие часы?

Алехин тщательно анализирует партию, проигранную, как

потом выяснилось, четвертому призеру турнира, приходит к оценке: «Исключая очень плохой эндшпиль, довольно интересная партия» и отправляет ее текст в Москву своему брату Алексею для публикации в журнале «Шахматный вестник». 15 января 1914 года партия появляется с примечаниями Александра Алехина во втором номере журнала. Именно с этой неудавшейся партии, а не с победной начал Алехин публичный отчет о своем выступлении во Всероссийском турнире мастеров. Характерный штрих!

О высокой психологической устойчивости Алехина уже в то время и о правильности сделанных им тогда выводов убедительно свидетельствовали последующие турнирные результаты. Он выигрывает подряд семь партий и среди них у А. Флямберга, занявшего в итоговой таблице третье место, и у Г. Левенфиша, взявшего пятый приз. Затем следует ничья с А. Смородским (6–7-й призы) и вновь две победы, в том числе над главным соперником — А. Нимцовичем. 9½ очков из 10!

Столь редкостную скорость трудно, конечно, выдержать на протяжении всей турнирной дистанции. Исподволь накапливается усталость, затормаживается восприятие позиции. И вот Алехин — кто бы мог предположить — проигрывает в 12-м туре Б. Грегори, занявшему последнее место в таблице.

К лидеру приближаются Флямберг — 9 и Нимцович — 8 очков. А до финиша еще пять долгих трудных туров… «Надо найти силы для нового рывка вперед, максимально собраться, отрешиться от всего, не имеющего отношения к шахматам», — внушает себе Алехин.

Он снова предельно сосредоточен и пытливо ищет скрытые ресурсы атаки в каждой позиции. Следует серия из трех побед. Но преследователи не отстают, идут по пятам.

И здесь происходит непредвиденное. В предпоследнем туре он, имея лишнюю фигуру, совершенно неожиданно проигрывает Ефиму Боголюбову, над которым в будущих соревнованиях будет почти постоянно брать верх.

Ситуация в борьбе за первое место крайне обостряется. Вперед вырывается с 13 очками Флямберг. Алехин и нагнавший его Нимцович отстают на половину очка. Все должен решить последний тур.

17 января 1914 года зал был переполнен. Все с большим интересом следили за партиями лидирующей в турнире тройки, ждали развязки. Ставка была велика: победитель получал право участия в международном турнире, который начнется в Санкт-Петербурге через два с половиной месяца. А там целое созвездие имен во главе с чемпионом мира Эм. Ласкером, Х. Р. Капабланкой. Претенденты на участие в таком представительном

соревновании не могли не испытывать огромного волнения в часы последнего тура.

Испытание выдержали двое: Алехин черными фигурами выиграл у С. Алапина и Нимцович — белыми у Левенфиша. Флямберг проиграл.

У Всероссийского турнира мастеров оказалось два победителя — Александр Алехин и Арон Нимцович.

А по условиям в международном турнире предоставлялось место только единоличному победителю. Для его выявления пришлось организовывать дополнительное соревнование — матч из четырех партий. Нимцович всегда отличался повышенной нервозностью, но на этот раз страсти накалились сверх всякой меры. Естественно, что игра в такой обстановке не способствовала творчеству. И хотя Алехин, выиграв первую партию, поместил ее в сборник лучших своих поединков, в ней все же чувствуются отзвуки чрезмерной накаленности матча. Во второй партии Нимцович отквитался и предложил тут же признать матч оконченным вничью. Устроители соревнований решили не искушать судьбу и допустить обоих победителей Всероссийского турнира мастеров к участию в международном турнире.

До начала главного события юбилейных торжеств Санкт-Петербургского Шахматного Собрания — международного турнира оставалось около трех месяцев. Некоторые из приехавших на это состязание зарубежных гроссмейстеров уже гастролировали по городам России, а Александр Алехин разрывался на части. Надо было посещать занятия в Училище правоведения, готовиться к выпускным экзаменам и в то же время спешно вести подготовку к встрече с именитыми маэстро.

В феврале 1914 года Александру Алехину доставили на дом конверт с иностранными почтовыми марками. В нем лежало приглашение приехать на шахматные гастроли в Буэнос-Айрес. Это было, конечно, очень заманчиво, но в то время Алехин не мог принять столь лестное предложение и ответил учтивым отказом.

Ему хотелось ускорить свое знакомство со знаменитостями, вступить с ними в полезное общение, и он решил хотя бы на несколько дней вырваться в родную Москву вслед за зарубежными маэстро.

Уже 15 марта 1914 года Алехин играл показательную партию с Ласкером в Московском Охотничьем клубе на улице Воздвиженка, 8.

«Барьеров вокруг игравших не было, — вспоминал Х. К. Баранов, — но публика не подходила близко к столику и держалась дисциплинированно. Демонстрационных досок тогда

тоже не было, и многие держали в руках карманные шахматы. Ходы передавались в публике шепотом, из уст в уста. Но когда Алехин пожертвовал слона, зал зашумел и замолк только под взглядом Алехина.

Сравнивая партнеров, можно было сказать — лед и пламень. Пожилой Ласкер с вечной сигарой, хладнокровный и выдержанный, был полной противоположностью своему юному противнику, беспрерывно вертевшему клок волос и нередко вскакивавшему после сделанного хода. Нам не нужен был комментатор: на его выразительном лице отражались все душевные переживания. Он был в хорошем настроении, и зрители были уверены, что его позиция хороша. После окончания партии быстро замелькали над доской тонкие руки Алехина, показывавшего бесчисленные варианты.

Следует отметить, что несколько лет спустя Алехин выработал иную, выдержанную манеру держаться во время партии. Популярность его росла стремительно…»

К этим интересным воспоминаниям современника Алехина добавим лишь, что та показательная партия с Ласкером завершилась вничью.

Вскоре, 18 марта 1914 года, в Москве состоялся альтернативный сеанс Ласкера, Алехина и Бернштейна на 21 доске. Сеансеры выиграли 14 и проиграли 2 партии, на остальных досках были зафиксированы ничьи. На сеансе присутствовало множество зрителей, и о нем широко рассказывалось в газетах.

На другой день Алехин провел сеанс одновременной игры вслепую на 7 досках. К удивлению публики он довольно скоро выиграл 5 партий, в одной была ничья.

21 марта 1914 года Ласкер и Алехин, выполняя данное ими после окончания показательной партии обещание любителям шахмат из Серпухова, приехали в этот подмосковный город. Чемпион мира провел сеанс одновременной игры на 38 досках, а Алехин, после завершения этого сеанса, играл одновременно семь партий вслепую.

В Серпухове до сих пор вспоминают анекдотический случай о даме, услышавшей о только что состоявшемся сеансе, проведенном Алехиным, не глядя на доску. Говорят, она возмущенно воскликнула: «Как вам не стыдно говорить, что Алехин слепой! Час назад он взглянул на меня своими лучистыми глазами и даже улыбнулся!»

Вернувшись в Санкт-Петербург к своим многочисленным делам, Алехин заинтересованно следил за подготовкой совещания русских шахматистов по вопросу создания давно ожидаемого Всероссийского Шахматного Союза. Идею основать

его выдвинул еще в 1885 году Михаил Иванович Чигорин, писавший в журнале «Шахматный вестник», что такой союз мог бы поочередно в разных городах проводить ежегодные конгрессы и турниры, тем самым сплачивая шахматистов. И вот 10 апреля 1914 года, по инициативе Санкт-Петербургского общества любителей шахматной игры, наконец такая организация появилась. Первоначально во Всероссийском Шахматном Союзе насчитывалось 85 индивидуальных и 738 коллективных (групповых) членов, образовавших 27 местных отделений. Председателем союза был избран П. П. Сабуров. Была намечена обширная программа деятельности Всероссийского Шахматного Союза, но начавшаяся вскоре Первая мировая война сорвала все планы…

Санкт-Петербургский международный турнир, организованный на пожертвования меценатов и средства, полученные от подписных листов и продажи входных билетов, что принесло в общей сложности около 20 тысяч рублей, обещал быть важным и крупным событием. Его победитель (если бы им оказался не Эмануил Ласкер) получал преимущественное право на матч с чемпионом мира. Для того чтобы в отборе претендента максимально сократить элемент случайности, решено было проводить состязание в два этапа, — сначала турнир в один круг с участием 11 гроссмейстеров и маэстро, а затем — турнир в два круга между пятью победителями первого этапа. Окончательный итог выступления этой пятерки участников определялся суммой очков, набранных ими в обоих турнирах. Вот такая сложная и, по замыслу организаторов, оптимально объективная система выявления сильнейших ожидала участников международного турнира.

Многих заинтриговало предстоявшее соперничество Ласкера с Капабланкой — ведь до этого они никогда не встречались. Турнир вызвал такой шахматный энтузиазм, какого Россия еще не знала. Среди зрителей встречались даже любители шахмат с Дальнего Востока, проделавшие до Санкт-Петербурга путь больший, чем многие зарубежные участники состязания. И их ожидания оправдались — турнир вылился в исключительную по напряженности борьбу.

Отборочный этап турнира проводился с 8 по 23 апреля 1914 года и, в известной степени, принес сенсацию. Первое место, с отрывом в полтора очка, занял гениальный кубинец Хосе Рауль Капабланка — 8 очков. На втором-третьем местах были представители Германии — чемпион мира Эмануил Ласкер и Зигберт Тарраш. Четвертое-пятое места, имея по 6 очков из 10, разделили Александр Алехин и Фрэнк Маршалл (США). Они и

вышли в финальный турнир.

За чертой остались О. Бернштейн, А. Рубинштейн, А. Нимцович (все Россия), Б. Блэкберн (Англия), Д. Яновский (Франция) и И. Гунсберг (Англия).

С 27 апреля по 9 мая 1914 года за шахматными столиками, при огромном стечении публики, встречались победители отборочного этапа. Играли, разумеется, не все в один день — кто-то, оказавшийся пятым, отдыхал.

В финале резко усилился наступательный порыв у Ласкера. Стремясь наверстать упущенное, он играл каждую партию с большим напряжением. Но и Капабланка не отставал… Все решила третья партия между ними — после двух предыдущих ничьих с кубинцем Ласкеру удалось ее выиграть. В итоге финальный турнир дал Ласкеру 7 очков, что с 6½ из отборочного принесло первый приз. Его главный соперник Капабланка набрал в финале 5 очков и, приплюсовав к ним 8 из отборочного, получил второй приз. Только на половину очка его результат оказался хуже, чем у чемпиона мира.

А главным героем турнира, пожалуй, все же стал студент Александр Алехин. Набрав в финале 4 очка, которые были прибавлены к 6 очкам из отборочного, он с 10 очками завоевал третий приз и звание гроссмейстера. Он сумел превзойти целую группу известных шахматистов и оставил в тени А. Рубинштейна, в котором многие видели претендента на мировое первенство.

В газете «Вечернее время» 14 мая, после завершения турнира, писали:

«Итак, на шахматном небосклоне засияли новым блеском две звезды первой величины — (имеются в виду, разумеется, Ласкер и Капабланка. — *Ю. Ш.*) — и в этом историческое значение турнира. И другая заслуга его в том, что рядом с этими двумя он сделал еще одного игрока, о котором больше всего радуется Россия. Речь идет, конечно, об Алехине. Вот кто может сказать, что он сам добился своего высокого места. В турнир его приняли лишь после победы во всероссийском; не ждали, что он пройдет в группу победителей; предупреждали его поклонников, что в ней он может сыграть неудачно, — и вот, в опровержение всего этого, Алехин берет III приз! В его лице Россия приобретает очень грозную силу, которую без страха можно благословлять в дальнейшие, все труднейшие, все опаснейшие бои…»

С восторгом об Александре Алехине говорилось и в иностранной прессе. Рудольф Шпильман назвал его в «Последних известиях Мюнхена» молодой надеждой России: «Он обладает огромным запасом идей и от него можно ожидать много прекрасного».

«Дойчес Вохеншах» утверждал: «Большая одаренность Алехина уже давно вне сомнения, но то, что он сразу занял место среди победителей, — о подобном никто не мог мечтать и это заслуженная честь молодого мастера».

А Георг Марко сказал, что Алехин был «третьим в союзе сильнейших», что его стиль игры оправдал себя, и, показав «когти льва», он сражался с неукротимой смелостью.

После того как Александр Алехин в мае 1914 года блистательно сдал одновременно два серьезнейших экзамена — в Училище правоведения и в международном турнире, ему, казалось бы, нужен был длительный отдых. Однако приглашение Германского Шахматного Союза звало на очередной, 19-й Конгресс, проводимый в Мангейме. Туда уже выехала большая группа русских шахматных мастеров и любителей. Алехин не торопился и прибыл на турнир 7-го, а по новому стилю 20 июля 1914 года, буквально за два часа до начала соревнования.

Отвечая на вопрос Петра Романовского, почему он столь долго держал в неведении турнирный комитет, Алехин сказал, что ему необходимо было выяснить, будет ли участвовать в турнире Капабланка. «Дело в том, — весьма непосредственно пояснил он свою мысль, — что я готов был играть лишь в случае неучастия Капабланки. Через несколько лет собираюсь с ним играть матч на звание чемпиона мира и поэтому весьма важно создать вокруг этого вопроса определенное общественное мнение. Сегодня я играю слабее Капабланки, и при его участии он бы взял первый приз, а становиться ниже Капабланки сейчас совершенно не в моих интересах».

«Но ведь чемпион-то мира Ласкер, а не Капабланка», — возразил Романовский. — «Но скоро им будет Капабланка», — ответил Алехин.

Этот дальновидный прогноз свидетельствовал о глубокой стратегии Александра Алехина в борьбе за мировое первенство, об умении предвидеть развитие событий.

Программой Конгресса в Мангейме предусматривалось проведение нескольких состязаний, главным из которых являлся международный турнир, собравший 18 ведущих маэстро из ряда стран.

Окрыленный недавними победами в Санкт-Петербурге, Александр Алехин играл уверенно и постоянно находился в лидирующей группе, хотя дважды спотыкался — ничья во втором туре с Клюгером и проигрыш черными в шестом туре Яновскому. Но уже в девятом туре он вырвался вперед. После одиннадцатого тура у него было 9½ очков из 11, а у преследовавших его Видмара и Шпильмана — 8½ и 8 соответственно. Далее шли на 4–6-х

местах Брейер, Маршалл и Рети, на 7-м — Яновский, и на 8–9-м — Боголюбов и Тарраш. Эти места так и остались зафиксированы в турнирной таблице, хотя до завершения турнира оставалось шесть туров.

19 июля, а по новому стилю 1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Все турниры в Мангейме были прерваны, а призы вручены тем, кто имел к тому времени лучшие результаты. Вручение первого приза в международном турнире маэстро Александру Алехину в сумме 1100 немецких марок было воспринято всеми участниками как вполне заслуженное вознаграждение.

В связи с началом войны все русские участники Конгресса Германского Шахматного Союза были интернированы. Сначала их доставили в полицейский участок в Мангейме, затем перевели в военную тюрьму в Людвигсхавен, а потом, 4 августа, — в гражданскую тюрьму в Раштатт.

В Раштаттс Александр Алехин находился в одной камере с Е. Боголюбовым, А. Рабиновичем и С. Вайнштейном. Вспоминая впоследствии дни заключения, Алехин рассказывал: «Жизнь в тюрьме была довольно однообразной, не было ни книг, ни газет, ни, конечно же, шахматной доски. Мы с Боголюбовым часами играли в шахматы вслепую. Наши баталии были прерваны, когда я на четыре дня был посажен в одиночную камеру за то, что во время общей прогулки (в обязательном гусином строю) отважился один раз улыбнуться…» Видимо, надзиратель истолковал это как грубое нарушение тюремного режима.

Говоря об отсутствии шахмат в камере, Алехин не упомянул о том, что в Мангейм он приехал, имея при себе небольшие дорожные шахматы с темно-багровыми и белыми фигурками, выточенными из слоновой кости. Но они были отобраны у него немцами при аресте. Лишь при освобождении из тюрьмы шахматы вернули Алехину, который оставил их Александру Селезневу, будущему шахматному мастеру и известному композитору, продолжавшему томиться под арестом. Только в 1924 году тот смог вернуться на Родину.

Три года Селезнев прожил в Москве, а затем переехал в Донбасс. Там на одном из турниров он встретил Алексея Алехина, секретаря Украинской шахматно-шашечной секции. Рассказал ему о судьбе дорожных шахмат младшего брата и попросил дать совет, как с ними поступить. Решили написать Александру Алехину в Париж. Ответ пришел скоро. Чемпион мира пожелал подарить шахматы лучшему шахматисту из рабочих.

В 1929 году их обладателем стал 20-летний Григорий Шер из котельно-мостового цеха Донецкого металлургического

комбината, занявший первое место в турнире рабочих Донбасса. Какова дальнейшая судьба дорожных шахмат Александра Алехина, неизвестно.

Однако вернемся в 1914 год к русским шахматистам — невольным узникам тюрьмы в Раштатте.

Во второй половине августа всех русских шахматистов перевели из тюрьмы в гостиницу в Баден-Бадене. Здесь их пути разошлись — одним, получившим освобождение от военной службы по состоянию здоровья, удалось кружным путем вернуться в Россию, а другие оставались в Германии на положении интернированных до полутора лет.

Александр Алехин был признан немецкой медицинской комиссией не подлежащим призыву в русскую армию и 14 сентября получил право покинуть Германию. Спустя три дня после его освобождения были отпущены Ф. Богатырчук и П. Сабуров.

В поисках путей возвращения в Россию Алехин выехал в швейцарский город Базель.

Знал ли в тот момент Александр, что совсем недалеко от Мангейма тогда находились в Висбадене, на положении интернированных его родители — Александр Иванович и Анисья Ивановна Алехины? Летом 1914 года они прибыли туда на отдых и для курса лечения, назначенного матери Саши. Начавшаяся война нарушила все планы, Алехиным были запрещены передвижения по Германии. К Александру Ивановичу, как члену Государственной Думы России, тамошние власти отнеслись особенно неприязненно. И только через продолжительное время им удастся переехать в Базель. Там 28 декабря 1915 года и скончалась от тяжелой женской болезни 46-летняя Анисья Ивановна.

А тем временем Александр Алехин направился из Базеля в Геную, где находился сборный пункт для подданных России, оказавшихся в Европе отрезанными от родины. Теплилась надежда добраться оттуда морем до Одессы. В ожидании парохода Алехин в Генуе встречался за шахматами с итальянцами и соотечественниками.

Одним из его партнеров стал киевлянин Федор Богатырчук, занявший в Мангейме в турнире любителей «А» шестое место. Они сыграли тогда множество партий. Вспоминая об этом впоследствии, международный мастер, доктор медицинских наук Федор Парфеньевич Богатырчук писал в книге, изданной в Сан-Франциско в 1978 году:

«Только тот, кто играл с этим гениальным шахматистом, знает, какой он был маг и волшебник на 64 полях шахматной

доски. Фигуры в его руках превращались в живые существа, преподносившие противникам совершенные неожиданности. И при этом сюрпризы сваливались на голову врага, как гром среди ясного неба в любой стадии игры, даже когда на доске оставалось считанное число фигур. Генуэзское сидение, несомненно, дало для моего шахматного развития больше, чем последующие годы игры с рядовыми противниками.

Между тем парохода все не было, и те, кто имел средства, уезжали более дорогим северным маршрутом. Так уехали Сабуров и Алехин».

Их путь в Петроград лежал через Лондон, Стокгольм. В столице Швеции Алехин 20 октября дал сеанс одновременной игры на 24 досках: в 18 партиях он победил и в двух проиграл.

В конце октября Алехин и Сабуров вернулись в Петроград. Вскоре Александр был уже в Москве.

И вот 5 ноября 1914 года он появился среди публики. К тому времени Московский шахматный кружок покинул помещения Охотничьего клуба, оборудованные под лазарет, и перебрался в небольшой зал Коммерческого училища Плестерера, находившегося на Арбатской площади напротив храма Бориса и Глеба.

В тот день в небольшом зале кружка было шумно, а за шахматными досками уже сидели 33 счастливчика, успевшие заблаговременно попасть в заветный список участников сеанса одновременной игры с маэстро. Вот несколько выдержек из интересных воспоминаний Владимира Ильича Нейштадта, ставшего впоследствии литератором и переводчиком, а в то время шестнадцатилетнего гимназиста, участника этого сеанса.

«Гул разговоров все нарастал, играли «блиц», громко стуча фигурами, — и вдруг наступила тишина. Вошел Алехин. И тут же тишина сменилась взрывом аплодисментов. Алехин был уже тогда любимцем Москвы, и хотя он в 1910 году переселился в Петербург (для продолжения образования), москвичи считали его земляком.

Алехин несколько смущенно поклонился и сказал слегка охрипшим голосом:

— Кажется, я не опоздал? Извините, я немного нездоров, вот хриплю даже, и голова болит, но играть, конечно, буду. Давайте начнем.

И через минуту-другую он пошел с молниеносной быстротой двигать фигуры по доскам. Вернее, он их не двигал, а как-то швырял, но они удивительно точно прилипали к нужному полю. При этом я сразу обратил внимание, как хищно его рука с полусогнутыми пальцами нацеливалась на фигуру. Было вообще

что-то ястребиное во всей его повадке. Иногда, задумавшись на несколько секунд, он держат нацеленную руку на весу, причем двигал и снимал фигуры то правой, то левой рукой, особенно если следовала серия ходов.

Но было видно, что он нездоров и только большим усилием воли перемогает свое нездоровье. Иногда, он морщась, прикладывал руку к виску, потирая лоб…»

Давая сеанс, Алехин не понукал, не торопил игравших, давал им возможность переменить сделанный ход, а после окончания сеанса охотно анализировал наиболее интересные позиции.

Результаты того сеанса были весьма скромными для Алехина, если не сказать больше. Но он был явно нездоров, и к тому же, как вспоминал В. И. Нейштадт, «в числе его противников была чуть ли не вся первая категория Москвы. Деньги, полученные за сеанс, Алехин отдал в пользу раненых солдат. Руководители шахматного кружка выразили ему за это благодарность. Алехин отмахнулся от благодарности…»

А потом случилось довольно редкое явление — четыре дня с 7 по 10 ноября в Московском шахматном кружке длилась консультационная партия А. Алехина и В. Ненарокова против О. Бернштейна и Б. Блюменфельда. Такого упорства от них никто не ожидал. Победили все-таки белые, руководимые Алехиным и Ненароковым.

Затем 15 ноября Алехин побывал в Серпухове, где в сеансе одновременной игры на 38 досках взял верх в 32 и проиграл 4 партии.

Будучи в Москве, Александр, естественно, не раз посещал редакцию журнала «Шахматный вестник», переехавшую в октябре 1913 года с Садово-Спасской улицы, 19 в Гранатный переулок, 2. Говорили с братом Алексеем, как преодолеть возникшие сложности в издании, что следует публиковать полнее.

Навешал Алехин и других родственников, знакомых.

Приехав в Петроград, Александр явился в министерство, к которому был причислен, но никаких конкретных заданий не получил. Возобновил работу над анализом шахматных партий из недавно состоявшихся соревнований. 7 декабря дат сеанс одновременной игры в Петроградском Шахматном Собрании, по-прежнему находившемся на Литейном проспекте, 10. Результат оказался отменным — в двадцати партиях выиграл и лишь одну проиграл. Деньги, поступившие от сеанса, по просьбе Алехина, были направлены в пользу русских шахматистов, томившихся в немецком плену. На следующий день он снова выступил с сеансом на 30 досках в шахматном кружке Политехнического института. Студенты оказали больше сопротивления и, проиграв

сеансеру 22 поединка, сумели в 6 партиях вынудить его сдаться. Сбор от сеанса, по инициативе Алехина, был передан в пользу их же студента — П. Романовского, также пока находившегося в плену.

В январе 1915 года в Петрограде состоялась консультационная партия. Белыми фигурами играли Е. Зноско-Боровский и Б. Коялович, а черными — А. Алехин и Н. Терещенко. Встреча закончилась победой черных и была опубликована с примечаниями Александра во втором номере журнала «Шахматный вестник». Комментируя партии, Алехин неустанно подчеркивал необходимость конкретной оценки позиций. Об этом гроссмейстер говорил и 22 февраля участникам матча между студентами Института гражданских инженеров и Политехнического института при присуждении двух неоконченных партий состязания.

Вскоре после этого Александр Алехин переехал в Москву и поселился вместе с отцом и братом Алексеем в квартире, снятой ими в Гусятниковом переулке, в доме № 11. Она была намного роскошнее арбатской, в Никольском переулке. Тут, по воспоминаниям Н. П. Целикова, шахматиста первой категории, он много играл консультационных партий против Александра Алехина. Сражения за шахматной доской происходили в большом салоне и длились с 9–10 часов вечера до 4 часов ночи. Лакей в белых перчатках приносил на серебряном подносе чай с пирожными, почту.

Продолжавшаяся война побуждала Алехина искать пути личного участия в грозных событиях. Мы уже знаем, что от службы в армии он был освобожден по состоянию здоровья. Следовало найти другие формы своей причастности к фронту.

В Москве Александр побывал на Пресне, в Большом Трехгорном переулке, где один из двух особняков Прохоровых — более обширный, двухэтажный — занимал тогда лазарет для раненых воинов. Прохоровы помогали госпиталю необходимым оборудованием, бельем, медикаментами, продуктами питания, оказывали лично посильную помощь в организации лечения. Это не могло не произвести большого впечатления на Александра. Возможно, тогда же он узнал, что осенью 1914 года его престарелый дед — Иван Ефимович Алехин и невестка его младшего сына Константина — Анна Константиновна Алехина, проживавшие в Воронежской губернии, награждены нагрудными знаками Красного Креста. Это было поощрение их помощи действующей армии.

У Александра созревает решение, и он становится сотрудником Комитета по оказанию помощи одеждой и всем

необходимым больным и раненым воинам, увольняемым на родину. Такие комитеты действовали повсеместно в рамках Всероссийского Союза городов — Земгора. Эта общероссийская военно-общественная организация помогала в мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии вооружением и снаряжением. Она занималась оборудованием госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовкой медикаментов, белья и обучением медицинского персонала, оказывала помощь беженцам. Земгор помогал государству переносить тягости войны, и его деятельность имела, несомненно, огромное патриотическое значение.

Александр Алехин, надо полагать, трудился в Земгоре добросовестно, и его первый период работы там (о втором периоде речь будет идти позже) получил одобрение. Автор книги ознакомился с большим количеством документов о деятельности Всероссийского Союза городов. В «Правительственном вестнике» № 128 от 15 (28) июня 1916 года, на второй странице, помещен «Список лиц, награжденных Высочайше установленным 24-го июня 1899 года Знаком Красного Креста на 10 апреля 1916 года» прочитал. Среди прочих имен там значится:

«Сотрудник Комитета по оказанию помощи одеждою и всем необходимым больных и раненых воинов, увольняемых на родину, Титулярный советник Александр Алехин…»

В свободное от присутственных часов в Комитете время Александр, конечно, стремился, хотя бы изредка попасть в Московский шахматный кружок. Там старший брат Алексей взял очередной первый приз в турнире-гандикапе, но был третьим в турнире первокатегорников. Его избрали в состав нового комитета кружка, который возглавил князь Ф. М. Урусов, родственник известных русских шахматистов конца прошлого века — братьев Дмитрия и Сергея Семеновичей Урусовых. Летом Московский шахматный кружок оставил помещение Коммерческого училища Плестерера и переехал на Арбат, 25 в помещение Лиги равноправия женщин.

Здесь 5 августа 1915 года Александр Алехин дал сеанс одновременной игры с контролем времени четырем первокатегорникам. У В. Стрита и Н. Целикова он выиграл, а в партиях с Е. Левашовым и В. Розановым были зафиксированы ничьи.

Затем Алехин выбрал время для того, чтобы провести в кружке 2 октября сеанс одновременной игры на 32 досках, из которых в 23 он победил, а в 5 проиграл. А через три недели, 24 октября, он дал сеанс в Серпухове на 18 досках, где выиграл 16 партий и две свел вничью.

В сеансах одновременной игры Алехин видел не только средство популяризации шахмат, форму общения с любителями, но и известную тренировку для самого сеансера:

«Сеансы для шахматного мастера представляют вполне. определенную ценность, — писал гроссмейстер. — В смысле дебютной теории и техники они являются полезной подготовкой к серьезным индивидуальным соревнованиям.

Даже среди слабых шахматистов встречаются такие, которые в нужную минуту находят правильный план, хитрую защиту, необычайный маневр, наводят этим мастера на новые идеи…. Своими ошибками они дают ему случай поупражняться в остром использовании промахов противников…»

Небезынтересно отметить присущие Александру Алехину как сеансеру особенности. Он как-то выделялся благожелательным отношением к любителям, принимавшим участие в таких мероприятиях; не ограничивал число досок, как некоторые другие («30! — и ни одной больше, иначе сеанс проводить не буду»), готов был играть не только белыми, но и черными фигурами.

Примечательным событием стал турнир, начатый 9 октября в Московском шахматном кружке при участии Александра Алехина. В нем играли, по существу, почти все сильнейшие шахматисты Белокаменной, как называли тогда нередко Москву. Алехин был вне конкуренции, — из 11 партий он в 10 одержал победы и лишь в одной довольствовался ничьей. 10½ очков из 11! За ним был В. Ненароков, отставший на два очка, потом — П. Иорданский — 8 очков, Н. Зубарев и Г. Рабинович по 7 очков и лишь шестым Н. Григорьев, набравший 5½ очков.

Гроссмейстеру был вручен специальный приз за эффектную победу в партии против Н. Зубарева, окончание которой приведено в заключительной части книги.

Турнир внес большое оживление в затихшую было шахматную жизнь Москвы и привлек значительное число зрителей. Результаты каждого тура оперативно сообщались в московской газете «Утро России».

А для Алехиных и Прохоровых 1915 год закончился тяжелыми утратами. 19 ноября на 56-м году жизни скончался Николай Иванович Прохоров, дядя Александра Алехина, много сделавший для совершенствования и процветания «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры». За большие заслуги в развитии текстильной промышленности в России Николай Иванович со всей семьей был Высочайшим указом возведен в дворянство в сентябре 1912 года. Такой чести редко кто удостаивался из купцов-промышленников. Тогда же, в 1912 году, приезжавший в Россию премьер-министр Франции Раймон

Пуанкаре посетил предприятие Прохоровых и вручил Николаю Ивановичу наивысшую награду — орден Почетного легиона.

А когда грянула мировая война, Н. И. Прохоров, нисколько не задумываясь, отдал свой особняк на Пресне для оборудования там госпиталя.

Это благодаря Николаю Ивановичу и его супруге Татьяне Григорьевне подмосковная дача в Покровском-Глебове была всегда гостеприимна, в том числе и для детей из фабричного приюта, называвших эту дачу «Татьяно-Николино», по именам супругов. Он и погребен был неподалеку от фабрики, которой отдал всю жизнь — на Ваганьковском кладбище.

Большим горем в сердцах Алехиных и Прохоровых отозвалась кончина 28 декабря 1915 года в возрасте всего лишь 46 лет долго и тяжело болевшей Анисьи Ивановны Алехиной. Мать троих, тогда уже взрослых детей, в том числе будущего чемпиона мира по шахматам Александра, скончалась в швейцарском городе Базеле, где проходила курс лечения. Божественная литургия, а после нее панихида по почившей были совершены 31 декабря 1915 года в церкви при доме Воронежского губернского дворянства.

Скорбные события, естественно, изменили планы, вызвали перерыв в делах. И только после встречи с отцом, вернувшимся из Германии, где он пробыл свыше года в качестве военнопленного, Александр Алехин принял приглашение Одесского шахматного общества и совершил весной 1916 года гастрольную поездку в Одессу, а затем в Киев. 8 апреля одесские энтузиасты шахмат встречали гроссмейстера. Первым его выступлением был сеанс одновременной игры 12 апреля в Литературно-артистическом клубе на Греческой, 48. Алехин из 20 партий выиграл 17 и проиграл лишь одну. Сбор от сеанса был направлен Алехиным, как обычно, в пользу шахматистов, находившихся в немецком плену. Через день гроссмейстер в том же клубе демонстрировал свое искусство игры вслепую на восьми досках. Несмотря на упорное сопротивление участников сеанса, Алехин в 7 партиях одержал победу и только в одной ему пришлось признать свое поражение. 19 апреля он выиграл черными фигурами у объединившихся Н. Лорана и В. Владимирова, а 22 апреля совместно с П. Листом провел альтернативный сеанс, где из 15 партий в 11 они выиграли и в одной проиграли. Насыщенную программу гастролей завершила 25 апреля партия с Б. Берлинским, которому Алехин, играя черными, давал вперед ход и пешку f7. Щедрая фора, полученная Берлинским, его не спасла, — пришлось все же капитулировать. Заключительный вечер прошел в исключительно теплой и торжественной

обстановке. Одесситы — большие ценители шахмат — устроили Алехину сердечные проводы.

На другой день гроссмейстер покинул Одессу и выехал в Киев. «Его приезд, — вспоминал Ф. Богатырчук, — всегда был событием для киевских шахматистов, и все мы окунались с головой в грезы волшебного шахматного мира». Начало выступлениям тут было положено сеансом одновременной игры в Киевском шахматном обществе на Большой Васильевской, 25. Сражение шло на 20 досках. Алехин выиграл 17 партий и 3 проиграл. Затем было сыграно три показательные партии с киевским маэстро А. Эвенсоном. В двух партиях победил Алехин, в одной — киевлянин. Сенсационно закончился 4 мая сеанс Александра Алехина вслепую в Литературно-артистическом клубе, где он победил всех восьмерых соперников. Завершились киевские гастроли 10 мая сеансом одновременной игры на 20 досках.

Назавтра поезд унес Алехина в родную Москву. Здесь он вернулся к исполнению обязанностей сотрудника Комитета Земгора и, конечно же, при любой возможности бывал в Московском шахматном кружке. В июне 1916 года он одновременно провел две партии белыми фигурами против сильнейших шахматистов кружка. В одной партии ему противостояли К. Исаков и Н. Целиков, сумевшие получить лучшую позицию. Лишенный рокировки и застрявший в центре доски белый король был открыт для атак, и партнеры предвкушали скорую победу. Но оказалось, что Алехин все предвидел и с помощью заранее предусмотренной комбинации с жертвой ладьи форсировал вечный шах. В другой партии соперниками Алехина выступали В. Розанов и С. Симеон. Тут белые уже на 17-м ходу пожертвовали слона на h7 с шахом, затем на 19-м ходу коня на f6 опять же с шахом, и черным ничего не оставалось, как на 22-м ходу признать свое поражение.

Вскоре после этого Александр Алехин изъявил желание в Комитете Земгора добровольно поехать на Галицийский фронт в качестве уполномоченного (начальника) летучего отряда Красного Креста. Там он самоотверженно оказывал помощь раненым, часто под неприятельским артиллерийским и пулеметным огнем. Его мужество было отмечено двумя Георгиевскими медалями. А когда Алехин вынес с поля боя раненого офицера, ему вручили орден Святого Станислава. Девиз этого знака отличия гласил: «Награждая поощряю», — он давал очередные привилегии.

Во время спасения раненых воинов Алехин, безусловно, подвергал опасности и свою собственную жизнь. Он был дважды

контужен разорвавшимися поблизости снарядами, и после второй, тяжелой контузии в спину его поместили в госпиталь в городе Тарнополе. Постепенно выздоравливая, Алехин все чаще просил администрацию госпиталя приглашать в палату местных шахматистов и играл с ними вслепую. В один из сентябрьских дней 1916 года он, не глядя на доску, одновременно вел игру с пятью партнерами и у всех выиграл. В числе этих побед была и эффектная, знаменитая партия с «Фельдтом» (Л. Штольненбергером), облетевшая весь мир. Комбинация Алехина в этой партии производит огромное впечатление. Поражаешься возможностям человеческого ума… Окончание партии приведено в заключительной части книги.

Почувствовав себя на пути к выздоровлению, Александр Алехин покинул госпиталь и вернулся в Москву. Волнующих встреч и тут, конечно, было множество. Состоялись разговоры и за шахматной доской, хотя, разумеется, война снизила уровень шахматной жизни.

Тем не менее 13 сентября 1916 года маэстро Александр Алехин был приглашен в Московский шахматный кружок для проведения сеанса одновременной игры. Небезынтересно, что кружок только что переехал в новое помещение, а именно — в большой зал мужской гимназии П. Н. Страхова на Садово-Спасской, 6 — той самой гимназии, где в 1910 году возник первый шахматный кружок имени А. А. Алехина. Сеанс был приурочен к открытию шахматного сезона и собрал много публики. Игра шла на 37 досках и окончилась победой Алехина в 28 партиях при 3 проигрышах.

В начале октября Александра Алехина ждали в Одессе. Перед отъездом туда между братьями состоялся трудный, безрадостный разговор по поводу детища Алексея Алехина — журнала «Шахматный вестник», в котором Александр охотно сотрудничал. Беда состояла в том, что материальное положение журнала с началом войны резко ухудшилось. И после горьких раздумий было принято тяжелое, но вынужденное решение — издание журнала прекратить выпуском последнего сдвоенного номера 19–20 за 1916 год. Так Россия лишилась последнего шахматного журнала, выходившего в предреволюционное время.

В Одессе Алехин 4 октября 1916 года провел в зале городской думы сеанс одновременной игры вслепую на 9 досках. Результат везде был одинаков — сеансер победил всех. А сбор от этого мероприятия направили в фонд «Одесса — Сербии». Кроме того, была сыграна серия легких партий с Б. Берлинским.

После столь короткой гастрольной поездки Алехин вернулся в Москву. Здесь, в Московском шахматном кружке, 25 ноября и 2

декабря 1916 года состоялась партия Алехина с А. Рабиновичем, завершившаяся ничьей на 46-м ходу; 4 декабря, уже в Петрограде, — партия вслепую с А. Велиховым, выигранная маэстро.

Вскоре Алехин снова в Москве, где 8 февраля 1917 года очень изобретательно выигрывает в 28 ходов у А. Рабиновича. Эта партия с комментариями победителя была опубликована 18 марта 1917 года в приложении к газете «Новое время». Она, наверное, была последней, сыгранной Александром Алехиным в то смутное время, которое ощущалось в жизни всей России.

Почти повсеместно ухудшалось экономическое положение, нарастало забастовочное движение, обострялась политическая ситуация, ослабевали функции власти… В феврале 1917 года в России свершилась революция. Император Николай II отрекся от престола. 2 (18) марта было сформировано Временное правительство, председателем которого стал князь Г. Е. Львов.

Такой поворот политических событий воспринимался в России неоднозначно — кто-то скорбел о конце монархии, другие ждали социальных перемен, большей свободы, независимости.

В газете «Воронежский телеграф» № 58 от 14 марта 1917 года на третьей странице помещен отчет о последнем заседании очередной сессии Воронежского губернского земского собрания, на которой была оглашена телеграмма от князя Г. Е. Львова о происшедшем государственном перевороте и принят текст ответной телеграммы о признании власти Временного комитета Государственной Думы и выражении надежды на осуществление мер, необходимых для блага, спокойствия и процветания нашей родины — России. А ниже приведена краткая, но горячая речь председателя собрания губернского предводителя дворянства Александра Ивановича Алехина:

«Г.г. гласные, прежде чем закончить наши занятия, позвольте вам высказать то, что у меня на душе и что, надеюсь, найдет отклик в душе каждого из вас. Совершилось великое дело, пала старая власть, и на ее месте временно возникла новая, которая в свою очередь в непродолжительном будущем должна будет уступить место постоянной, организованной уже согласно свободно выраженной воле самого народа. Открылась новая глава в истории свободной России. В сознании этого великого государственного момента, в сознании той тяжелой ответственности, которая отныне падает на каждого русского гражданина за судьбы нашего отечества, напряжемте все силы своего ума и воли, всю нашу душевную энергию на непрестанную работу, столь необходимую для мирного возрождения свободной России. Пусть же отныне нашей путеводной звездой будет

величие и благо дорогой нам всем родины. Да здравствует же единая, свободная Россия! Ура великому русскому народу!..»

Проникновенные, от сердца идущие патриотические слова Александра Ивановича Алехина близко воспринимаются и как бы соотносятся с нынешним временем.

Что же касается его сына Александра Алехина, то царящая в обществе неопределенность вызывала в его душе сильное смятение, свидетельством чему, может быть, служит такой случай. 28 апреля в Петрограде он общался со своим ровесником и уже тогда известным композитором Сергеем Прокофьевым. Того отличала одна необычная черта: он нередко просил друзей и просто знакомых написать в специально заведенный им альбом свое мнение о… Солнце. Есть в этом альбоме и размашистая запись Александра Алехина: «В серые пасмурные дни тоскую, мечтаю о Нем, когда вижу Его, ищу пятен. С мучительным наслаждением переживал дни затмения и опять ждал Его, чтобы не думать о Нем»…

Новым тяжелым испытанием стала для Алехина смерть отца. 30 мая, а затем и 31 мая 1917 года в № 112, 113 газета «Воронежский телеграф» сообщила в траурной рамке:

«Член Государственной Думы Воронежский Губернский Предводитель Дворянства Александр Иванович Алехин после продолжительной и тяжелой болезни тихо скончался 28 мая. Панихида в 12 часов дня и в 8 часов вечера в квартире покойного. Отпевание в среду, в церкви при доме Дворянства».

А 2 июня 1917 года в № 115 газеты «Воронежский телеграф» был напечатан большой некролог, рассказывающий о жизни и неутомимой деятельности Александра Ивановича Алехина, скончавшегося на 61-м году.

Похороны Александра Ивановича Алехина состоялись 3 июня 1917 года в Москве на Новодевичьем кладбище. К тому времени здесь закончили сооружение семейной усыпальницы Прохоровых — часовни, строившейся с 1911 по 1916 год недалеко от входа в собор иконы Смоленской Богоматери. Сюда были перезахоронены Иван Яковлевич и Анна Александровна, их старшая дочь Любовь Ивановна и некоторые другие родные. Тут погребли и малолетнюю Асю Алехину, скончавшуюся 4 августа 1900 года, к которой спустя 17 лет присоединился ее отец — Александр Иванович. Красивая ажурная с позолоченным завершением часовня Прохоровых сохранилась до наших дней, и сюда приходят многие помянуть Прохоровых и Алехиных.

Потерю отца, безусловно, тяжко перенесли все трое его детей. И поэтому, естественно, что младший из них, 24-летний Александр стал тогда еще более беспокойным и отошел временно

даже от своего любимого занятия — шахматной игры.

В какой-то степени его настроение усугублялось, вероятно, еще и отчислением из правового отдела Министерства иностранных дел, где он состоял до Февральской революции.

Отсюда следует, что биографию и творческую, спортивную деятельность гениального шахматиста нельзя рассматривать обособленно от семьи и среды, в которой он жил, от горестных событий, сотрясавших их устои. Это вроде бы каждому понятно, но как часто мы забываем о тесной взаимосвязи происходивших явлений…

ПЕРЕПАДЫ СУДЬБЫ

Когда 25 октября, а по новому стилю 7 ноября 1917 года, в Петрограде произошла Октябрьская революция, мало кто предполагал ее последствия для России. В народе единство отсутствовало. Ораторы на митингах произносили зажигательные речи, в которых утверждалось, что социалистическая революция — великое благо. По их словам, отныне прекращается эксплуатация неимущих масс, упраздняется частная собственность, а земля и фабрики передаются трудящимся. Заканчивается днями и изнуряющая война с Германией. Такие радужные перспективы, конечно, вселяли надежды.

Но были и иные мнения, в которых звучала тревога. Высказывались опасения, что потерявшая политическую и экономическую стабильность Россия может утратить былую мощь, лишиться национальных устоев.

В первые дни государственного переворота, когда революционная волна накрывала все новые и новые районы страны, трудно было представить, в какую трагедию это выльется. Что скоро, очень скоро в России начнется междоусобная гражданская война, которая унесет миллионы жизней, что безвинными жертвами введенных для устрашения противной стороны «красного» и «белого» терроров окажутся люди только лишь за принадлежность к тому или иному сословию.

В те поздние осенние дни 1917 года Александр Алехин был в Москве и жил вместе с братом Алексеем в Гусятниковом переулке, 11, где Алехины снимали квартиру с 1913 года.

В то время в Москве было неспокойно, холод, голод и тревожные слухи не располагали к общению за шахматной доской. Но отдельные энтузиасты все-таки забегали друг к другу на часок.

А в мае-июне 1918 года даже состоялся матч-турнир. В нем участвовало трое ведущих московских шахматистов: Александр Алехин, Владимир Ненароков и Абрам Рабинович. Состязание проводилось в три круга, то есть каждый участник играл по три партии с двумя другими партнерами. Как и следовало ожидать, турнир завершился уверенной победой Алехина. Он набрал 4½ очка из 6 без единого проигрыша. В его активе были 2 победы и 1 ничья с Ненароковым и 1 победа и 2 ничьи с Рабиновичем. Второе место в турнире занял Ненароков, выигравший у Рабиновича все 3 партии и получивший в итоге 3½ очка. Замыкал таблицу Рабинович, набравший всего 1 очко из 6.

Удивительно, что Алехин в то тревожное время безбоязненно

осуществлял дальние поездки. В конце мая 1918 года, как сообщала газета «Северный путь», он приехал в Архангельск, где в шахматном клубе 20 мая дал сеанс одновременной игры на 17 досках, затем прочитал лекцию в помещении городской думы, после чего провел еще один сеанс на 31 доске.

А осенью Александр Алехин предпринял опасную по тем временам поездку в Киев и Одессу. Тогда почти вся Украина была охвачена военными действиями, и обстановка там очень часто менялась. Власть в городах и селах то и дело переходила из одних рук в другие, что влекло за собой нередко репрессии.

В Киеве Алехин сыграл тренировочную партию с местным мастером Александром Эвенсоном, юристом по образованию, работавшим следователем революционного трибунала. Партия оказалась очень короткой — жертвой ферзя на 14-м ходу Алехин вынудил киевлянина сдаться. Состоялось также несколько легких партий с московским мастером Осипом Бернштейном, адвокатом, временно остановившимся с семьей в Киеве. Беспорядки и погромы вынуждали его искать спасение на юге. Поэтому не исключено, что свой дальнейший путь семья Бернштейна совершила вместе с Алехиным в Одессу, которая до ноября 1918 года была оккупированной австро-германскими войсками.

Свой приезд в Одессу Алехин связывал с намечавшимся здесь турниром, в котором предполагалось участие, кроме него, еще 5–6 лучших местных шахматистов: Б. Берлинского, Я. Вильнера, П. Листа, Н. Лорана и одного или двух представителей студенческого шахматного кружка. Кстати, на организационном собрании этого кружка в университете Алехин присутствовал в качестве гостя и единогласно был избран почетным членом кружка.

Однако начало турнира долгое время откладывалось, и Алехин, имея весьма ограниченные средства к существованию, вынужден был закладывать кое-какие свои вещи и играть на денежную ставку легкие партии, давая всем коня вперед, в кафе Робина, где вновь открылась шахматная комната. Записи всех этих партий не сохранились, но часть их обнаружена в записной книжке, находившейся в парижском архиве Алехина. В ней записаны 14 партий и окончание еще одной, причем почти все они относятся ко времени пребывания Алехина в Одессе. Наиболее частым его противником был будущий местный мастер Борис Берлинский. Их встречи привлекали внимание всех завсегдатаев шахматной комнаты кафе Робина. Известно, что поединки этих двух мастеров состоялись 22, 23 и 26 октября, 3, 4 и 23 ноября 1918 года. Алехин проводил их в свойственном ему атакующем, комбинационном стиле и из 8 партий одержал в 7

победу. Особенно остро и изобретательно он играл 23 ноября, после только что проигранной партии. Реванш был неотразим, — на 24-м ходу Берлинский сдался.

А 3 декабря 1918 года Александр Алехин провел сеанс одновременной игры в помещении ресторана гостиницы «Центральная». Его противниками были 31 шахматист, и среди них оказалось немало сильнейших местных любителей. Результат сеанса не был опубликован, но можно не сомневаться, что Алехин, как обычно, выступил успешно.

С декабря 1918 года по март 1919 года Алехин сыграл в Одессе еще немало легких и сеансовых партий, в том числе выиграл у местного любителя Н. Кауфмана. Намеченный турнир явно срывался, Алехину нужно было зарабатывать деньги на жизнь и возвращение в Москву.

Однако стабильности в городе не было. В конце 1918 года австро-германские войска покинули Одессу, куда сразу же вошли англичане и французы.

А 6 апреля 1919 года в Одессу вступили части Красной Армии.

Об ужасающей обстановке, воцарившейся в городе, рассказывает крупнейший историк русского Зарубежья С. П. Мельгунов в своей книге «Красный террор в России». Сразу же начались массовые расстрелы. В местной газете «Одесские известия» почти еженедельно публиковались списки 20–30 расстрелянных (а фактически их число доходило до 70 человек), причем нередко без указания вины. Всего за четыре месяца было расстреляно 1300 человек.

В волну арестов в апреле 1919 года нежданно-негаданно попал и далеко стоявший от политики Александр Алехин. Случилось это, по свидетельству шахматиста Николая Сорокина, игравшего за соседним столом в помещении бывшего офицерского собрания, в то время, когда Алехин был занят игрой в шахматы. Вошел человек в кожаной куртке и потребовал, чтобы Алехин покинул помещение вместе с ним. Алехин попросил дать ему возможность доиграть партию, тот согласился. После окончания партии Алехин вышел вместе с чекистом. Сотрудники Одесской ГубЧК (Одесской губернской чрезвычайной комиссии) доставили Алехина в трехэтажное здание на Екатерининской площади, 6, где его подвергли допросу и заключили в камеру. Это был, пожалуй, самый драматичный эпизод в сложной жизни Александра Алехина.

Работая над книгой, автор старался особенно тщательно разобраться в этой истории, ибо о ней и поныне высказываются разные версии, нередко очень далекие от истины. Следовало все

сопоставить, проанализировать, найти документальные подтверждения, увязать все это с дальнейшей жизнью Алехина в 1919–1921 годах, о которой имелись лишь отрывочные сведения. Это важно, по мнению автора книги, еще и потому, что дает в известной мере ключ к пониманию решения Алехина о будущем отъезде за рубеж. Кстати говоря, отмечу, что в годы революции и гражданской войны почти никто из Алехиных и Прохоровых не покинул Россию. Все они остались верны Родине, здесь трудились, а некоторые Прохоровы и незаслуженно подверглись репрессиям. Сказано это, разумеется, никак не в укор достойным людям, в том числе двум молодым офицерам Прохоровым, вынужденным со слезами на глазах и с болью в сердце тогда оставить Отечество. Ведь многие из них надеялись, что уезжали ненадолго, что скоро вернутся на Родину. Каждый сам выбирал себе дорогу и для осуждения не может быть места.

Однако вернемся к аресту Александра Алехина сотрудниками Одесской ГубЧК в апреле 1919 года. Чем он конкретно мог быть вызван, что вменялось в вину шахматисту?

Автор книги не располагает документами по этому поводу: в архивах Комитета государственной безопасности СССР и его Управления по Одесской области Украины они не сохранились. Но имеются иные материалы, помогающие найти ответ на этот и другие вопросы.

Анализ документов Центрального архива КГБ СССР, касающихся Алехина, приводит к выводу, что его арест, по всей вероятности, был спровоцирован анонимным клеветническим письмом. В нем приводился какой-то надуманный факт антисоветской деятельности Алехина, подкрепленный компрометирующими для того времени сведениями о его биографии: потомственный дворянин, титулярный советник, сын члена Государственной Думы, помещика и фабриканта… Этого могло быть достаточно для принятия крутых мер. А в роли анонимщика, по-видимому, выступал кто-то из ярых завистников таланта Александра Алехина, не брезговавших никакой чудовищной ложью для мести ему за понесенные поражения за шахматной доской.

Есть и другое объяснение мотивов ареста Алехина. Оно приведено в книге Брайана Рейли. До вселения Алехина в гостиницу, полагает автор, номер занимал английский разведчик-шпион, сделавший в комнате тайник для хранения записей и разных предметов. Этот тайник был обнаружен чекистами в то время, когда в номере уже поселился Алехин и ему предъявили обвинения в шпионской деятельности. Потом в ЧК разобрались и освободили Алехина из заключения.

Но так или иначе, жуткие дни, проведенные Алехиным в камере одесской тюрьмы в апреле 1919 года, когда он мог слышать крики, взывающие о помощи, выстрелы, стоны, были, конечно, исключительно тяжелым испытанием. Ведь в его невиновность могли и не поверить!

Что же спасло Алехина? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим две версии относительно обстоятельств его освобождения из тюрьмы.

Первая версия появилась сначала в 1937 году в декабрьском номере английского журнала «Чесс», а потом в книге Пабло Морана «Агония гения», изданной в 1972 году в Мадриде. В ней рассказывается, как Алехина, приговоренного к смерти, посетил в тюрьме председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий, который играл с ним в шахматы и, несмотря на жестокое поражение, способствовал отмене приговора.

Касаясь этой версии, Ганс Мюллер и А. Павельчак в книге «Гений шахмат Алехин», изданной в Берлине в 1953 году, выразили сомнение в том, что Троцкий мог найти время для встречи с Алехиным в одесской тюрьме и вообще имел представление о его аресте.

А как же все-таки обстояло на самом деле?

Автор книги провел собственное тщательное исследование этой версии и убедился, что она не имеет под собой никакого основания. Сплошной вымысел! Дело в том, что Л. Д. Троцкий вообще не был в 1919 году в Одессе, а значит, не мог посещать Алехина в тюрьме и способствовать его освобождению. Это подтверждают фонды архива Советской Армии, письмо Одесского историко-краеведческого музея и сообщение доктора исторических и философских наук Д. А. Волкогонова, изучавшего жизнь и деятельность Л. Д. Троцкого и написавшего книгу о нем.

Вторая версия приведена в упомянутой выше книге Г. Мюллера и А. Павельчака. Суть ее в том, что среди пяти судей, обязанных подписать смертный приговор Алехину, оказался один, который из уважения к знаменитому шахматисту отказался поставить свою подпись, что и привело к освобождению Алехина из заключения. Могло ли быть такое?

Говоря о переезде Алехина в октябре 1919 года из Киева в Одессу, автор книги высказал предположение, что эта поездка совершалась вместе с семьей мастера Осипа Бершнтейна. О том, что произошло с главой этой семьи в Одессе, рассказал американский международный мастер Эдуард Ласкер в статье «Последний из той плеяды», опубликованной в 1963 году и перепечатанной в № 8 журнала «Шахматы в СССР» за 1988 год. Вот небольшой отрывок из этой публикации:

«…В Одессе Бернштейн был арестован ЧК, что в те дни, практически, означало смертный приговор; это случилось во время «красного террора», когда одна принадлежность к «буржуям» уже делала человека преступником (вина Бернштейна состояла в том, что он вел дела банкиров и промышленников). Разумеется, суда, как такового, не было. Всем заправлял один из тех исполнителей-палачей, которых всегда выносит на поверхность волна революций. Приговоренные уже стояли у стены, но тут, на счастье, появился начальник рангом повыше. Обнаружив в списке имя Осипа Бернштейна, он спросил: «Не вы ли известный шахматист?» И, не поверив на слово, распорядился принести шахматы; когда же Бернштейн быстро выиграл, тот вернул его вместе со всеми в тюрьму и позже освободил. Просто чудо, что он тогда уцелел!»

Как видно, обстоятельства освобождения Бернштейна из тюрьмы удивительно перекликаются с первой и второй версиями, касавшимися Алехина. Это сходство приводит к мысли о вероятности переноса событий из жизни одного шахматного мастера — Бернштейна на биографию другого — Алехина. Такая путаница вполне могла произойти при многократных пересказах случившегося. Ведь и тот и другой в одно и то же время находились в одесской тюрьме.

Однако в освобождении Алехина из заключения не было случайностей. В этом, помимо его явной невиновности, убеждает то, что он приехал в Одессу с ведома Д. З. Мануильского, крупного советского государственного и партийного деятеля. В то время Мануильский был членом Всеукраинского ревкома, наркомом земледелия УССР. Одесские чекисты имели возможность перепроверить показания подследственного и убедиться в том, что его репутация вне подозрений. Видимо, поэтому после освобождения из тюрьмы Алехин сразу же, в апреле 1919 года, был принят на работу в инотдел Одесского губернского исполкома.

Существует еще одна версия — о причастности к освобождению Алехина из тюрьмы одесского шахматиста Якова Вильнера, пославшего телеграмму тогдашнему председателю Украинского Совнаркома Раковскому с просьбой спасти Алехина. Тот слыхал о шахматном гении и немедленно связался по прямому проводу с Одесской ЧК. Алехин в ту же ночь был освобожден и якобы направлен в распоряжение Раковского.

В принципе, не столь важно, кто именно содействовал освобождению Алехина из-под ареста. Главное, что нашлись влиятельные люди, сумевшие пресечь произвол.

Перенесенные потрясения и занятость по службе ограничили

встречи Алехина с местными шахматистами. Тем не менее он и тогда играл легкие партии и, в частности, 26 июня выиграл в 8 ходов у Н. Кауфмана, сурово наказав его за дебютные ошибки!

В конце июля 1919 года Александр Алехин покинул Одессу и направился в Москву. К городу приближались деникинские войска. 24 августа 1919 года они вошли в Одессу, и советская власть там, естественно, уже отсутствовала.

В середине августа 1919 года Алехин приехал в Москву. Поселился на квартире своей сестры Варвары в Леонтьевском переулке, дом № 22. Ее страстное увлечение театральным искусством все больше приобретало профессиональный характер, — Варвара играла в драматических спектаклях, посещала пробные киносъемки. В разговорах с Сашей сестра подчеркивала его артистические данные и советовала немедля проверить свои способности. А сделать это можно было совсем рядом, на Тверской улице, в угловом доме напротив Московского совета. Там открывалась 1-я Государственная школа кинематографии. Желавших поступить туда хватало, — в июле в студию пришли с заявлениями 500 девушек и юношей, а в августе — вдвое больше. Руководителем школы являлся режиссер Владимир Ростиславович Гардин, получивший еще до революции широкую известность как талантливый актер и режиссер-сценарист фильмов-экранизаций произведений русской классической литературы. Он же выполнял тогда обязанности председателя приемной комиссии киношколы.

В один из дней перед ним появился молодой блондин, представившийся Александром Александровичем Алехиным. Вспоминая эту встречу, В. Р. Гардин в книге «Жизнь и труд артиста», изданной в Москве в 1960 году, пишет: «…Я всю жизнь любил шахматы и, конечно, уже давно восхищался гением Алехина. Но в школу он был принят не только поэтому. Талантливый человек во всяком деле вносит свою индивидуальность. Это было и в актерских опытах замечательного шахматиста…»

В киношколе с Алехиным довольно близко сошелся Сергей Федорович Шишко, также выдержавший экзамен на отлично и принятый в студию. Занятия там начались 1 сентября 1919 года. Впоследствии С. Шишко, ставший актером, опубликовал в № 6 журнала «Шахматы в СССР» за 1955 год интересные и довольно подробные «Воспоминания об Алехине». Вот несколько выдержек из этой статьи, позволяющих представить Александра Алехина тех лет:

«…Алехин являлся в студию точно к назначенному часу и внимательно слушал все лекции.

Мы с Алехиным сидели вместе, обычно на втором ряду. Порою я искоса поглядывал на Алехина.

Он имел привычку хмурить брови, пряча под ними свой взгляд, проникновенный, уверенный. Его небольшие светло-голубые глаза глядели на оратора пытливо и зорко…

Алехин был скуп на слова, замкнут и нелюдим. Держался просто и с достоинством… На фоне яркой и хлопотливой студенческой жизни тихого, безмолвного Алехина никто не замечал. Меня, — продолжал Шишко, — обижала безвестность Алехина в коллективе. И вот однажды на лекции, когда речь зашла о необходимости для каждого актера развивать наблюдательность, внимание и память, я вдруг не выдержал, попросил слово и громогласно выпалил: «Среди нас находится человек, обладающий исключительной памятью». Наступила тишина, и лица присутствующих обратились ко мне. Они выражали изумление и любопытство.

Я мельком взглянул на Алехина (он сидел слева от меня). Наши глаза встретились. Во взоре Алехина я прочел мягкий укор и смущение. Он сконфуженно ерзал на стуле, втянув голову в плечи, и потирал кисти вытянутых рук.

— Кто же это? — тихо спросил преподаватель.

— Это мой сосед! Замечательный, выдающийся шахматист Алехин, — отрапортовал я.

Произведенный моим выступлением эффект жил, однако, недолго. Все вскоре забыли об Алехине…

— Моя память недостойна вашей рекламы, — заявил мне Алехин в перерыве между лекциями. — Лишь та память хороша, которая умеет забывать, то есть освобождать себя от ненужного хлама…» И он рассказал Шишко, каких трудов ему стоит избавляться от невольного запоминания лиц прохожих, вывесок и т. п.

А на другой день, во время монотонной лекции, Алехин вдруг предложил соседу сыграть шахматную партию вслепую. Тот согласился и был очень эффектно, с жертвой ферзя, разгромлен.

А когда студенты вышли на улицу, Алехин привел несколько вариантов игры из партии и, отвечая на вопрос Шишко о путях совершенствования в шахматах, сказал:

«…Я лично многим, очень многим обязан игре по переписке. Еще в ранней юности она выработала во мне вдумчивое и бережное отношение к каждому ходу, научила ценить ход… Решающее значение я придаю критическому освоению классического наследия и, в первую очередь, творчества Чигорина, которого я считаю исключительно интересным и глубоким шахматистом; его мысли всегда свежи, самобытны и

достойны тщательного изучения… Других надежных путей повышения квалификации я, пожалуй, не знаю».

На вопрос о значении теории шахмат Алехин высказался так:

«Нет сомнения, теория значительно расширяет опыт в условиях самостоятельной работы. Однако верить ей слепо и полагаться исключительно на нее не рекомендую: теория далеко не безошибочна и не всеобъемлюща. Надо стараться, чтобы теория шахмат не мешала мыслить самостоятельно…» И дружески прощаясь, между прочим, посоветовал:

«…Всегда старайтесь подбирать для себя партнеров посильнее, это многому научит…»

С. Шишко вспоминает свой первый визит к Алехину:

«…Жил он тогда в двух шагах от студии в одном из переулков, выходящих на Тверскую улицу (Леонтьевский переулок, 22. — *Ю.Ш.*). На мой звонок дверь открыл сам Алехин. Принял он меня весьма приветливо, провел в свою комнату и представил жене…»

Здесь автор книги должен прервать воспоминания С. Шишко и дать пояснение. Дело в том, что первая жена Александра Алехина упоминается лишь в пересказываемой статье. Подтверждений этому не было, никто ничего определенного о ней сказать не мог. Собирая материалы к рукописи, автор книги исследовал и этот вопрос. Архивные документы свидетельствуют, что первой женой Александра Алехина была Александра Лазаревна Батаева, вдова, работавшая делопроизводителем, а брак между ними был зарегистрирован в Москве 5 марта 1920 года. Видимо, совместная их жизнь в квартире № 3 дома 22 по Леонтьевскому переулку началась несколько раньше. Но брак этот оказался довольно коротким и примерно через год был расторгнут.

Теперь вернемся к воспоминаниям С. Шишко и познакомимся с его впечатлениями о визите к Алехину в конце 1919 года.

«…По приглашению Алехина мы тотчас же уселись за шахматы.

Алехин с женою занимал комнату метров 18–20. Обстановка и убранство комнаты были весьма незатейливыми. Посредине комнаты, под висячей лампой — небольшой квадратный стол. Слева у стены — чистенькая, опрятная кровать, напротив — ковровая кушетка. Кроме этого, в комнате была этажерка с книгами, небольшой комод с зеркалом — вот и вся мебель. В комнате было чистенько и уютно.

Большим наслаждением была для меня игра с Алехиным. Он показывал не только мастерскую игру, но и образцовое спортивное поведение за шахматной доской. Играя в шахматы,

Алехин держался непринужденно, не позволял себе каких-либо возгласов, не оправдывался при неудачах и, казалось бы, внешне вовсе не реагировал на результаты. В этот день мы с Алехиным сыграли, пожалуй, не менее 30 партий. Я припоминаю, что 4–5 партий выиграл я (очевидно, в тех случаях, когда мой грозный противник прибегал к слишком рискованным экспериментам), примерно столько же партий закончилось вничью, остальные выиграл Алехин, в подавляющем большинстве — в эндшпиле…»

С. Шишко вспоминал, что до этого он в студенческие годы часто играл с сильнейшими шахматистами Харькова: Розановым, Рудневым, Фокиным, Избинским, Лизелем, Баллодитом, Поповым, отлично знавшими теорию и имевшими турнирный опыт, в том числе во встречах за доской с Чигориным и Шифферсом, но «искусство харьковчан явно и во многом уступало искусству Алехина. В его игре… поражала неисчерпаемая фантазия! Это особенно чувствовалось в концах партий».

В середине сентября Гардин предложил Шишко и Алехину занять вакантные места в штате студии и привести в порядок запущенное делопроизводство киношколы. Занимались они этой работой целыми днями, до начала вечерних студийных занятий. А когда дела в канцелярии были налажены, возникали разговоры на посторонние темы. «…Я убеждался, — писал С. Шишко, — в том, что Алехин — человек большого кругозора, начитанности и знаний, особенно в области гуманитарных наук. Однажды, перебирая документы студентов, я наткнулся на анкету Алехина. Привожу запомнившиеся мне вопросы с ответами Алехина: Вопрос: Назовите трех русских художников (безотносительно к жанру), наиболее близких вам.

Ответ: Суриков, Левитан, Врубель.

Вопрос: Назовите три любимых вами оперы.

Ответ: «Кармен», «Тристан», «Пиковая дама».»

Заканчивая свои воспоминания, Шишко так их подытожил:

«…Следует отметить, что за какое бы дело Алехин ни брался, он относился к этому делу с предельной серьезностью и добросовестностью. Он не умел работать наполовину, с прохладцей. Он верил в победный исход своих усилий и стремился к нему, не щадя сил».

О присущей Алехину феноменальной памяти свидетельствует случай, произошедший во время его работы в студии кинематографии. Однажды в декабре 1919 года в студию зашел пожилой человек и спросил, может ли он видеть кого-либо из учебной части.

— Да, гражданин Полуэктов, я вас слушаю, — отвечал

Алехин.

— Мы с вами… знакомы? — растерялся посетитель.

— Четыре месяца назад, 17 августа, — сказал, улыбаясь, Алехин, — вы заказали в аптеке Феррейна лекарство по рецепту врача Заседателева для больной горлом вашей дочери Анны шести лет. Я стоял в очереди за вами и слышал ваш разговор с фармацевтом.

Посетитель вскинул на собеседника удивленные глаза.

— Тогда вы носили пенсне в роговой оправе, — продолжал Алехин. — Вы достали из левого бокового кармана серый бумажник крокодиловой кожи…

— Да-да, конечно, — пробормотал гражданин Полуэктов, испуганно глядя на молодого человека.

Такие удивительные случаи впоследствии не раз повторялись.

Однако Александру Алехину не довелось закончить школу кинематографии. В первоначальной стадии ее работы возникало много организационных неурядиц, занятия переносились в другие здания и вообще порой надолго прерывались. Появилось свободное время, и Алехин, разумеется, использовал его для любимого занятия — шахмат.

Осенью 1919 года московские шахматисты, не имея клуба, встречались на частных квартирах. Особенно радушно их принимал у себя в Большом Афанасьевском переулке Борис Васильевич Любимов, активно участвовавший до революции в различных состязаниях. Здесь вместе с другими ведущими шахматистами столицы нередко бывал и Александр Алехин. Однако частые командировки гостеприимного хозяина, инженера-путейца, вынуждали искать другое пристанище для встреч за шахматной доской. Вскоре основной базой былого шахматного кружка стала квартира Г. Д. Бермана в доме № 23 на Пречистенском (Гоголевском) бульваре. Она была довольно обширной, и здесь проводились матчи, турниры. Наряду с Н. Д. Григорьевым, Н. И. Грековым, Н. М. Зубаревым, Н. М. Павловым-Пьяновым, Х. К. Барановым сюда приходили и менее известные московские шахматисты.

Появившись в стенах этой квартиры, вспоминал Владимир Константинович Лезерсон, ставший к 1972 году кандидатом технических наук: «…А. А. Алехин сразу же активно включился в шахматную жизнь. Он почти ежедневно посещал кружок и принимал участие в легких турнирах, в которых почти всегда занимал первые места…»

«Алехин был очень приветливым человеком, без тени гроссмейстерской важности, самовлюбленности. Он охотно играл

легкие партии с шахматистами, заведомо уступавшими ему в силе, рассматривал и анализировал партии и отдельные позиции, показывал свои. Как-то он показывал нам свою партию с Дурасом из турнира в Мангейме (1914 г.). Кто-то спросил, как он оценивает силу Дураса. «Ну что же, — ответил Алехин. — Дурас, конечно, очень сильный шахматист, но, когда он играет со мной, я всегда знаю, о чем он думает».

На вопрос, неужели есть такие мастера, играя с которыми Алехин не знает, о чем они думают, последовал ответ: «Конечно. Когда я играю с Ласкером или с Капабланкой, я совершенно не представляю, о чем они думают. Многие их ходы являются для меня откровением…»

В предыдущей главе книги приводился отрывок из очень интересных воспоминаний Х. К. Баранова, с которым автор успел побеседовать у него на квартире весной 1979 года. Профессор-востоковед тогда был в преклонном возрасте, тем не менее общение с этим глубоко эрудированным человеком, большим энтузиастом шахмат, оказалось весьма приятно и полезно.

Небезынтересно вернуться к воспоминаниям Х. К. Баранова, написанным в 1956 году, и привести еще одну их часть, относящуюся к 1918–1920 годам.

«Алехин как-то легко относился к своим первым призам. Не спортивный успех интересовал его тогда, чувствовалось, что его интересы выше, кругозор шире.

Отмечу две черты характера Алехина… Во-первых, он с равным вниманием и корректностью относился к любому партнеру и всегда готов был терпеливо разъяснять ошибки и показывать глубокие варианты шахматистам любой силы. Мы не чувствовали в нем ни высокомерия, ни невнимательности и всегда получали исчерпывающие ответы на любые вопросы.

Во-вторых, Алехин пытался извлечь пользу из любой, даже блицпартии. Он давал нам несколько очков вперед, что мы называли «духовной форой», но избегал давать вперед пешку или фигуру. Играли без часов, не очень торопясь. И в легких партиях с первокатегорниками Алехин, очевидно, проверял интересующие его варианты. Удивительное впечатление производил показ Алехиным той или иной комбинации из партий блицтурнира. Он немедленно запоминал все, достойное внимания.

В небольшом сеансе «вслепую» Алехин вынужден был отдать фигуру, после чего я считал победу обеспеченной, но, увы, Алехин красивой комбинацией форсировал ничью. Много месяцев спустя Алехин показал в клубе эту не записанную никем комбинацию…»

Этот пример, характеризующий феноменальную шахматную

память Алехина, дополняет Н. П. Целиков, припомнивший любопытный случай на ту же тему.

«…Однажды в 1915 году К. Исаев и я, — пишет Целиков, — показали нашу партию Алехину, который ею заинтересовался, но не записал. Через четыре года Алехин по памяти восстановил эту партию, и с его комментариями она была помещена в первом номере «Листка Петрогубкоммуны». Мы же к тому времени совсем забыли, как протекала партия…»

Завершая свои воспоминания о великом современнике, Целиков писал:

«…Алехин был волевым человеком и не упускал случая, чтобы проверить свою волю. Еще в гимназические годы он должен был перенести операцию аппендицита, считавшуюся в то время очень тяжелой. Алехин был встревожен, но усилием воли сумел скрыть свое волнение. Когда я посетил его в лечебнице, он уже был окружен шахматными книгами.

В 1919 году в одном из турниров на частной квартире он играл со мной, несмотря на сильную зубную боль. «Только один я могу играть партию с такой страшной болью», — сказал Алехин. У него хватило выдержки, когда выключили электричество, доиграть партию на лестнице при тусклом свете наружной лампочки.

Он следил за новинками литературы, владел иностранными языками, знал русских и западных классиков, любил театр, кино. Интерес Алехина к театральным постановкам был отчасти вызван дружбой его сестры Варвары с Алисой Коонен. Отсюда особый интерес к Камерному театру.

Но и кино занимало немалое место в досуге Алехина и вызвало его известные попытки испробовать свои силы в новом для того времени искусстве».

Шахматы многое дали Александру Алехину в самом широком жизненном понимании.

«Посредством шахмат я воспитал свой характер, — писал Алехин. — Шахматы прежде всего учат быть объективным. В шахматах можно сделаться большим мастером, лишь осознав свои ошибки и недостатки. Совершенно так же, как и в жизни».

Высоко развитое чувство объективности, можно без преувеличения сказать, всегда было свойственно гениальному русскому шахматисту. Примеров и доказательств тому масса.

Особое место в становлении шахматной жизни в послереволюционные годы занял первый советский чемпионат Москвы 1919–1920 годов. Участвовало в нем 12 сильнейших шахматистов города, а проводился он в той же квартире Г. Д. Бермана на Пречистенском бульваре, 23. Условия для игры были

исключительно тяжелыми: часто гасло электричество, квартира из-за отсутствия дров не отапливалась. Играли в пальто и в валенках, но и это не спасало от стужи. «…Мерзли носы, руки и в особенности ноги, — вспоминал А. Ф. Ильин-Женевский, один из организаторов советского шахматного движения, дипломат и партийный работник, знавший эту обстановку по участию в иных здешних состязаниях. — Думая над ходом, приходилось одновременно ногами под столом вытанцовывать польку-мазурку, чтобы вовсе не окоченеть. Но любовь к шахматам была так велика, что никто не роптал, и все спокойно и с большим удовольствием просиживали целые вечера над турнирными партиями…»

Александр Алехин как единственный гроссмейстер среди участников играл в турнире вне конкурса. Он, конечно, явно превосходил других и выиграл все 11 партий. «При этом, однако, он не выказывал никакого пренебрежения к противникам, даже самым слабым, — вспоминал участник чемпионата В. Лезерсон. — Он почти полностью использовал положенное время, тщательно записывал ходы. Сделав ход, Алехин вставал, ходил по комнате и рассматривал положения на досках других участников. В то время у Алехина совершенно не наблюдалось привычки «кружить вокруг противника, как коршун». Или эта привычка появилась у него позднее, или просто противники были не «те»…

Поскольку Алехин участвовал в турнире вне конкурса, звание чемпиона Москвы было присвоено Н. И. Грекову, отставшему с 8 очками от гроссмейстера на солидную дистанцию — в три очка. Третье место занял Н. П. Павлов-Пьянов с 7½ очками, далее были Н. Д. Григорьев — 7, Н. М. Зубарев — 6½ очков. Убедительная победа Александра Алехина в этом турнире была воспринята как само собой разумеющееся, естественное явление.

Примечательно, что в трудные, послереволюционные годы, когда голод, холод и другие лишения, казалось бы, должны сковать инициативу творческой интеллигенции, в том числе и шахматистов, они продолжали изыскивать все новые, невероятные идеи. Так, в 1919 году группа московских активистов при горячем участии Алехина разрабатывала план создания «Шахматной студии». Мыслилось организовать массовое обучение шахматной игре с перспективой значительного повышения уровня квалификации ведущих шахматистов. Однако осуществить эту идею не удалось из-за тяжелейших материальных условий. Возможно, тут сказались и перемены в служебной деятельности Александра Алехина, его внезапная тяжелая болезнь.

В процессе исследовательской работы по поиску и сбору материалов для рукописи автор книги ознакомился с фондами

целого ряда архивов. Найденные там документы позволяют полнее рассказать о жизни и служебной деятельности Александра Алехина в 1919–1921 годах и снять почти все так называемые белые пятна в его биографии. Из архивных документов явствует, что в декабре 1919 года Алехин уволился из Первой Государственной школы кинематографии и отправился вместе с Данишевским (видимо, руководителем какой-то службы) в Харьков для работы в Военно-санитарном управлении Харьковского округа. Там он заболел сыпным тифом, что в то время было нередким явлением. После выздоровления Алехин, начиная с февраля 1920 года, несколько раз направлялся Данишевским в командировки из Харькова в Москву с отчетами, а 9 мая 1920 года был переведен в родной город на работу по специальности.

Ровно девять месяцев — с 13 мая 1920 года по 13 февраля 1921 года — Александр Александрович Алехин работал в Москве, занимая должность следователя Центрального следственно-розыскного управления Главного управления милиции, или, сокращенно, Центророзыска. Вспомним, что по образованию он был юристом.

Его заявление о приеме на работу написано на листе ученической тетради размашистым, неровным почерком с соблюдением старой орфографии:

Начальнику Центрального Следственно-Розыскного Управления
Александра Александровича Алехина

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу зачислить меня на имеющуюся в настоящее время во вверенном Вам Управлении вакантную должность.
Москва, 13/4 1919 г.
АЛЕКСАНДР АЛЕХИН.

Центророзыск занимался раскрытием наиболее тяжких уголовных преступлений, совершаемых в то время в России. А созданная в этом учреждении бригада «Мобиль» успешно провела тогда операцию по возвращению похищенного из Московского Кремля «Алмазного фонда», состоявшего из трудно оценимых исторических драгоценностей и шедевров ювелирного искусства.

Но сам Александр Алехин, как показало изучение документов Государственного архива России, не участвовал в этих и других

оперативных мероприятиях Центророзыска, а выполнял обязанности следователя дежурной части, находившейся в Гнездниковском переулке.

Руководитель Центрального регистрационно-дактилоскопического бюро этого учреждения врач Петр Сергеевич Семеновский (кстати говоря, сын православного священника, закончивший Московскую Духовную семинарию и медицинский факультет Юрьевского университета, человек широчайшей образованности и не состоявший при этом ни в каких политических партиях) рассказывал о совместной работе с Алехиным. В молодом следователе он находил широко эрудированного собеседника. Алехин хорошо знал юриспруденцию, историю, литературу, свободно и занимательно говорил на эти и другие темы, но особенно преображался, когда речь заходила о шахматах. О них он говорил с вдохновением и мог с увлечением беседовать часами.

Нередко Семеновский играл с Алехиным в шахматы, — «если можно так назвать борьбу льва с муравьем», — смеялся он, вспоминая об этом. Около играющих очень часто собирались болельщики из числа сотрудников уголовного розыска. Их поражала способность Алехина играть вслепую, не глядя на шахматную доску.

К исполнению служебных обязанностей Алехин относился весьма добросовестно, был скромен, тактичен, вежлив. Присущая ему удивительная память подчас помогала его коллегам распутать то или иное уголовное дело. Так, например, в научной работе И. Крылова и А. Бастрыкина «Розыск, дознание, следствие», вышедшей в 1984 году, приводится такой случай:

…Заглянув однажды в дежурную комнату, Алехин услышал разговор дежурного с задержанным, назвавшимся Бодровым Иваном Тихоновичем.

— Как вы сказали, ваша фамилия? — переспросил Алехин.

— Бодров, — повторил тот. — А что?

— Вы не Бодров, а Орлов! — возразил Алехин. — И зовут вас не Иван Тихонович, а Иван Тимофеевич!

Задержанный удивленно воззрился на Алехина:

— На пушку берете! Не на того напали!

— Два года тому назад в военкомате, где я вас встретил, вы назвались Иваном Тимофеевичем Орловым, — сказал Алехин. — Вы готовились к медицинскому осмотру, на груди у вас был золоченый крестик на тонкой цепочке из белого металла, под ним была небольшая родинка.

Задержанный замер. Когда дежурный расстегнул у него ворот рубашки, все, кто находился в комнате, увидели на груди и

золоченый крестик на цепочке, и маленькую родинку.

Следствие установило, что этот человек действительно был Орловым, рецидивистом, сбежавшим из заключения.

Алехин помнил по учетным альбомам, доставшимся от царской сыскной полиции, сведения о многих преступниках, хотя сам их лично никогда не видел.

Бесценным для милиции оказался и дар Алехина-полиглота, владевшего тремя европейскими языками. Именно на него была возложена переписка, которую милиция вела через Наркомат иностранных дел с иностранцами, ищущими в России следы родных и близких.

Хорошая языковая практика и отменная работоспособность позволили Александру Александровичу совмещать работу в Центророзыске с исполнением обязанностей переводчика Коминтерна. Он был зачислен с 15 марта 1920 года по 2 апреля 1921 года в организационно-информационный отдел этого учреждения. Свои знания иностранных языков ему приходилось использовать при работе с документами и литературой, а также на совещаниях, митингах.

Заполняя анкету в Коминтерне, Алехин указал, что он переводчик: говорит, читает, пишет на французском, немецком и английском языках, женат, от службы в армии освобожден по болезни сердца. В Коминтерн вступил в июне 1920 года по рекомендации В. Н. Руссо — начальника Управления Всевобуча Московского военного округа, кандидат РКП с августа 1920 года. Дата заполнения анкеты Алехиным 14 марта 1921 года.

Из служебной переписки, сохранившейся в архивном деле А. А. Алехина, видно, что в декабре 1920 года он сопровождал экскурсию иностранных делегатов в качестве переводчика, а после возвращения из поездки жил в общежитии Коминтерна «Люкс» (ныне гостиница «Центральная» на Тверской улице), в комнате № 152.

Весной 1920 года стараниями Центрального управления Всевобуча был организован первый в послереволюционной Москве шахматный клуб. Он размещался на втором этаже углового дома по Камергерскому переулку и Большой Дмитровке, широко ныне известного по магазину «Педагогическая книга», и занимал просторную квартиру из шести больших светлых комнат, хорошо отапливаемых в зимнее время, с двумя балконами. Открытию клуба 23 мая был посвящен сеанс одновременной игры Александра Алехина. Ему противостоял сильный состав, в основном шахматисты, имевшие первую категорию. Тем не менее из 38 партий Алехин выиграл 33, свел вничью 5 и не потерпел ни одного поражения.

Позднее Алехин нередко посещал новый шахматный клуб и, в частности, в августе 1920 года с интересом наблюдал за игрой участников турнира второй категории.

Примерно в это время в журнале Центрального управления Всевобуча «К новой армии» появился шахматный отдел под редакцией А. Ильина (Женевского). В одном из его номеров была помещена задача Александра Алехина, скомбинированная им вслепую еще в 1914 году. Он понимал, что задача далека от совершенства, но ему была глубоко симпатична сама идея композиции.

Стремление к глубокому проникновению в каждую конкретную позицию и поиску новых путей всегда было свойственно Алехину. Это подтверждает, в частности, интересный случай из его шахматной практики, рассказанный в одной из статей известного историка шахмат Николая Ивановича Грекова.

«…В 1920 или 1921 году, точно не помню, Алехин играл в Москве серьезную партию с сильным противником. В известный момент партии, когда его противник думал над ходом, Алехин сказал мне (я был в числе зрителей): «Таким-то способом я могу получить преимущество, но мне хочется поупражняться в ладейном эндшпиле, и я разменяюсь». И вот ради тренировки он сознательно отказался от продолжения, сулившего выигрыш, и пошел на сложный неопределенный эндшпиль».

С 4 по 24 октября 1920 года шахматный клуб стал ареной состязаний первой Всероссийской шахматной Олимпиады, организованной усилиями Центрального управления Всевобуча. От этой Олимпиады и ведется счет нынешних чемпионатов Советского Союза, а затем России по шахматам.

Подготовка и проведение Олимпиады потребовали немалого труда от организационного комитета, в состав которого наряду с Александром Ильиным-Женевским, Николаем Грековым, Николаем Григорьевым входил и Александр Алехин. Особенно тяжело решались вопросы с обеспечением участников соревнования питанием.

В программе первой Олимпиады было четыре турнира. Чемпионат страны, в котором участвовали 16 сильнейших шахматистов России, проводился в дневное время, а три побочных турнира, где играли 27 любителей, — по вечерам. И если помещение для игры не вызывало ни у кого претензий, то питание участников было очень скудным. «Но, несмотря на эти невзгоды, шахматисты не унывали, борьба была боевая и партии турнира получились интересными», — вспоминал спустя 30 лет Левенфиш.

Наибольшее внимание привлек турнир с участием пяти

мастеров — А. Алехина, Б. Блюменфельда, Г. Левенфиша, А. Рабиновича, И. Рабиновича. С ними вместе состязались еще 11 сильнейших первокатегорников — все они представляли 8 городов.

Первый советский чемпионат страны проходил под знаком превосходства Александра Алехина, он лидировал на протяжении всего турнира. Из 15 партий его победой закончились 9 и лишь в 6 поединках он сделал ничьи. Многие участники, конечно, хотели иметь другой результат во встречах с Алехиным, но он всегда, подчас довольно виртуозно, находил возможности для отражения инициативы партнеров.

Превосходство аналитических способностей Алехина проявлялось и при изучении позиций отложенных партий в домашней обстановке. Так, например, партия Алехина с Ильиным-Женевским была отложена в пешечном окончании, которое все участники турнира расценивали как безнадежное для Алехина. Ко всеобщему удивлению, Алехин пришел на доигрывание в веселом настроении. Оказывается, при домашнем анализе он нашел скрытый путь к спасению и добился ничьей, чем немало огорчил конкурентов.

«Алехин был тогда уже первоклассным гроссмейстером. Его победа в Олимпиаде была вполне убедительной», — писал Г. Я. Левенфиш, завоевавший третий приз с 10 очками. А второй приз получил П. А. Романовский, партнер Алехина еще по Всероссийскому турниру любителей 1909 года. У него на сей раз оказалось 11 очков, на очко меньше, чем у Алехина, но он выполнил норму мастера.

Процедура награждения победителей Олимпиады состояла как бы из двух частей. Вначале, в присутствии всех участников соревнования, Александру Алехину был вручен от устроителей Олимпиады почетный приз — китайские шахматы из слоновой кости на шарах. А затем все призеры, в порядке занятых мест, приглашались в отдельную комнату, где находились художественные серебряные предметы. Они были получены организаторами турнира в ломбарде из конфискованных ценностей, принадлежавших уехавшим за границу эмигрантам. Каждый призер сам выбирал понравившийся ему предмет.

Первым туда вошел Алехин, вернувшийся вскоре с какой-то объемистой вазой в руках. «Кажется, в весе я не ошибся», — пошутил он, улыбаясь. За ним последовал Петр Романовский, затем — Левенфиш… Призерам были вручены также аттестаты (дипломы), нарисованные на плохой бумаге. Напечатать их в типографии тогда не представлялось возможным.

Старший брат Александра Алексей Алехин также участвовал

во Всероссийской Олимпиаде 1920 года, но в побочном турнире. Ему удалось, после поделивших первые два места К. Выгодчикова и М. Кляцкина, набравших по 6 очков из 8, занять третье место с 5½ очками и опередить несколько сильных первокатегорников.

«Торжественное вручение призов состоялось в концертном зале, в котором некогда блистали выдающиеся московские артисты, — вспоминал Алехин. — …А после взору неожиданно предстали — о чудо! — чай и яблочные пирожные из настоящей крупчатки, что подействовало на всех нас как вдохновляющий заключительный аккорд шахматной олимпиады».

Из побед первого чемпиона Советской России по шахматам Александра Алехина приводим в заключительной части книги одну, включенную им в сборник своих лучших партий.

Возможно, вскоре после победного окончания Всероссийской Олимпиады 1920 года Александр Алехин посетил места, памятные ему с детства. Просматривая книгу Г. Мюллера и А. Павельчака «Гений шахмат Алехин», изданную на немецком языке в 1953 году в Западном Берлине (эта книга была подарена мне гроссмейстером Саломоном Михайловичем Флором в 1981 году), автор встретил, может быть, один из последних снимков Алехина в России.

Подпись под снимком гласила, что он сделан в 1920 году. Но у какого конкретного дома, где расположено это здание и кому именно принадлежало, сохранилось ли оно и насколько часто там бывал, а может, и жил Алехин?

Поиск ответов на эти вопросы потребовал времени, усилий. В конце концов, с помощью исследования литературы и личного осмотра на месте удалось установить, что Алехин был сфотографирован у фасада особняка, принадлежавшего до Октябрьской революции 1917 года Прохоровым. Он находится в Москве на Пресне в Большом Трехгорном переулке. Здесь семья Алехиных часто бывала начиная с конца XIX века, навещая жившую там какое-то время Анну Александровну Прохорову — бабушку Александра Алехина. А постоянно этот особняк занимала семья Сергея Ивановича Прохорова, приходившегося братом Анисье Ивановне, матери Александра Алехина. Жена Сергея Ивановича — Анна Сергеевна — была, напомню, крестной матерью Александра Алехина.

Отца Алехина в этот особняк приводили не только родственные, но и производственные дела. Ведь он в 1888–1892 годах и затем с 1899 года, после кончины Сергея Ивановича Прохорова, входил в состав правления «Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры», был одним из его директоров, а также попечителем начальной фабричной школы.

Понятно, что Александр Алехин на протяжении 29 лет своей жизни в России очень часто бывал в этом особняке. Не исключено, что именно здесь, на семейном совете, предопределялись важные вехи его биографии — поступление в 1902 году в мужскую классическую гимназию Л. И. Поливанова, а в 1911 году — в Императорское Санкт-Петербургское училище правоведения. Может быть, здесь поощрялось или порой сдерживалось страстное увлечение юного Саши Алехина шахматной игрой…

Во всяком случае, с особняком Прохоровых в Большом Трехгорном переулке у Алехина было связано многое. И поэтому, конечно, не случайно именно у этого московского здания он захотел в 1920 году сделать памятный снимок.

Небезынтересно, у кого в тот момент находился в руках фотоаппарат? Может быть, у швейцарской журналистки Анны-Лизы Рюэгг, приехавшей в Москву в командировку в октябре 1920 года. С ней Александр Алехин общался в качестве переводчика Коминтерна. Ведь Рюэгг владела теми же языками, что и Алехин: немецким, французским, английским. Она была общественной деятельницей, состояла в социал-демократической партии. 16 ноября 1920 года ее принимал В. И. Ленин.

Зимой 1920/21 года Алехин и Рюэгг вместе участвовали в коллективной железнодорожной поездке делегатов и гостей Коминтерна по городам Сибири, Урала и Центральной части России. Программа поездки была весьма насыщенной: посещение заводов и фабрик, встречи с рабочими, участие в митингах… Вероятно, этот период сблизил Александра Алехина с энергичной, миловидной, невысокого роста Анной-Лизой Рюэгг, и они решили связать свои судьбы.

Судя по ответам Рюэгг на анкету Коминтерна от 15 ноября 1920 года, более всего в советской жизни ее интересовали вопросы материнства и младенчества. Наверное, это свидетельствует о большом желании 42-летней Анны-Лизы устроить свою личную жизнь: выйти замуж и обрести ребенка. И, вероятно, для достижения этой цели она все сделала, чтобы привлечь внимание Александра.

15 марта 1921 года брак Алехина и Рюэгг был зарегистрирован в Москве. При его оформлении, отвечая на соответствующие вопросы, Александр Алехин написал: разведен первым браком, этот брак у него второй. Анна-Лиза Рюэгг ответила: девица, брак первый, фамилию она принимает своего мужа — Алехина. Документ, подтверждающий это событие, автором книги найден в архивах загса, а анкета Анны-Лизы Рюэгг — в Центральном партийном архиве.

Новобрачные поселились в гостинице «Люкс» на Тверской улице. Через пять недель Алехин получил из Наркомата иностранных дел уведомление следующего содержания:

«Народный комиссариат Иностранных дел не встречает препятствий к проезду в Латвию через Себеж гражданина Алехина Александра Александровича, что подписью и приложением руки удостоверяется.

Заместитель Народного Комиссара *Карахан*

№ 01139 —29 IV — 21 года».

Получение этого документа придало жизни Алехина новый импульс. Требовалось срочно завершить кое-какие дела, повидаться с родственниками и друзьями — шахматными партнерами, проститься. Ведь неизвестно, когда доведется встретиться вновь…

Сборы в дальнюю дорогу заняли немного времени. Все имущество уместилось в несколько чемоданов. Особенно бережно Александр упаковал вазу, пожалованную ему, победителю Всероссийского турнира любителей 1909 года, императором Николаем II.

На Виндавский (с 1946 года — Рижский) вокзал молодоженов провожали Алексей и Варвара Алехины. Говорили сбивчиво, взволнованно. А когда поезд отправился, из глаз сестры потекли слезы.

Сидя с женой в купе, Александр всматривался в покрытые свежей зеленью подмосковные лужайки и рощи, вспоминая былые поездки в Покровское-Глебово и в воронежское имение «Красная долина», лица родных и друзей, какие-то эпизоды… Все это теперь уходило в прошлое. Впереди была неизвестная, но манящая встречами с маститыми шахматными маэстро жизнь.

Вскоре, 11 мая 1921 года Александр Алехин вместе с женой, швейцарской подданной, был в Риге. Там 13 и 20 мая он провел во Втором шахматном обществе на Бл. Невской, 28, квартира 3, сеансы одновременной игры, как обычно, с превосходным результатом: из 54 партий он проиграл только две.

Из Риги Алехин с супругой направились в Берлин, откуда Анна-Лиза поехала домой в Винтертур, а Александр — в Париж. Больше он уже никогда в Россию не возвращался, хотя всегда интересовался ее жизнью, считал себя русским гроссмейстером.

Возможно, у читателей появятся вопросы, вызванные исключительно трудным решением Александра Алехина. Покинуть Родину — на такой душевный надлом пойдет далеко не каждый человек, и, надо полагать, Алехин мучительно переживал расставание с Россией.

Как объяснить и понять его решение?

Безусловно, при советской власти Алехин чувствовал себя, мягко говоря, порой неуютно. И хотя он никогда не кичился своим дворянским происхождением и поддерживал с окружающими его людьми ровные отношения, тем не менее потеря прежнего положения в обществе, несомненно, тяготила его. То, что он был сыном достойных родителей: отца — члена Государственной Думы, предводителя дворянства Воронежской губернии, радетельного землевладельца и одного из директоров крупнейшего в России текстильного предприятия; матери — совладелицы этого предприятия, после Октябрьской революции 1917 года обратилось в грозный укор ему. Прекрасное образование, полученное в Московской гимназии Л. И. Поливанова и в Императорском Санкт-Петербургском училище правоведения, теперь в глазах некоторых подчеркивало его принадлежность к аристократии, отодвигало вместе с иными представителями творческой интеллигенции на обочину новой жизни. Революция лишила Александра Алехина, его родных, как и многих других наших соотечественников, почти всяких средств к существованию.

Испив эту горькую чашу, немало прекрасных людей вынуждены были в годы революции эмигрировать из России на чужбину или вступить в яростную схватку с новой, неведомой и враждебной властью в гражданской войне.

Были и те, кто остался в России, пытался найти свое место в новом государстве. К ним, несомненно, принадлежал и Александр Александрович Алехин. Он отдавал свои профессиональные знания Советской России — работал юристом, переводчиком и даже вступил кандидатом в члены Российской Коммунистической партии (РКП). Но над ним, глубоко порядочным человеком, далеким от политики, постоянно висела страшная угроза расправы за несодеянные им преступления. Дважды он подвергался серьезной опасности со стороны ЧК. В апреле 1919 года Алехин несколько дней провел в застенках одесской тюрьмы по анонимному навету с совершенно непредсказуемым исходом расследования. Невиновность Алехина была очевидна, и его освободили из-под ареста, предложив даже работу в Губисполкоме.

Проходит полтора года и опять, теперь уже наивысшая организация этой системы — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией 16 ноября 1920 года заводит на Алехина дело за № 228. Начало ему положила телеграмма из Одессы: «У тов. Лациса от тов. Тарасова получена была подлинная расписка шахматиста Алехина от Деникинской контрразведки в бытность его в Одессе

на сумму около 100000 рублей. Адрес Алехина полтора месяца назад, Тверская ул, гостиница «Люкс», Москва. В прошлом году он выехал из Одессы сюда. В настоящее время в Москве следователь Уголовно-Следственной комиссии. Живет на 5–6 этаже. Приметы; выше среднего роста, худой, очень нервный, походка нервная, лет 30–34, найти можно через клуб шахматистов. Сообщил бывший председатель ГЧК Одессы».

Возникли активная служебная переписка в стенах ВЧК и обмен депешами с Одесской ГубЧК. Следствие развертывалось по сценарию политического сыска с привлечением тайной агентуры. В донесениях с грифом «Совершенно секретно» разведчик № 7, ведущий наблюдение за Алехиным, подтвердил его место жительства (уточнив лишь, что он занимает комнату № 164) и приметы, назвав возраст 27 лет.

Однако председатель и секретарь Одесской ГубЧК на запросы ВЧК по существу содержания поступившего доноса отвечали: «Телеграмма ваша для нас непонятна. Просим пояснений». Но дополнить запросы сотрудникам ВЧК было нечем. Они ждали подтверждений как раз оттуда, из Одессы, где находился неведомый автор провокационной телеграммы.

Тщательная проверка завершилась 21 февраля 1921 года допросом Александра Александровича Алехина, в процессе которого он собственноручно подробно ответил на все вопросы следователя. Перечислил все, чем занимался с октября 1918 года и что уже известно читателям этой книги.

По существу обвинения написал:

«II. На вопрос, получал ли я в течение 1919 г. какие-либо суммы денег от кого бы то ни было и, в частности, от некоего Тарасова, заявляю, что никаких сумм от кого бы то ни было я в это время не получал.

III. На вопрос о том, знаком ли я с Лацисом или Тарасовым, заявляю, что ни с тем, ни с другим не знаком.

Александр Александрович Алехин, 21/ II — 1921 г.

Допрос снимал (подпись неразборчива)».

Абсурдность обвинений Алехина в антисоветской деятельности не вызывала сомнений, и дело было прекращено. Чекисты и на этот раз сумели разобраться в происках недоброжелателей Алехина.

Казалось, что на этом инцидент исчерпан, клевета отвергнута. Но, как ни странно, папка с этим делом всплыла еще раз на поверхность в конце сентября 1938 года. Вероятно, это было вызвано тем, что именно в 1938 году лидер советских шахматистов Михаил Ботвинник обратился к руководству СССР за разрешением встретиться во время турнира в Голландии с

Алехиным и прозондировать почву относительно проведения с ним матча на первенство мира. Такую санкцию, как мы увидим позже, Ботвиннику удалось получить, несмотря на противодействие некоторых влиятельных лиц.

Сотрудники двух отделов Первого управления НКВД СССР еще раз внимательно просмотрели дело 1921 года и, не найдя там ничего, порочащего Алехина, отправили папку в недра Центрального архива.

И вот теперь, когда мы знаем, что Алехин дважды подвергался очень опасным встречам с органами ЧК по клеветническим сигналам, вполне естественно приходит мысль: а мог ли он жить и трудиться спокойно, не ожидая из-за угла новой угрозы? Ведь кто-то явно жаждал кровавой расправы.

И последний аргумент, поясняющий мотивы выезда Алехина за рубеж, хотя этот довод по значению, вероятно, должен быть назван первым, основополагающим.

Александр Александрович Алехин беспредельно любил шахматы и без них не представлял жизни. В России он вырос и сформировался как выдающийся гроссмейстер, один из очевидных претендентов на первенство мира. Для дальнейшего роста ему требовалась систематическая практика: встречи за шахматной доской с сильными партнерами, участие в турнирах с первоклассным составом участников. Но всего этого в Советской России 1917–1921 годов не было — страну продолжали сотрясать социальные бури, голод и нищета совершенно исключали надежды на появление условий для командировок на международные турниры и организацию состязаний в России с приглашением лучших зарубежных шахматистов.

Оставался единственный путь для шахматного совершенствования, в том числе — во славу России — и Александр Алехин встал на него.

ШТУРМ ОЛИМПА

Много, очень много времени, волею судеб, был оторван Александр Алехин от международной шахматной жизни. Почти семь лет, с сентября 1914-го по июнь 1921 года он не имел возможности соперничать с зарубежными гроссмейстерами. Такой длительный перерыв чреват последствиями…

А в шахматном мире произошли большие изменения. В апреле 1921 года в Гаване завершился давно ожидаемый матч между чемпионом мира Эмануилом Ласкером и Хосе Раулем Капабланкой. Его результат оказался совершенно неожиданным — Ласкер не сумел выиграть ни одной партии. Претендент на почетное звание убедительно доказал свое превосходство, одержав четыре победы при десяти ничьих. Эту смену чемпиона мира Алехин предвидел еще в 1914 году, но не с таким же счетом!

В западно-европейских состязаниях за это время особенно выдвинулись Ефим Боголюбов, проживавший с 1914 года в Германии, где он имел семью, и Рихард Рети. Теперь Алехину предстояло наверстывать упущенное и проверять свои силы в поединках с сильнейшими на мировой шахматной арене.

И Алехин сразу же по прибытии в Берлин в июне 1921 года, не теряя времени, бросился в пучину сражений. Первоначально была пристрелка в самом Берлине: его партнерами там стали немецкие мастера с разными четко выраженными стилями игры. Сначала он встретился в матче из шести партий с 53-летним Рихардом Тейхманом, шахматным композитором и журналистом, для которого были характерны солидный позиционный стиль, тонкое понимание игры. Поединок проходил в напряженной борьбе и закончился вничью — каждый из соперников выиграл по две партии при двух ничьих. Такой исход матча, надо полагать, не огорчил Алехина, ибо Тейхман был крайне неудобным для него партнером. Игра с ним требовала от Алехина большой собранности, усилий. Очевидцы рассказывали: когда в одной партии матча позиция осложнилась, Алехин буквально впился в нее, вглядывался напряженно и долго, потом, издав звук, подобный стону, откинулся на спинку стула и, по-видимому, еще раз проверив расчет, сделал ход. Игра с неудобным партнером является трудным испытанием. Подобные случаи известны истории шахмат — у ряда сильнейших находились труднопробиваемые, как-то непривычно играющие противники. Для Алехина это была не просто хорошая разминка, проверка боем, но и предостережение на будущее: не все крепости берутся

с ходу, порой требуется терпеливая упорная осада.

После окончания матча с Тейхманом Александр сыграл две показательные партии со своим ровесником — Фридрихом Земишем, признанным мастером комбинационной игры. Алехин действовал энергично и выиграл обе партии.

В июне 1921 года состоялся дебют Александра Алехина в роли литератора. Он принял предложение известного берлинского издателя Б. Кагана и написал на немецком языке небольшую книгу «Шахматная жизнь в Советской России». В ней довольно объективно рассказывалось о послереволюционных невзгодах и попытках отдельных энтузиастов создать условия для организации шахматных соревнований в России. Книгу завершали 12 партий Алехина, сыгранных в 1918–1920 годах.

Но работа над этой книгой ненадолго отвлекла Алехина от встреч за шахматной доской. Словно путник, преодолевший длинную дорогу, он никак не мог утолить жажду и вступал все в новые и новые состязания.

В июле Алехин убедительно выиграл небольшой турнир мастеров, при 5 участниках в два круга, в Триберге. Из 8 партий он победил в 6 и не потерпел ни одного поражения. Основной конкурент Боголюбов отстал на два очка.

В сентябре Алехин вновь завоевал первый приз — на этот раз в международном турнире в Будапеште. Он набрал 8½ очков из 14, и в его активе вновь было 6 побед и ни одного проигрыша. На пол-очка меньше имел Э. Грюнфельд, на очко — Б. Костич и С. Тартаковер.

В октябре новый триумф Александра Алехина — первый приз в международном турнире в Гааге при 10 участниках. Там ему удалось еще выше поднять результативность своей игры: 7 побед, 2 ничьих и опять ни одного поражения. Второй приз получил Тартаковер, отставший на очко, третий — Рубинштейн — на полтора очка. Поединок с ним вошел в число самых знаменитых партий Алехина.

После своей победы на турнире в Гааге Александр Алехин решил осуществить давно задуманный шаг и вызвал Капабланку на матч за первенство мира. Но вызов был отклонен. Капабланка в течение десяти лет, с 1911 года, ждал, когда примет его вызов Ласкер. И теперь, получив желанное звание, не торопился подвергать себя риску. К тому же кроме Алехина могли быть и другие претенденты…

Большие изменения в это время произошли в личной жизни Алехина. 2 ноября 1921 года в городе Винтертуре Анна-Лиза Рюэгг родила сына, получившего имя Александр. Однако это радостное событие было омрачено тем, что швейцарские власти

не признали брак, заключенный в Москве, и, таким образом, младенец оказался как бы незаконнорожденным. И лишь в 1928 году, после того как Алехин получил французское гражданство и стал чемпионом мира, ему удалось добиться признания ребенка своим сыном. В подтверждение этого факта он сделал собственноручную запись на обратной стороне московского свидетельства о регистрации его брака с Анной-Лизой.

Но к тому времени они находились уже в разводе. Брак был расторгнут в 1926 году. Семейная жизнь не сложилась — каждый из супругов был обременен своими заботами, жил иными интересами, часто находился в разъездах. У Анны-Лизы была трудная юность, полная лишений и конфликтов с работодателями, участие в революционных кружках. Нежно и глубоко любя сына, она тем не менее не отказалась от своей социал-демократической деятельности.

Когда Анна-Лиза, по совету мужа, приехала в Нью-Йорк с сыном, чтобы дать ему там образование, ее арестовали за пацифистскую агитацию и через неделю выслали из США. Об этом автору книги поведал сын чемпиона мира Александр Александрович Алехин-младший осенью 1992 года в Москве. А скончалась Анна-Лиза Рюэгг 2 мая 1934 года в Лозанне. Дальнейшим воспитанием их 13-летнего сына занимались опекуны, получавшие денежные переводы от Алехина.

Алехин виделся с сыном, бывая в Швейцарии, и лишь однажды сын гостил две недели у отца в Париже на улице Круа Нибер в 14-м квартале. После окончания реальной школы он, приобретя необходимый опыт, работал инженером-конструктором дорожных машин, а в 1986 году стал пенсионером. В молодости увлекался игрой в гандбол, участвовал в соревнованиях парусных яхт.

Беседуя с автором книги в 1992 году в Москве во время празднования столетия со дня рождения Александра Алехина, сын чемпиона мира, в частности, сказал: «Меня многие спрашивают, играю ли я в шахматы? Да, конечно, но только на домашнем уровне. Отец мой, безусловно, великий человек, но дети выдающихся людей никогда не достигают таких же высот. Шахматы отняли у меня отца, но я горд тем, что мой отец гений». К сожалению, сын чемпиона мира не имеет своих детей, и, таким образом, род Александра Алехина по прямой линии пресекся.

В апреле 1922 года Александр Алехин играл в международном турнире при 19 участниках в чехословацком городе Пьештян. Там он пропустил вперед себя на пол-очка соотечественника Ефима Боголюбова и поделил второй и третий призы с Рудольфом Шпильманом, имея 14½ очков из 18 (12

выигрышей, 5 ничьих и один проигрыш — Савелию Тартаковеру, которому проиграл и первый призер). Но качество сыгранных им в Пьештяне партий показывало, что он продолжал прогрессировать.

Алехину был присужден первый приз за красивейшую партию турнира — против Г. Вольфа, кроме того, специальный приз за лучшую партию, сыгранную славянским маэстро, — против З. Тарраша.

В свободное от участия в турнирах время Алехин совершил блестящие по своим результатам гастрольные поездки по Германии, Голландии, Франции, Испании, Чехии. В Праге открылся в мае 1922 года шахматный клуб под названием «Алехин». Присутствовавший на его открытии Александр Александрович дал сеанс одновременной игры вслепую на 12 досках, 10 партий выиграл и в двух сделал ничью.

Наряду с этим им были написаны ряд статей о шахматах и комментарии к множеству партий в различных журналах и газетах. И все это только за один год!

Большим событием для шахматного мира явился 17-й Конгресс Британского Шахматного Союза. Он проводился с 11 июля по 19 августа 1922 года в Лондоне. В его программе было три турнира: главный, с участим ведущих мастеров, и два побочных. Особый интерес вызвало участие в турнире Хосе Рауля Капабланки, впервые выступавшего в звании чемпиона мира.

Незадолго до начала этого состязания в венской газете появилась довольно любопытная статья С. Тартаковера «Портреты маэстро», где он дал характеристики Капабланке, Алехину, Рубинштейну и Рети. Вот что в ней, в частности, говорилось об Алехине:

«В течение последнего года исключительно опасный соперник Капабланке восстал в лице москвича Александра Александровича Алехина, острая, оригинальная игра которого приобретает все больше и больше приверженцев и поклонников. Какова игра, таков человек — блондин высокого роста, широкоплечий, серьезный. Интересна параллель между ним и сродственным ему по духу соотечественником его Боголюбовым, который на последнем большом шахматном турнире в Пьештяне был первым. В то время как безмятежное спокойствие шахматного эпикурейца Боголюбова как бы говорит, как хорошо играть в шахматы, сразу бросается в глаза аристократическая нервозность Алехина, жесткие, постоянно неудовлетворенные черты лица которого всегда отражают досаду: ведь можно играть еще сильнее! «Я побеждаю, следовательно, существую» — вот самое удачное выражение шахматной философии Алехина. Поэтому нет ничего

удивительного, что матч Алехина с Капабланкой за первенство в мире обещает быть поистине выдающимся шахматным событием, где, между прочим, будут противопоставлены друг другу великие культуры: гордая западная и быстро развивающаяся восточная. Во время лондонского состязания лучшие шансы, по моему мнению, будут на стороне смелого москвича…»

Как показали итоги лондонского турнира, остроумный маэстро и литератор почти не ошибся в своем прогнозе. Алехин играл прекрасно, но Капабланка еще лучше. То был период расцвета шахматного творчества кубинца. Сказанное год тому назад Алехиным: «шахматная сила Капабланки достигла вершины; кристально чистое ведение дебюта и миттельшпиля соединялось с непревзойденной эндшпильной техникой…» — силы своей не утратило.

Капабланка убедительно доказал свое превосходство, взяв первый приз с 13 очками из 15. Алехин отстал от него на полтора очка, но тоже не потерпел ни одного поражения. У него было 8 побед и 7 ничьих, в том числе с чемпионом мира.

Вслед за Алехиным призовые места заняла целая когорта сильнейших шахматистов: 3-е место — М. Видмар, 4-е — А. Рубинштейн, 5-е — Е. Боголюбов, 6-е и 7-е — Р. Рети и С. Тартаковер, 8-е и 9-е — Г. Мароци и Ф. Ейтс.

Лондонский турнир 1922 года вошел в историю шахмат еще и потому, что на нем состоялись переговоры о регламентации условий проведения матчей на первенство мира. Был подготовлен и подписан документ из 22 статей, получивший название Лондонского соглашения. Под ним поставили свои подписи Х. Р. Капабланка, А. Алехин, Е. Боголюбов, М. Видмар и А. Рубинштейн.

Из числа основных пунктов этого документа приведем содержание лишь нескольких: 1) матч играется до 6 выигранных партий (ничьи не засчитываются); 2) чемпион мира обязан отстаивать свое звание в течение года с момента получения вызова претендента — общепризнанного маэстро; 3) чемпион мира не обязан защищать свое звание при наличии призового фонда менее 10 тысяч долларов США и заранее внесенного казначею залога в размере 500 долларов; 4) из общей суммы призового фонда чемпион получает 20 % в виде гонорара за участие в матче, из остающейся суммы победитель получает 60 %, проигравший — 40 %; 5) чемпион имеет право назначать срок начала матча и обязан сам приступить к началу игры, невзирая ни на какие причины, не далее чем за 40 дней, — в противном случае он теряет свое звание; 6) выигравший звание чемпиона мира обязан защищать его на тех же условиях.

Подписание Лондонского соглашения призвано было упорядочить всю систему оспаривания мирового первенства по шахматам, и многие его положения действуют и поныне.

Лондонское соглашение было взято за основу регламента матча между Капабланкой и Алехиным в 1927 году. Но до него Александру Алехину предстоял еще трудный путь спортивной конкуренции со множеством соперников. Он его проходил не мешкая.

Уже через три недели после завершения Лондонского турнира его фамилия — в таблице небольшого состязания в Гастингсе — 6 участников, в два круга (с 9 по 21 сентября

1922 года). Алехин завоевывает первый приз с 7½ очков из 10. Он выиграл 6 партий, сделал 3 ничьи и лишь одну проиграл в явно лучшей позиции тому самому Ейтсу, которого в Лондоне великолепно победил. Второй приз получил А. Рубинштейн, а третий-четвертый поделили Е. Боголюбов и А. Томас.

Тринадцатый в истории шахмат чемпион мира Гарри Каспаров назвал партию Алехина с Боголюбовым из этого турнира шедевром, который может быть отнесен к самым блестящим в шахматной истории.

Свои комментарии к этой партии в то время Зигберт Тарраш завершил такими словами: «Очень интересная, как в стратегическом, так и в тактическом отношении, с безукоризненным мастерством проведенная Алехиным партия!» С ним восторженно перекликался в этой оценке Савелий Тартаковер: «Самая красивая партия новейшей эпохи, причем красота великолепных жертв дополняется глубокой стратегией, проявляемой по всей доске».

Прошло еще три недели, и с 12 по 30 ноября 1922 года Алехин играл уже в другом международном турнире, в Вене. Но здесь его постигла неудача. Если до этого, участвуя в шести турнирах, он из 71 партии проиграл лишь 2, то тут, в Вене, в трех партиях из 14 ему пришлось сложить оружие. Это явилось крупной неожиданностью для всех.

Вот что писалось в заметке «Моментальные снимки» из венской газеты тех дней:

«Алехин — вся воплощенная нервность. Выражение лица этого высокого, стройного, молодого человека постоянно меняется; импульсивные движения рук, которыми он то порывисто проводит по своим светло-рыжеватым волосам, то быстро хватает вышедшие из игры фигуры, — все отражает напряженную, страстную работу мысли этого типичного представителя модернизма в шахматах, неутомимо прокладывающего собственные пути. После каждого своего хода

он стремительно вскакивает, его элегантная фигура быстрыми, порывистыми шагами движется от стола к столу, и он пытливым взором охватывает положение партий. Если противнику удается неожиданным маневром поставить его в затруднительное положение, то он становится раздражительным, нетерпеливым; его нервирует малейший шум; светлые глаза его испытующе впиваются в противника, как бы стараясь проникнуть в его замыслы, — и улыбка торжества сияет на его лице в тот момент, когда он находит хороший ответ. Стол, за которым играет Алехин, всегда окружен густой толпой зрителей…»

Надо отдать должное венскому журналисту: ему удалось донести до нас довольно яркий образ Александра Алехина тех лет.

А международный турнир в Вене тогда, в 1922 году, выиграл А. Рубинштейн — 11½ очков из 14, вторым был Тартаковер — 10, третьим Вольф — 9½, а четвертый — шестой призы Алехин делил с Мароци и Таррашем, имея по 9 очков. Сзади них оказались Грюнфельд, Боголюбов, Шпильман….

Во время пребывания Алехина в Вене его пригласили дать сеанс одновременной игры для зрителей Шахматного Конгресса. Подобные просьбы он никогда не игнорировал, ну а на результат того сеанса участники, наверное, не обиделись: Алехин выиграл все 26 партий.

В декабре 1922 года Алехин совершил гастрольную поездку в Испанию — выступал с сеансами одновременной игры в Мадриде, Барселоне и Сарагосе, во время которых из 94 партий выиграл 78, проиграл 6 и окончил вничью 10.

В начале 1923 года Александр Алехин направился в Париж, где решил обосноваться на постоянное жительство. К этому времени Париж стал одним из главных центров русской эмиграции — во Франции было зарегистрировано 67 тысяч эмигрантов из России. Встречи с соотечественниками на чужбине многим согревали душу, напоминали о Родине…

Обустроив свои бытовые дела в Париже, Алехин предпринял успешные февральские и мартовские гастроли в Бельгии и Франции. Первым серьезным выступлением для него стал небольшой турнир в Маргэте, проходивший при восьми участниках с 31 марта по 7 апреля. Это состязание принесло большую неожиданность. Первый приз получил с 5½ очками из 7 Эрнст Грюнфельд, а главные фавориты — Алехин и Боголюбов поделили с Мичелом и Мюффаном второй — четвертый призы, отстав от победителя состязания на пол-очка, еще один фаворит — Рети вообще остался за чертой призеров. Как и в других видах спорта, в шахматах тоже многое значат такие малые величины,

как секунды, минуты, ничейные результаты отдельных партий.

В середине апреля Алехин совершил гастрольную поездку в Италию. Он играл одновременно несколько консультационных партий против сильнейших шахматистов Неаполя, дал сеанс игры вслепую…

Интересный и довольно сильный состав участников собрал с 28 апреля по 20 мая 1923 года международный турнир в Карлсбаде. Среди них отсутствовали, по существу, только чемпион и экс-чемпион мира — Капабланка и Ласкер. А очевидные претенденты все были налицо. Это предопределило жесткую спортивную конкуренцию. В итоге состязания первыми к финишу пришли трое, разделившие главные награды между собой.

В числе победителей турнира были Алехин (9 побед, 5 ничьих и 3 проигрыша — Трейбалу, Ейтсу, занявшим 7 и 8-е места, и Шпильману, замыкавшему таблицу), Боголюбов и Мароци — по 11½ очков из 17. Четвертый и пятый призы делили Грюнфельд и Рети — по 10½, шестое-седьмое — Нимцович и Трейбал — по 10 очков… За чертой призеров остались Тартаковер, Тарраш, Рубинштейн, Земиш…

Алехин и Боголюбов получили первый и второй призы за большинство выигранных партий, а Алехин еще два приза за красивейшие партии турнира: с Грюнфельдом и Рубинштейном.

Во время турнира в Карлсбаде журналист из «Венских новостей» обратился к группе участников этого состязания с просьбой высказаться по актуальному вопросу — о старой и новой школах в шахматном искусстве.

Алехин так изложил свое кредо:

«Я не играю в шахматы — в шахматах я борюсь. Я охотно поэтому сочетаю тактическое со стратегическим, фантастическое с научным, комбинационное с позиционным, причем я стремлюсь удовлетворить требованиям каждой данной позиции…» Этот ответ во многом перекликается со взглядами М. И. Чигорина, которого Алехин всегда считал своим учителем.

Оригинальную фразу обронил Боголюбов: «Если бы в шахматах не было тайны, надо было бы ее придумать…»

После завершения турнира в Карлсбаде Алехин совершил гастрольные выступления в Праге, в ряде городов Англии и Шотландии, а в Портсмуте выиграл в августе в состязании британских мастеров, набрав 10½ очков из 11. Потом, 5 ноября 1923 года, Алехин дал сеанс одновременной игры на 54 досках, из которых в 44 партиях выиграл и лишь в 3 проиграл. Это прощальное выступление Алехина собрало около 400 зрителей. Через два дня Александр Алехин отплыл на пароходе в Северную

Америку, где его ждали длительные гастроли и где он, главное, хотел укрепить свои позиции среди претендентов на матч с Капабланкой. Пока ему предшествовали Ласкер, имевший право на матч-реванш, и Рубинштейн, сделавший вызов Капабланке в мае 1921 года.

Гастрольные выступления Алехина прошли в Северной Америке с блестящим успехом — из 396 сеансовых партий он выиграл 347 и только 12 проиграл. Кроме того, им было дано пять сеансов одновременной игры вслепую. В обшей сложности из 63 партий ему удалось в 29 одержать победу, и лишь в 6 он вынужден был признать свое поражение. Любопытно, что Алехин предоставлял противникам право назначать дебюты, которые он будет обязан играть.

В Нью-Йорке Алехин установил рекорд, проведя сеанс одновременной игры вслепую на 26 досках. Ему противостоял довольно сильный состав участников — на II досках играли первокатегорники, члены Манхэттенского клуба и клуба имени Маршалла, ставшие вскоре шахматными мастерами. Тем не менее Алехин превзошел достижение Брейера и в смысле результата: +16, –5 при 5 ничьих.

Газеты публиковали сенсационные репортажи о выступлениях «европейского чемпиона». В некоторых из них Алехин назывался первым претендентом на мировую шахматную корону.

Пять месяцев продолжалась эта увлекательная, но и утомительная поездка Александра Алехина по Северной Америке. Последствия переутомления дали о себе знать на международном турнире в Нью-Йорке, проходившем с 16 марта по 17 апреля 1924 года и привлекшем внимание тем, что в нем выступали Капабланка, Ласкер, Алехин… Впереди была большая дистанция — 11 участников играли в два круга, то есть каждому предстояло сыграть 20 партий.

Дабы снизить эффект «домашней подготовки», организаторы турнира решили очередность каждого тура определять перед началом игры по жребию.

Стартовал Алехин слабо и в самом начале турнира, из-за переутомления, плохо провел партию с Ласкером. Но затем ему удалось собраться, и после первой половины состязания он вышел на второе место: лидировал Ласкер — 7½, за ним Алехин — 6½, далее Капабланка и Рети — по 6 очков. Но вторую половину турнира Ласкер и Капабланка провели с напряжением всех сил, и оба добились успеха. Хотя Капабланка и выиграл принципиальную партию у Ласкера, но в общем во втором круге они набрали по 8½ очков из 10, и разница в полтора очка между ними сохранилась.

Окончательный результат турнира с удивительной точностью повторил итоги Санкт-Петербургского турнира 1914 года: 1. Ласкер, 2. Капабланка, 3. Алехин, 4. Маршалл.

Оценивая свое выступление, Алехин писал: «В спортивном отношении я добился вполне хорошего результата, заняв место сразу же за обоими чемпионами мира, что внутренне подкрепило мои притязания, однако в отношении своего мастерства остался совершенно неудовлетворен…»

«Тем не менее я сделал на этом турнире одно весьма утешительное наблюдение, явившееся для меня истинным открытием…» И далее Алехин рассказывает, как Капабланка, получив преимущество в партии с ним и имея задачу догнать ушедшего вперед Ласкера, «выпустил из рук победу и должен был довольствоваться ничьей. Это наводило на размышления…», «я был убежден, что будь я на месте Капабланки, я бы непременно довел дело до победы. Словом, я подметил в моем противнике маленькую слабость: возрастание неуверенности в случаях упорного сопротивления! Я уже раньше обнаружил, что Капабланка время от времени допускал маленькие неточности, но я не подозревал, что от этого недостатка он не может освободиться даже при полном напряжении своих сил. Это было необычайно важным открытием для будущего!»

Перед отъездом из США Алехин дал 28 апреля 1924 года сеанс одновременной игры не глядя на доску из 26 партий против сильнейших шахматистов Нью-Йорка. После двенадцатичасовой игры он 16 партий выиграл, 5 свел вничью и 5 проиграл. Этим сеансом был установлен новый для того времени мировой рекорд игры вслепую.

Четыре партии этого сеанса были впоследствии включены Алехиным в книгу «На пути к высшим шахматным достижениям». Все они представляют большой интерес.

Вскоре, 30 апреля, Алехин отплыл из Монреаля и 3 мая 1924 года прибыл в Париж, в свою квартиру на улице Круа-Нибер, 211, где начал интенсивно работать над подготовкой к печати двух книг: сборника партий Нью-Йоркского турнира и сборника ста своих лучших партий. Эта литературная аналитическая работа многое ему дала. «С особенным интересом углубился я в изучение стиля Ласкера и Капабланки, — писал впоследствии Алехин, — что очень расширило мой опыт и позволило мне сделать важные наблюдения…»

Однако затворничество, отказ от публичных выступлений с сеансами и участия в турнирах вызвали финансовые затруднения. И тут очень кстати подоспело приглашение посетить парижский офис Бельгийской финансовой группы. О результате визита

Алехина туда свидетельствует собственноручно написанный им документ:

РАСПИСКА

Настоящим подтверждаю получение от Правления Прохоровской Трехгорной Мануфактуры — Бельгийских франков 1080 (одна тысяча восемьдесят), причитающихся мне из суммы полученных Правлением Товарищества в январе 1924 года от Бельгийской финансовой группы, по расчету — 40 бельгийских франков на каждый принадлежащий мне пай Товарищества, — а именно 9 паев, унаследованных мною от А. И. Алехина и 18 паев, принадлежащих мне ранее.

А. АЛЕХИН

Париж, 18/XI — 1924 г.

Так, издалека и по времени, и по расстоянию, Россия поддержала своего сына в трудный час. Перевод денег из Москвы в Бельгию был сделан предусмотрительными Прохоровыми, разумеется, еще до установления советской власти.

Новые интересные и весьма существенные страницы вписал в биографию Александра Алехина 1925 год. Началось с установления им 1 февраля в Париже нового мирового рекорда игры не глядя на доску одновременно в 27 партиях. В числе противников Алехина находились и шахматисты первой категории. Тем более результат оказался изумителен — Алехин в 22 партиях одержал победу, 3 проиграл и еще в двух была ничья. Сеанс продолжался без перерыва 13 часов, в течение которых Алехин ничего не ел, лишь пил черный кофе и выкурил 29 сигарет.

Как отмечала французская пресса, Алехин был в прекрасной форме, играл легко и быстро. За сеансом наблюдала многочисленная публика, которая «благоговейно соблюдала предписанную тишину» в зале «Пти паризьен». Алехин сидел в кресле напротив окна, выходящего на улицу. 27 досок были расположены за его спиной в форме подковы. Шедший от доски к доске «спикер» объявлял ходы, сделанные участниками сеанса. Алехин отвечал почти моментально. Иногда, если немедленно следовал ответ, делали подряд 2–3 хода. Алехин играл позиционно, но с большой силой, и разыгрывал партии почти всегда лучшим образом.

Когда в 11 часов вечера сеанс закончился, Алехин, как

выразился один из присутствующих, был «свеж как роза». Ему устроили бурную овацию, но он быстро покинул зал.

Кажется невероятным, но на следующий день Алехин в разговоре с чехословацким мастером и журналистом Карелом Опоченским повторил на память все сыгранные накануне партии сеанса! Это произвело огромное впечатление на собеседника: «Ничего подобного я никогда не слышал! Удивительно было не только то, что Александр Алехин запомнил такое количество партий, но и то, как он их выигрывал, с какой фантазией, красотой побеждал невидимых ему во время сеанса партнеров».

Алехина часто спрашивали, как он умудряется запомнить столько позиций одновременно. «Очень просто, — пояснил как-то маэстро. — Сначала я делю доски по дебютам. Например, в первых шести начиная игру ферзевой пешкой, в следующих шести — королевской, затем опять ферзевой. При оглашении номеров досок надо лишь в процессе игры вспомнить о соответствующем дебюте, таким образом вспоминаются отдельные планы, угрозы и защиты, вспоминается позиция, последний ход, и можно комбинировать дальше».

Тогда же в феврале в Париже состоялся и небольшой турнир мастеров при 5 участниках в два круга. Алехин был вне конкуренции и, набрав 6½ очков из 8, получил первый приз. Слагаемые его результата: 5 побед и 3 ничьих. Второй приз завоевал Тартаковер — 4½ очка, а третий-четвертый поделили Е. Зноско-Боровский и К. Опоченский — по 4 очка.

За этим последовал в марте совсем уж камерный турнир в Берне при четырех участниках в два круга. И тут, несмотря на проигрыш одной партии Мишелю, впереди был Алехин с 4 очками из 6.

Участие в этих мелких соревнованиях, вероятно, преследовало одну цель — проверить свою форму, втянуться постепенно в жесткий турнирный режим. Впереди ведь предстояло участие в крупном турнире с сильным составом участников.

И вот Баден-Баден, известный всему миру курортный город. Здесь с 16 апреля по 13 мая состоялся международный турнир при участии 21 гроссмейстера и мастера. Он завершился триумфом Александра Алехина, одержавшего 12 побед и не проигравшего ни одной партии. В его графе стояло 16 очков, на полтора очка больше, чем у Рубинштейна, за которым были Земиш, Боголюбов, Маршалл и Тартаковер, И. Рабинович, Грюнфельд, Нимцович, Торре, Рети…

Что помогало Алехину одолеть своих соперников? Как бы отвечая на этот вопрос, он писал: «В турнире преимущество над

противниками мне дало, главным образом, полное использование их дебютных промахов, а также точная игра в эндшпиле.

Борьба в турнире и ее результаты показали мне, что я был сильнее всех остальных мастеров, принявших в ней участие. Тогда передо мной встал вопрос: в чем же я еще уступаю Капабланке? Внимательно подумав, я должен был беспристрастно ответить себе так: я еще не освободился от двух следующих минусов. Первый состоял в чрезмерном догматизме моей игры, а именно — в стремлении обязательно и полностью использовать небольшие достигнутые преимущества, что лишало мою игру должной эластичности. Второй минус заключался в несовершенной еще технике при переходе от миттельшпиля к наиболее выгодному эндшпилю…»

Как видим, Александр Алехин вновь при анализе своей игры соизмеряет ее с уровнем и особенностями игры Капабланки. Такая целенаправленная работа будет и впредь им постоянно вестись в то время.

Самыми блестящими в своей шахматной карьере Алехин считал победы над Боголюбовым в Гастингсе в 1922 году и над Рети в Баден-Бадене. Обе эти партии он был вынужден играть черными фигурами на выигрыш и продемонстрировал в них лучшие черты своего дарования. И по странной иронии судьбы обе эти алехинские победы не получили «отличий за красоту», так как ни в Гастингсе, ни в Баден-Бадене таких призов не было учреждено.

Триумф Александра Алехина на турнире в Баден-Бадене произвел огромное впечатление на шахматный мир, подтвердил обоснованность его стремления вступить в борьбу за мировое первенство. К такому мнению тогда пришли многие авторитеты. Так, например, чемпион Германии Зигберт Тарраш писал: «Из двадцати партий Баден-баденского турнира Алехин не проиграл ни одной и одержат двенадцать побед. Этим он выказал изумительную выдержку, которая заслуживает тем большего признания, что ни в одной партии у него не было даже худшего положения. Его победа в этом большом и чрезвычайно сильном турнире должна быть отнесена к числу наиболее блестящих, которые когда-либо были одержаны, и она доказывает, что у Алехина есть все основания для борьбы за мировое первенство…»

Продолжая свою статью, Тарраш утверждал: «Сравнение партий чемпиона мира Капабланки, игранных в Нью-Йорке, с баден-баденскими партиями Алехина с точки зрения стратегической точности, безошибочности игры и основательного ведения атаки, несомненно, в пользу Алехина. Во всяком случае, для чемпиона мира Капабланки вырос страшный соперник,

усиливающийся из года в год, и едва ли долго Капабланке удастся баррикадироваться от матча с Алехиным золотым валом из 10000 долларов…»

Как всегда эмоционально и остроумно подвел тогда итоги Баден-баденского турнира Савелий Тартаковер: «Мы присутствовали при чудесной мистерии: заветы и надежды великого Чигорина начинают, наконец, сбываться. И если Морфи был поэтом шахмат, Стейниц — бойцом, Ласкер — философом, Капабланка — чудо-механиком, то Алехин, согласно русскому, вечно мятежному и самобичующему духу, все больше сказывается как искатель шахматной правды… Шахматному миру (да и вообще всему культурно-спортивному), напряженно следившему за этим чудным полетом на полюс шахматной славы, мы думаем следующей формулировкой облегчить напрашивающееся сравнение успехов Алехина с обоими чемпионами мира: у Капабланки — титул, у Ласкера — результаты, но только у Алехина — стиль настоящего чемпиона мира…»

Отдавая должное перу пылкого австрийского журналиста, напомним, что Эмануил Ласкер тогда счел нужным написать об Алехине в предостерегающем тоне: «Несмотря на свою молодость, крепкое телосложение, богатство фантазии, прилежание, привязанность к шахматам, он все же не отвечает неслыханным требованиям своего стиля, так как для этого требуются сверхчеловеческие силы».

Сам Алехин, испытывая радость победы, был далек от эйфории и, как мы уже знаем из его собственных слов, гораздо сдержаннее, самокритично оценивал качество своей игры. Он понимал, что ему предстоит еще большая работа по совершенствованию. К тому же, не было никакой ясности в вопросе финансового обеспечения будущего матча с Капабланкой.

После Баден-баденского турнира в выступлениях Алехина на шахматных состязаниях наступила полугодовая пауза. На вопрос, чем она была вызвана, ответ находим в письме Алехина от августа 1925 года, адресованном в Ленинград Григорию Яковлевичу Левенфишу.

«…В настоящий период (вплоть до конца года) я буквально перегружен всякого рода работой и делами — готовлю к декабрю докторские экзамены, и, кроме того, усиленно приходится писать по шахматным вопросам, дабы держать в равновесии месячный бюджет. Материально жизнь моя обставлена неплохо, но пока и не так хорошо, как хотелось бы, так как одними шахматами сколько-нибудь обеспечивающий капитал даже при успехе скопить нелегко. Приходится вооружиться терпением и понемногу расширять поле деятельности.

Разумеется, главным подспорьем для меня является то обстоятельство, что моя жизнь уложилась в прочные рамки, ведь только при известном минимуме спокойствия и душевного равновесия возможна продуктивная работа…»

Говоря о том, что его, по существу, одинокая жизнь в Париже уложилась в прочные рамки, Алехин имел в виду, что он приобрел нового надежного друга.

Новой спутницей гроссмейстера стала Надежда Семеновна Васильева (урожденная Фабритская), вдова генерала, имевшая от первого брака дочь. Их встреча произошла в Париже, на балу. По отзывам людей, имевших представление о личной жизни Алехина, Надежда Семеновна сумела создать ему условия, необходимые для спокойной жизни и работы. Они жили в удобной просторной квартире на улице Круа-Нибер. Надин, как ее звали окружающие, нередко сопровождала мужа во время поездок на шахматные состязания, старалась морально поддержать его, проявляя заботу.

Однако де-юре Алехин все еще находился в браке с Анной-Лизой, прерванном официально лишь в следующем, 1926 году. А с Надеждой Семеновной они пребывали в гражданском браке, не подлежащем регистрации.

В репортаже с баден-баденского турнира С. Тартаковер, говоря об Алехине, в частности, упомянул о беседе с Надеждой Семеновной. «Если бы вы только знали, — говорит мне его милая супруга Надежда Семеновна, — как серьезно относится он к внутренней жизни Шахмат, блюсти законы которой призвали его мудрые шахматы Жизни!..»

А завершил 1925 год Александр Алехин успешной защитой диссертации на ученую степень доктора права. Тема диссертации была довольно неожиданна — «Система тюремного заключения в Китае». Разумеется, его знания базировались на капитальном изучении юридических основ разных стран во время учебы в Императорском Санкт-Петербургском училище правоведения. И все же избранная им тема диссертации весьма специфична. Алехину пришлось немало потрудиться для расширения своих познаний законодательства Китая и практического его применения, сформулировать собственные взгляды.

Новый год Александр Алехин встречал вне дома — в Англии, на традиционном турнире в Гастингсе, начавшемся 27 декабря. Тут он разделил первый-второй призы с Миланом Видмаром. Каждый из них набрал по 8½ очков из 9.

Затем Алехин занял первые места еще в двух небольших турнирах: в Скарборо — 7½ из 8 и в Бирмингеме — 5 из 5 очков. Все эти состязания не имели крупного спортивного значения, но

давали Алехину возможность для дальнейшего совершенствования своего стиля. Он стремился вскрыть и устранить недостатки, свойственные его игре по сравнению с игрой Капабланки.

Уже тогда Алехин признавался всеми глубоким аналитиком, способным найти лучшее продолжение в любой позиции. Однажды, когда он отложил партию в трудном для себя положении, его противник — мастер поспешил к Тартаковеру. Показав отложенную позицию и продемонстрировав «решающие» варианты, спросил у гроссмейстера:

— Как, по-вашему, кто выиграет эту партию?

— Алехин, — ответил, не задумываясь, Тартаковер.

— Но почему же? — удивился мастер. — Ведь моя позиция гораздо лучше.

— Но вы ведь не спрашивали, чья позиция лучше, — сказал гроссмейстер, — а хотели знать, кто выиграет?

Тартаковер не ошибся, при доигрывании победу одержал Алехин.

С 8 по 30 марта Алехин выступал в крупнейшем состязании 1926 года — международном турнире в Земмеринге. К удивлению всех начал он его с двух проигрышей, но затем набрал 12½ очков из 15. Однако наверстать упущенное не удалось — первый приз завоевал Рудольф Шпильман, обогнавший его на пол-очка. Третьим был М. Видмар — 12 очков, а 4–5-е места поделили с 11½ очков А. Нимцович и С. Тартаковер.

Кроме приза за второе место в турнире, Алехин получил еще три специальных приза: за наибольшее число выигранных партий, за самую длинную серию побед — пять выигрышей подряд и за самую красивую партию.

Свой неудачный старт Алехин впоследствии объяснил тем, что после баден-баденского успеха не мог вызвать в себе необходимого подъема, испытывал разочарование неясностью перспектив матча с Капабланкой и досаду в связи с отказом Боголюбова от участия в турнире. Поэтому и начал играть без должного воодушевления.

Во время Земмерингского турнира корреспондент популярного австрийского шахматного журнала «Винер шахцайтунг» попросил некоторых постоянных участников состязаний высказаться по поводу того, что привлекло и привязало их к шахматам. Интересные и подчас психологически ценные ответы на анкету «Как я сделался маэстро» дали доктор А. А. Алехин, А. И. Нимцович, Рихард Рети, Акиба Рубинштейн, Рудольф Шпильман, профессор Милан Видмар.

Нас, естественно, сейчас интересуют прежде всего ответы

Алехина.

«Сделаться шахматным маэстро меня заставило, во-первых, искание истины, во-вторых, стремление к борьбе. Еще маленьким мальчиком я почувствовал в себе шахматное дарование, а 16 лет — будучи гимназистом (в 1909 г.) — я стал маэстро. Я играю с 7-летнего возраста, но серьезно начал играть с 12 лет. И уже тогда почувствовал внутреннее стремление, непреодолимое влечение к шахматам…

Цель человеческой жизни и смысл счастья заключаются в том, чтобы сделать максимум того, что человек может дать. И так как я, так сказать, подсознательно почувствовал, что наибольших достижений я могу добиться в шахматах — я стал шахматным маэстро. Все же я должен отметить и подчеркнуть, что профессионалом я стал лишь после отъезда из России и что я намереваюсь продолжать работу на юридическом поприще».

Читая эти строки Алехина, еще и еще раз мысленно возвращаешься к чудесному проявлению дарования, изначально заложенного в человеке, прослеживаешь путь его развития. В ответах Алехина подчеркивается взаимное влияние человека и шахмат на формирование характера и стиля игры.

Что касается заключительной фразы, то она вполне понятна — шахматисты, ставшие профессионалами, материально были слабо обеспечены, зависели от организаторов турниров и меценатов, если таковые находились. Предполагаемый матч с Капабланкой тогда еще не обрел обнадеживающей прочности, и Алехину приходилось, естественно, задумываться, как свою неугасимую любовь к шахматам подкрепить материальной базой на основе своего юридического образования.

Спустя всего четыре дня после окончания турнира в Земмеринге мы видим Алехина в числе участников другого состязания — в Дрездене. Тут он играл собранно с самого начала и остался удовлетворен своими творческими достижениями. Но в спортивном отношении его превзошел Арон Нимцович, сумевший завоевать первый приз с великолепным результатом 8½ очков из 9. Алехин, также не проигравший ни одной партии, отстал от него на полтора очка. Далее были Рубинштейн, Тартаковер…

Кроме приза за второе место в турнире, Алехин получил вместе с Нимцовичем второй приз за наиболее красивые партии, выигранные обоими у одного соперника — Рубинштейна.

Здесь уместно будет сделать небольшое отступление, касающееся, в частности, отношений Алехина с Нимцовичем. Общеизвестно, что Алехин нетерпимо относился к искажению его фамилии, когда она произносилась через ё, вплоть до того, что порой не подавал руки. Некоторые шахматисты считали это

чудачеством, а Нимцович намеренно постоянно неправильно произносил фамилию Алехина, чтобы вывести его из равновесия. Однако в требованиях Алехина ничего странного не было. Потомки Прохоровых, с которыми встречался автор книги, отстаивали это с лингвистическими словарями в руках.

Подтвердили это и сообщения, полученные недавно из Касторненского района Курской области. Оказывается, жители поселков, прилегающих к бывшей усадьбе Алехиных «Красная долина», до сих пор выговаривают фамилию Алехин только через «е», без точек над этой буквой. «Мы — алехинские», — до сих пор говорят о себе старожилы, и в их словах слышится уважительное отношение крестьян к помещику.

В августе 1926 года Александр Алехин отправился, по приглашению Аргентинского Шахматного Союза, в Буэнос-Айрес. Эту поездку он предпринял в надежде получить финансовую поддержку на организацию матча с Капабланкой. И не обманулся. Уже через неделю после его приезда в Буэнос-Айрес был поднят вопрос о матче на мировое первенство. В местных влиятельных кругах проявили большую заинтересованность в нем; идею поддержал, в частности, президент Аргентинской республики Альвеар. «Переговоры шли успешно, — писал впоследствии Алехин, — и вскоре мне сообщили, что финансовая база, требуемая лондонскими условиями, вполне обеспечена. Тогда я послал Капабланке свой вызов, однако не сразу получил от него определенный ответ, так что еще в начале 1927 года вопрос оставался открытым…»

Объяснялось это тем, что Нимцович, также сделавший вызов Капабланке, отказался от своих притязаний на этот матч лишь в конце 1926 года.

А Алехин, выражая признательность правительству и Шахматному Союзу Аргентины, старался показать свое искусство с самой лучшей стороны. Он выиграл все организованные там турнирные и консультационные партии, чего не достигли ни Ласкер, ни Капабланка, побывавшие до него в Буэнос-Айресе. Из Аргентины Алехин совершил поездку в Уругвай и Бразилию, где дал 20 сеансов одновременной игры, выступал с лекциями, главным образом об эволюции шахматной игры. Его всюду хорошо принимали и выказывали большой интерес к предстоящему матчу.

«Результаты моей поездки в Южную Америку меня глубоко удовлетворили, — писал Алехин в книге «На пути к высшим шахматным достижениям». — В смысле мастерства я чувствовал себя вполне созревшим, а в спортивном отношении огромным достижением было то, что финансовая сторона матча с

Капабланкой была, наконец, обеспечена…»

В декабре 1926 года Алехин вернулся в Европу и уже через неделю в разных городах Голландии вступил в матч из десяти партий с Максом Эйве. Матч закончился с результатом 5½:4½ в пользу Алехина. Нормальное течение этого состязания прерывалось неожиданными известиями, выбивавшими Алехина из колеи. Он получил телеграмму, содержание которой вновь ставило под вопрос его матч с Капабланкой, невзирая на выполнение им всех условий Лондонского соглашения. Организационный комитет Нью-йоркского турнира, намеченного на февраль-март, принял решение, что первым кандидатом на мировое первенство должен стать тот, кто займет по меньшей мере второе место в том состязании. Алехину пришлось прервать матч с Эйве и срочно поехать в Париж с тем, чтобы уладить этот вопрос. Последовал обмен длинным рядом каблограмм между Алехиным, Оргкомитетом и Капабланкой, которые вынуждены были после всяких проволочек устранить пункт, ущемляющий права Алехина.

«Это большая победа А. А. Алехина, — отмечалось в прессе, — и в известном смысле она требовала не меньше энергии, чем будет требовать победа над самим Капабланкой в матче…»

Матч-турнир в Нью-Йорке проходил с 19 февраля по 25 марта в четыре круга при участии Капабланки, Алехина, Видмара, Маршалла, Нимцовича и Шпильмана. Предполагалось еще участие Ласкера и Боголюбова, но они не прибыли на состязание. Турнир проходил в напряженной борьбе, но уже с третьего тура чемпион мира захватил лидерство и сохранил его до конца. Одержав 8 побед и не потерпев ни одного поражения, он выиграл микроматчи у всех соперников и набрал 14 очков из 20. Алехин получил второй приз с 11½ очками, третьим был Нимцович — 10½ очков. Далее следовали Видмар, Шпильман, Маршалл.

Подводя итоги турнира в статье Нью-йоркской газеты 27 марта 1927 года, Хосе Рауль Капабланка проанализировал игру всех участников состязания. Вот что чемпион мира писал тогда об Алехине:

«Алехин в начале турнира был несколько деморализован проигрышем партии мне и на следующий день потерпел второе поражение от Нимцовича. Это был очень серьезный удар, который скомпрометировал его шансы на второй приз. Однако постепенно, по мере развертывания турнира, он приобретал свое равновесие и медленно настигал Нимцовича, пока в конце концов не обогнал его, окончив турнир вторым, на очко впереди третьего призера.

Он проявил в своей игре некоторые маленькие слабости, но в

общем его игра отличается исключительной цельностью. Его партия с Маршаллом из 18-го тура является одной из лучших в турнире.

Он доказал, без сомнения, что является сильнейшим из всех моих соперников».

По окончании международного турнира в Нью-Йорке Александр Алехин взыскательно проанализировал все партии состязания, уделив особое внимание игре Капабланки. Он уже тогда начал подготовку сборника партий этого турнира. Книга выйдет в свет после матча с Капабланкой — в ней Алехин предстанет перед читателями как выдающийся шахматист, обладающий даром глубокого комментатора и талантливого литератора.

Сам Алехин не был удовлетворен своим выступлением в Нью-йоркском турнире 1927 года. Он находился в плохой форме, ему был непривычен новый тогда контроль времени на обдумывание ходов — 2 часа 30 минут на 40 ходов. Это побудило его больше полагаться на свою технику игры и только в конце турнира вернуться к комбинационному стилю.

А после турнира, когда все препятствия исчезли и вопрос о матче с Капабланкой был окончательно решен, Алехина одолели сомнения. «Плодотворна ли была моя многолетняя работа над усовершенствованием своего стиля? — спрашивал он себя. — Принял ли он окончательную форму, хорошо ли я усвоил все вынесенное мною из опыта, правильны ли были все мои выводы? Мне необходимо было проверить, прочно ли я закрепил все усвоенное раньше шаг за шагом, и поэтому я, — продолжал Алехин, — охотно принял приглашение на Кечкеметский турнир, хотя до отъезда в Буэнос-Айрес оставалось всего лишь шесть недель. И я вскоре убедился, что играю вполне уверенно и с такой же ясностью и легкостью, как это было в Баден-Бадене. При этом со второй половины турнира художественный интерес отошел для меня на задний план, и единственной, чисто спортивной задачей было — удержать достигнутый перевес до конца».

Турнир в Кечкемете проводился в два этапа: вначале игра шла в двух предварительных состязаниях при 10 участниках в каждом, а затем по 4 победителя образовали финал. Алехин завоевал первый приз, набрав 12 очков из 16 без единого поражения. Второй и третий призы с 11½ очками разделили А. Нимцович и Л. Штейнер.

Когда турнир в Кечкемете 14 июля 1927 года закончился, до начала давно ожидаемого матча на первенство мира между Хосе Раулем Капабланкой и Александром Алехиным в Буэнос-Айресе оставался всего лишь месяц.

В прогнозах недостатка не было. Впервые для того времени в единоборство за обладание почетным званием вступали соперники в расцвете своего жизненного и шахматного пути. Капабланке было в ту нору 38 лет, Алехину 34 года. У каждого из выдающихся гроссмейстеров в активе имелось множество блистательных побед в международных турнирах и призов за лучшие партии. И тот и другой обладали тонким пониманием позиции и поразительной быстротой шахматного мышления.

Но к предстоящему матчу Капабланка и Алехин подошли, находясь на принципиально разных творческих платформах, и это придавало особый интерес их поединку.

Капабланка в своем шахматном творчестве тяготел к внешне простым позициям, требующим глубокой интуиции и виртуозной техники. В 1921 году, когда он убедительно выиграл матч на первенство мира у Эмаиуила Ласкера, его шахматная сила, как отмечал Алехин, «достигла вершины: кристально чистое ведение дебюта и миттельшпиля соединялось с непревзойденной эндшпильной техникой». Но из этого, разумеется, не следовало, что общий прогресс шахматного искусства невозможен.

Капабланка приобрел репутацию «шахматной машины в образе человека», виртуоза шахматной техники, безошибочно использующего малейшие позиционные преимущества. Он был убежден, что постиг шахматы до предела и знает тайну победы. По его мнению, встреча равных по силе выдающихся шахматистов впредь неизбежно будет заканчиваться ничейным исходом. Развитие шахмат зайдет в тупик. Близкую «ничейную смерть» шахматам предсказывал и Ласкер.

Но Алехин был убежден в обратном, он верил в безграничные творческие возможности шахмат. Обладая ярким комбинационным зрением, Алехин тонко понимал динамику позиции и всегда стремился к полнокровной игре. Его неожиданные, оригинальные по содержанию комбинации встречались даже в самых простых по виду позициях. Комбинации Алехина открывали неизведанные глубины шахмат, убеждали в неисчерпаемости шахматного искусства.

До матча в Буэнос-Айресе только Ласкеру и Капабланке удавалось отражать натиск Алехина и, противопоставляя его бурной фантазии прочную позиционную эрудицию, одерживать победы. В предыдущих встречах Алехин проиграл Капабланке 5 партий при 7 ничьих, ни в одной не сумел взять верх. Поэтому некоторые шахматные авторитеты, такие, как Г Мароци, Р. Шпильман, Э. Грюнфельд и другие, утверждали, что Капабланка вообще не проиграет ни одной партии в матче. Другие высказывались осторожнее, но тоже не допускали возможности

поражения чемпиона. Стиль игры Алехина, конечно, производил впечатление, но запас прочности у Капабланки казался большим.

В успех претендента верили немногие. Рихард Рети назвал стиль Алехина стилем будущего, «который должен победить стиль Капабланки так же, как несущийся в воздухе аэроплан в конце концов обгонит ползущий по земле поезд… Творчеству Алехина принадлежит будущее». Большую силу провидения обнаружил издатель московского журнала «Шахматы» Н. И. Греков, известный историк и литератор. «Соперники равны, — писал он. — Но если капризная фортуна в предстоящей борьбе дарует победу сильнейшему, то с момента окончания матча чемпионом мира должен стать Алехин».

Сами участники матча оценивали свои шансы в разной тональности. Капабланка, прибыв в Буэнос-Айрес, советовал своим поклонникам, державшим за него пари: «Не давайте слишком большой форы. Сто к одному — слишком много, но пять к одному — достаточно». У него сомнений в победе не было…

А вот Алехин, встретив в парижском кафе «Режанс» профессора А. А. Смирнова, знакомого по Санкт-Петербургу, говорил на эту тему без самообольщения: «Для меня нет неясных черт в игре Капабланки, и с этой стороны я в совершенстве подготовился к борьбе. Все же я себе еще не представляю, как я смогу выиграть шесть партий. Правда, еще менее я могу себе представить, как он выиграет у меня шесть партий…»

Александр Алехин приближался к исполнению своей заветной мечты. Он всю сознательную жизнь был нацелен на штурм шахматного Олимпа. А теперь, волею судеб, от него зависело и будущее развитие шахматного искусства. Тупик, «ничейная смерть» — или безграничное творчество?..

Шахматный мир был в ожидании события, призванного дать ответ на этот вопрос.

МАТЧ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО ШАХМАТ

Долгим ожиданиям желанного матча с Капабланкой подходил конец. В преддверии этого исторического состязания Александр Алехин счел необходимым определить свое правовое положение и принял французское гражданство.

22 августа 1927 года он отправился вместе с женой в дальний путь, в Аргентину. Пересекая на борту французского лайнера «Масилиа» Атлантический океан, Алехин вновь и вновь мысленно возвращался к тем выводам, которые он сделал после многолетнего изучения стиля Капабланки. Он не был безупречен и свободен от ошибок. Легенда о «сверхигроке» надуманна. Капабланка, безусловно, «первоклассснейший мастер, сила которого заключается больше в интуиции, чем критическом мышлении».

Свое общее представление об игре чемпиона мира Алехин сформулировал так: «В дебюте он представляет из себя крупную силу только как защищающийся; миттельшпиль — его самая сильная сторона, здесь он при случае проявляет активность; в эндшпиле для первоклассного маэстро он не страшен, так как здесь только в исключительных случаях ему удается подняться над посредственностью…»

С этими выводами и прибыл Алехин 7 сентября 1927 года в Буэнос-Айрес. Здесь его встречали радушно, но от каких-либо комментариев по поводу предстоящего матча Алехин воздержался.

15 сентября 1927 года состоялась торжественная церемония открытия матча. Зал театра в Буэнос-Айресе был переполнен. Репортеры стремились запечатлеть исторический момент и передать малейшие подробности. По их описаниям, Алехин и Капабланка представляли собой живописную пару: блондин с мягкими волосами и голубыми глазами, — типичный славянин — и смуглый кубинец с серо-зелеными глазами; оба стройные, выше среднего роста в черных строгих костюмах.

Матч открыл президент Аргентины М. Альвеар. В тот день в адрес будущих соперников было высказано много восторженных речей. Но кульминацией открытия стала, безусловно, жеребьевка. Она определяла немаловажный для старта спортивный и психологический настрой участников — цвет фигур в первой партии матча.

Повезло Капабланке — ему достались белые фигуры. Получив право начать поединок, он, несомненно, рассчитывал использовать это преимущество сразу же. Его прямолинейностью,

с которой он играл белыми на выигрыш, а черными явно на ничью, в свое время восхищался Ласкер.

На следующий день толпа болельщиков осаждала особняк под № 443 на улице Карлос Пеллегрини, в котором размещался Аргентинский шахматный клуб. Им был предоставлен первый этаж, а сами участники матча играли в комнате на втором этаже. Там состоялись почти все партии поединка, за исключением двух, проведенных в Жокей-клубе. Но в Жокей-клубе была очень шумная обстановка, по настоянию Алехина матч вернули в шахматный клуб.

Итак, судья пустил часы, и Капабланка передвинул пешку e2 на два поля. Алехин ответил ходом e6. Французская партия. Так в 1914 году в Санкт-Петербурге началась их первая встреча в международном турнире. Уверенный в своем превосходстве чемпион теперь несколько поверхностно разыгрывал дебют. Это позволило Алехину изящным маневром выиграть пешку. Получив худшую позицию, Капабланка отчаянно, но безуспешно сопротивлялся. Алехин великолепно провел финальную часть партии, и после 43-го хода черных Капабланка сдался.

Поражение чемпиона мира в первой партии матча было подобно грому среди ясного неба. Оно поколебало в какой-то мере уверенность поклонников таланта Капабланки, но сам кубинец, казалось, счел проигрыш случайным. Тем не менее Капабланка последующие партии матча никогда больше не начинал ходом королевской пешки. Он вернулся к своим излюбленным построениям, возникавшим в ферзевом гамбите, индийской защите, и перешел в мощное наступление.

Капабланка энергично и последовательно переиграл соперника в 3-й партии, имел большое преимущество в 5-й, убедительно победил в 7-й, где его заключительная атака явилась одним из лучших тактических достижений чемпиона. А играя черными фигурами, он без особого труда пресекал всякие попытки Алехина играть на выигрыш во 2, 4, 6 и 8-й партиях.

Благоприятно складывались обстоятельства для Капабланки и в 9-й партии. Удачная дебютная новинка дала ему явное позиционное преимущество. Казалось, что очередная победа близка. Однако он натолкнулся на упорное сопротивление. Алехин вел защиту виртуозно, находил единственные способы отражения угроз белых. Его блестящие тактические маневры полностью обезвредили нажим чемпиона и привели партию к ничейному результату.

Русский гроссмейстер вновь обретал форму. Позади остались малоприятные встречи с врачом, удалившим у него шесть зубов в связи с воспалением надкостницы. Для публики это, конечно,

осталось как бы за кадром, но Алехину пришлось несколько дней превозмогать сильную боль и высокую температуру. Понятно, что при этом трудно сконцентрировать свои силы на принципиальных поединках. Теперь же он чувствовал себя достаточно бодро, был собран.

В 10-й партии Капабланка, играя черными фигурами и придерживаясь своих установок, стремился к уравнению, что и привело к ничьей. Продолжить наступление чемпион намеревался в следующей партии. Однако 8 октября 1927 года, в 11-й партии, игра приняла непредвиденный для Капабланки характер. Алехин уверенно отвечал на его натиск мощными встречными ударами.

Это была «исключительно трудная и содержательная партия, — писал впоследствии Алехин, одержавший в ней победу. — Если во второй ее части с обеих сторон и были допущены ошибки, то следует принять во внимание, что, несмотря на кажущуюся простоту, положение все время создавало почву для множества запутанных комбинаций, для расчета которых оба противника должны были напрягать все свои силы. При этом они находились в цейтноте, вследствие чего неоднократно делали промахи».

Борьба в 11-й партии была завершена, после откладывания, 9 октября.

— Я так выигрывать не умею! — вырвалось тогда у потрясенного Капабланки в беседе с репортером. Его волнение не прошло бесследно, и в следующей, 12-й партии чемпион допустил несколько неточностей. Его ошибочная комбинация привела не только к потере фигуры, но и к новому поражению.

Счет матча стал в пользу Алехина, выигравшего 3 партии при двух проигрышах.

Это заставило Капабланку перейти к более осторожной игре. Играя белыми фигурами, он продолжал позиционный нажим в 13, 15, 17, 19-й и даже вопреки своим установкам в 20-й партии. Однако результат в каждой из них был один — ничья. Также заканчивались и все четные партии, где Капабланка играл черными фигурами.

26 октября состоялась 21-я партия. Не получив по дебюту даже малейшего позиционного преимущества, Капабланка пошел на осложнения. Но, как и в 11-й партии, Алехин вновь продемонстрировал изумительный комбинационный талант, находя все время сильнейшие ходы. У чемпиона иссякли возможности для контригры, и на 32-м ходу он вынужден был признать новое, четвертое по счету, поражение.

Эту партию Александр Алехин считал лучшей в матче.

Окрыленный победой в 21-й партии, Александр Алехин

предпринял энергичную попытку закрепить свой успех в следующей, 22-й партии. Мощный штурм позиции черных с гениальной жертвой фигуры разрушил бастионы Капабланки. Казалось, что до его капитуляции оставалось совсем немного времени. Однако при доигрывании Алехин почему-то отказался от намеченного плана, сделал несколько неточных ходов, что позволило Капабланке искусными маневрами свести трудный эндшпиль к ничьей.

Вслед за этим чемпион мира отразил натиск Алехина в 23-й и 24-й партиях. Больше того, в 25-й партии он вновь захватил инициативу, в 26-й без заметных усилий добился ничьей, а в 27-й перешел в решительное наступление. Его давление на позицию Алехина неуклонно нарастало, но во время атаки он допустил просмотр на 36-м ходу, а через ход и решающую ошибку, приведшую партию к ничьей. Комментируя впоследствии матч, Алехин признал, что Капабланка должен был выиграть эту партию, но победа от него ускользнула аналогично тому, как это произошло у Алехина в злополучной 22-й партии.

И все же, продолжая натиск, Капабланке удалось в 29-й партии нанести поражение претенденту. Это была третья и последняя его победа в матче. Он, казалось, был недалек от успеха и в 31-й партии, но Алехин, используя малозаметные позиционные ошибки противника, сумел уравнять тяжелый эндшпиль.

Исход матча предрешила продолжавшаяся два дня — 22 и 23 ноября — 32-я партия. Оригинально и остро разыграв дебют, Алехин направил ее по руслу комбинационных осложнений. Попытки Капабланки упростить игру, снять напряжение были пресечены. К Алехину пришла пятая победа.

После этого в игре Капабланки произошел спад, чувствовалось, что он сник, потерял надежду. В 33-й партии ничья была зафиксирована на 18-м ходу, а в 34-й, ставшей последней в матче, его упорное сопротивление в течение двух дней — 27 и 28 ноября — уже ничего изменить не могло. Алехин провел решающую партию великолепно, в атакующем стиле и добился выигрышного положения.

Однако Капабланка не признал себя побежденным и выразил желание отложить партию для последующего доигрывания. Ему явно хотелось оттянуть неизбежную развязку, не допустить аплодисментов, адресованных счастливому сопернику.

А ведь позиция в отложенной партии была настолько ясна, что даже малоискушенный любитель шахмат при взгляде на нее скажет, что черные обречены. У Алехина огромное преимущество — он имеет две проходные пешки, а его ладья напрочь отрезала

черного короля от места решающих действий. Одна же ладья Капабланки, конечно, была не в состоянии воспрепятствовать продвижению белых пешек к заветной цели — на восьмую горизонталь.

29 ноября 1927 года публика, переполнившая зал, с нетерпением ожидала появления на сцене соперников. Газеты еще утром разнесли сенсационную весть о том, что «Алехин накануне достижения звания чемпиона мира». Но так ли это? Всем хотелось быть очевидцами исторического события, увидеть завершение матча.

Алехин пришел в зал вместе с женой в установленный срок для начала доигрывания отложенной партии.

Судьи пустили шахматные часы, и стрелки на циферблате, показывающем время, израсходованное чемпионом мира на обдумывание ходов, возобновили свое движение. Но Капабланка в тот день так и не появился в зале. Недоумение, охватившее всех, рассеял вошедший в зал заместитель главного судьи Карлос Аугусто Керенсио. Он объявил, что Капабланка не придет, и, пройдя в комнату секретариата, вручил Алехину письмо, текст которого гласил:

«29 ноября 1927 г. Д-ру А. Алехину. Дорогой господин Алехин! Я сдаю партию. Следовательно, Вы — чемпион мира, и я поздравляю Вас с Вашим успехом. Мой поклон госпоже Алехиной. Искренне Ваш Х. Р. Капабланка».

Досадно, конечно, что Капабланка не нашел в себе моральных сил для того, чтобы приехать в зал и лично, сдав матч, поздравить победителя, провозгласить его новым чемпионом мира. Наверное, это и положило начало неприязненным отношениям между двумя великими шахматистами.

Главное же состояло в том, что Александр Алехин достиг своей цели и стал первым русским чемпионом мира, что восторжествовали творческие идеи русской шахматной школы, отбросившие призрак «ничейной смерти» шахмат. А в тот исторический день, 29 ноября 1927 года, восторг охватил не только самого Алехина, но и весь зал. Зрители бурно аплодировали новому чемпиону мира, а потом подхватили его на руки и с ликующими возгласами пронесли по улицам Буэнос-Айреса до самого отеля.

На итоги матча откликнулась пресса всего мира. Стиль, в котором Алехин одержал победу, приводил в изумление. Он был как будто прежним и в то же время новым, знакомым и неведомым. Некоторые знатоки находили в нем даже признаки стиля Капабланки. На самом деле Алехин ни в чем не поступался своими шахматными принципами, своим комбинационным

стилем, в котором воплощались передовые идеи русской, чигоринской школы. Он только приспособил их к труднейшим задачам, принятым им на себя в историческом матче.

В матче столкнулись две различные психологические индивидуальности. Если на Капабланку неудачи в матче действовали угнетающе, то Алехин, наоборот, после поражения всегда начинал играть сильнее, инициативнее. Это крайне редкое психологическое качество было присуще ему с юношеских лет. Особенно усиливалась его игра к концу каждого состязания. Алехин всей своей психологией олицетворял идеальный тип шахматного борца.

Газеты отмечали исключительно напряженный характер борьбы, явное превосходство Алехина, сумевшего одолеть соперника с перевесом в три очка. При этом не остался незамеченным и такой немаловажный факт: к Капабланке успех приходил только в партиях, где он играл белыми фигурами, а победы Алехина были одержаны в равной мере теми и другими — в трех партиях белыми и в трех — черными фигурами. Особо подчеркивался высокий творческий уровень матча, хотя в отдельных его партиях и встречались ошибки. Но все понимали, что они неизбежны в столь ответственных состязаниях.

Всех интересовала точка зрения самих участников матча.

В статье «Мое поражение», опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс», Хосе Рауль Капабланка писал: «Это была жестокая борьба, и Алехин вышел из нее победителем главным образом потому, что сумел использовать все преимущества, какие оказались на его стороне… Я обязан воздать должное моему противнику. Я отнюдь не желаю умалять его достижение. В каждой партии он проявлял огромную силу воли; он упорно искал победы и стойко защищался. Без сомнения, в этом матче он играл лучше меня, и то, что он показал, заслуживает полного восхищения».

Александр Алехин также дал высокую оценку игре соперника и, завершая свою статью, писал: «Наконец мечта моей жизни осуществилась, и мне удалось пожать плоды моих долгих усилий и трудов».

С большим вниманием вчитывались в оценки авторитетов.

Экс-чемпион мира Эмануил Ласкер в те дни писал:

«Я приветствую блестящую победу Алехина, осуществившего горячую мечту Чигорина, прямым наследником которого он является как по пылкой своей гениальности, так и по темпераменту своей игры… Победа Алехина — это победа непреклонного борца над умом, избегающим всего неясного. Капабланка стремился путем научных методов к точности;

Алехин же в большей мере художник, в нем больше исканий, а в принципе такое творчество выше, — в особенности же если проявляется в борьбе…»

Эти черты стиля Алехина подчеркивал и Рихард Рети: «… Алехин — одухотворенный художник… хотя он не раз давал совершенные произведения искусства, но себя он никогда не считал совершенством; вечно ищущий, он все время растет; утонченно требовательный к себе, он и теперь видит перед собой много неясного и нерешенного… Алехин разбил Капабланку не путем стремительных атак, а страстным исканием новых путей…»

Победа Алехина нашла широкий отклик в Советском Союзе. В редакции журналов и газет хлынул поток писем, приветствовавших восхождение на шахматный трон представителя отечественной школы. Высказали свое мнение в прессе и опытные шахматные мастера нашей страны.

«…Александр Александрович Алехин выиграл матч и титул первого шахматиста мира в таком стиле и в такой обстановке, которые исключают всякое сомнение в том, что победа досталась сильнейшему…» — писал Григорий Левенфиш в журнале «Шахматы». Свой анализ борьбы за мировое первенство он заканчивал утвердительно: «Значение победы Алехина прежде всего в том, что она возвращает шахматному искусству его высокую роль… Новым чемпионом мира продемонстрирована глубина творческой фантазии… Партии Алехина по богатству пронизывающих их идей, по совершенству формы — истинные жемчужины шахматного искусства. Алехин — подлинный величайший шахматный художник современности».

Огромный интерес, проявляемый повсюду к итогам матча, побудил Алехина в начале 1928 года дать журналистам более обстоятельное интервью. Оно было опубликовано в зарубежной печати и в пятом номере московского журнала «Шахматы» за тот же год. Познакомиться с этим интервью небесполезно и нынешним читателям.

«Так мало еще времени прошло после окончания матча на мировое первенство — и уже много раз пришлось мне давать ответ на вопрос, как в фокусе отражавший в себе отношение огромного большинства как любителей шахмат, так и людей совершенно чуждых нашему искусству и спортивной стороне матча.

— Как (то есть, собственно, почему) вам удалось выиграть у Капабланки?

— Думается, что моей победе может быть только одно объяснение, по простоте своей напоминающее одну из Verites de m-me de la Palisse, а именно, что в Буэнос-Айресе в конце 1927

года я просто играл лучше Капабланки…

Можно, конечно, рассуждать о том, был ли мой противник в лучшей своей форме (хотя он сам до начала матча заявил urbi el orbi, что чувствует себя великолепно и вполне готов к бою) и не найдет ли он в себе новых сил для матча-реванша, который он мечтает устроить в 1929 году. Несмотря на очень высокое мнение о классе моего противника, на такую же высокую оценку его чисто интуитивного дарования и классического стиля его творчества, я полагаю, что Капабланка в 1929 году будет весьма мало отличаться от Капабланки 1927 года, так же мало, как этот последний отличался от победителя Ласкера в Гаване в 1921 году.

Думаю я это потому, что два с половиной месяца контакта с кубинским «genio latino» может только окончательно укрепить мое мнение о нем, начавшее складываться еще в достопамятные дни петербургского турнира 1914 года: шахматные минусы Капабланки, правда, незначительны и мной с трудом могут быть использованы, но зато неискоренимы, так как стоят в слишком тесной органической связи с его человеческими, слишком человеческими недостатками.

Но если Капабланка играл не хуже чем раньше, почему наши прежние результаты с ним были так мало похожи на случившееся в матче?

Да, вероятно, главным образом потому, что я в первый раз за всю свою шахматную карьеру стал в Буэнос-Айресе перед неповторимой возможностью высшего спортивного достижения и… играл так, как никогда в жизни.

Результаты матча помимо личного удовлетворения доставили мне еще двойную радость: во-первых, от сознания, что удалось избавить шахматный мир от вредного очарования, от массового гипноза, в котором держал его человек, сделавшийся за последнее время проповедником никчемности шахматного искусства и скорого его исчезновения; затем, от веры, что факт моей победы, казавшейся столь невероятной, сможет напомнить многим, что и в других областях жизни рано или поздно может свершиться то непредвиденное и казалось бы невозможное, что сплошь и рядом превращает самые смелые сны в действительность…»

Победа Александра Алехина в матче с Капабланкой открыла новую яркую главу в летописи борьбы за первенство мира, стала важной вехой в неисчерпаемом творческом развитии шахматного искусства. Она привлекла всеобщее внимание, стала сенсацией. Шахматный мир рукоплескал русскому гроссмейстеру, столь убедительно и эффектно доказавшему свое превосходство над,

казалось, непогрешимой «шахматной машиной в образе человека». Репортеры осаждали нового чемпиона мира с просьбами дать интервью. Лейтмотивом бесед с журналистами были, конечно, итоги состязания двух великих шахматистов. Но порой разговор принимал и несколько иной характер.

Так, в интервью, опубликованном 11 декабря 1927 года в газете «Нью-Йорк таймс», корреспондента интересовал вопрос: «Играют ли роль в формировании шахматного гения математические способности, фантазия, память, расчетливость?..»

Отвечая, Алехин сказал, что математические способности не имеют значения в шахматах: «Что имеет значение? Фантазия в первую очередь. И еще дар к абстрактному мышлению…» Продолжая, он сказал, что не следует придавать слишком большого значения наследственности: «Можно быть блестящим шахматистом, даже если никто из ваших предков никогда в глаза не видел шахматной доски…»

А потом Алехин высказал обуревавшие его мысли:

«Странная борьба происходит во мне, когда я играю в шахматы. Борьба между фантазией, с одной стороны, и трезвой расчетливостью — с другой. Понимаете, избыток фантазии и избыток расчетливости одинаково вредны. И то, и другое может совершенно увлечь вас, причем влекут эти качества в противоположных направлениях. Они должны быть приведены в гармонию рассудочным здравым смыслом. Это я и стараюсь делать все время, давая выход то одному, то другому. Однако в случае со мной фантазия доминирует. Во мне она действует более интенсивно, чем расчетливость, более властно…»

После окончания матча с Капабланкой чемпион мира совершил поездку по городам Аргентины и Чили, где выступал с сеансами одновременной игры. На одном из них, в Аргентине, произошел забавный случай. Когда Алехин подошел к доске очередного партнера, тот вскочил со стула и радостно воскликнул: «Маэстро, вам неизбежен мат в три хода!» — «Не волнуйтесь, сеньор, — улыбнулся чемпион мира, — пока что я объявляю вам мат в два хода!»

18 января 1928 года Алехин вместе с супругой вернулся на пароходе в Европу. Их встречали в порту Барселоны десятки восторженных любителей шахмат.

Чемпиона чествовали на грандиозном банкете, в котором участвовало свыше тысячи человек. Ему был посвящен шахматный праздник, состоявшийся в одном из больших залов, где состязания шли на 250 досках. Появление победителя Капабланки было встречено бурной овацией. Казалось, что торжеству не будет конца: восторженные речи и тосты с

шампанским, вспышки магния у фотографов и бесчисленные интервью длились за полночь. Выпавшие на долю триумфатора почести потребовали от него немалой выносливости.

27 января супруги прибыли поездом в Париж. Здесь, как они того и желали, на вокзале их ожидала лишь небольшая группа близких знакомых и репортеры.

«Правда, — сообщала на другой день газета «Возрождение», — одна неожиданная манифестация все же отметила приезд Алехина: шахматный король потерял багажную квитанцию, но как только администрация вокзала узнала фамилию пассажира, багаж был ему выдан немедленно, и толпа носильщиков и станционных служащих, наперебой старалась помочь А. А. Алехину».

Французская шахматная федерация и русские шахматные кружки, редакции парижских газет задумали отпраздновать триумф Алехина поочередно, по согласованному плану. Не зная конкретной даты его возвращения в Париж, предполагали окончательно определиться несколько позже.

Русское Зарубежье, да и французские любители шахмат почитали Александра Алехина, высоко ценили его талант. Свидетельств тому множество.

Весть о победе Алехина в матче над Капабланкой, донесенная в Европу телеграфом из далекой Южной Америки, была воспринята с большим энтузиазмом.

Известный русский писатель Борис Константинович Зайцев, эмигрировавший из Советской России в 1922 году, отозвался на это событие прекрасным очерком «Алехину». Он опубликован в парижской газете «Возрождение» 1 декабря 1927 года и настолько хорош, тонок и глубок пониманием сути шахмат, настолько пронизан русским патриотизмом, душевным теплом к Алехину, что нельзя не привести из него несколько фрагментов:

«…Шахматы — отдел духовно-умственной культуры, тонкий цвет. Как и поэзия — очаровательная бесцельность. Ибо цель только та, чтобы показать сложность фантазии, глубину расчета, силу выдержки и самообладания. Чтобы обнаружить чистое совершенство. В шахматах, как и в поэзии, как в философии, есть смены умственных течений, смены мироощущения… Романтизм и реализм, фантазия и анализ — все находит отражение за доской. Художник шахматный также отражен в своем творении, как поэт в слове…

Шахматы выражают личность и через нее — нацию. Капабланка — латинский мир, Ласкер, Тарраш — Германия. Россия в прошлом — это Чигорин, в настоящем — Алехин (беру упрощенно, у нас есть и другие блестящие игроки)…

Алехина считают преемником Чигорина, также «гением комбинации», фантазии, игры остропронзительной. Но он живет в иные времена. Буря вынесла Алехина на просторы мира, сделала всесветным, закалила, укрепила. Каждого из нас, русских, на чужбине, зрелище «мира» и борьбы в нем несколько изменили. В уроке есть польза… Да, борьба так борьба…

Алехин не зарыл таланта. Как он работал, как его растил и шлифовал! Может быть, в этом был и смысл высший. Может быть, ему назначена та несколько таинственная роль, какая выпала и другим в изгнании, русифицировать мир и явить ему лицо русского гения. Довольно быть России страной провинциальной. Пора в полной мере показать себя.

Замечательно, что вообще изгнанничество подчеркивает, обостряет это чувство. «Вперед — потому, что я бесправный, русский, и горжусь тем, что русский»… Алехин принадлежит к исключительной, малочисленной группе, где соединились верхи разного рода оружия: литература, музыка, театр, философия — все это, вспоенное Россией, идет походом на мир…

Он только что победил Капабланку в Буэнос-Айресе. Выдержал напряжение более чем двухмесячной борьбы. Теперь чемпион мира в шахматах — русский… То, в чем упорно пока отказывает русским Шведская академия (Нобелевская премия, своего рода чемпионат мира в литературе), то в своей области с боя взял Алехин. Вот мое письмо к нему, я представляю собой голос бесчисленно-бесталанных русских шахматистов:

«А. А., уже столько времени, развертывая газету, прежде всего ищем мы подзаголовка: «Капабланка — Алехин». Нынешнее хмурое утро окрасилось для нас Вашей победой. Ура! Вы теперь не русский Ферзь, а русский Король. Вы можете ходить лишь на одну клетку, но отныне поступь Ваша — «царственная». В Вашем лице победила Россия. Ваш пример должен быть освежением, ободрением всякому русскому, в какой бы он области ни трудился: хотеть, уметь — значит не все, но многое. Дай Вам Бог сил, здоровья. Вашему искусству — процветания».»

А через два дня в той же парижской газете «Возрождение» был напечатан и другой превосходный очерк, рожденный тем же событием — победой Алехина над Капабланкой. Назывался он «Шахматисты» и посвящался русскому гроссмейстеру. Автором очерка был великий русский писатель Александр Иванович Куприн. Эмигрировав из России в 1919 году, он, как и многие другие, поселился в Париже, но в 1957 году, испытывая ностальгию, тяжелобольной, вернулся на Родину.

Не исключено, что эти и другие статьи, опубликованные в парижских газетах по поводу его победы в матче над

Капабланкой, сам Александр Алехин сумел прочитать, только приехав во Францию. Репортеры зафиксировали, что «он, как старый парижанин, попав домой после долгого, шестимесячного отсутствия, первым делом отправился подышать воздухом бульваров». Алехин даже не заехал к себе на квартиру, а остановился в одном из отелей на бульваре Капуцинов. С утра и до ночи он бродил по Парижу. Но и здесь его настигали вездесущие журналисты.

— Вы любите Париж? — спросил Алехина один из них.

— Да, разумеется. Он настолько прекрасен, что я здесь даже редко играю в шахматы.

Отвечая на бесчисленные вопросы репортеров о матче с Капабланкой, Алехин говорил: «Францию я люблю за оказанное русским гостеприимство и за то, что она дала мне возможность оправиться после пережитого в России лихолетья. Я получил свое шахматное развитие в России, но пребывание во Франции способствовало мне в получении звания чемпиона мира, чем я, прежде всего, горжусь, как русский».

Первые дни пребывания Алехина в Париже ушли на ознакомление с обильной почтой, поступившей в его адрес, на визиты к знакомым и беседы с журналистами. Алехин выступил в кафе «Режанс», где когда-то играл в шахматы первый консул, в «Ротонде» и «Пале-Рояле», то есть во всех самых шахматных местах французской столицы, и всюду его очень радушно встречали.

А потом начались официальные приемы в честь чемпиона мира. Прологом к ним явилась встреча 4 февраля 1928 года в редакции журнала «Иллюстрированная Россия», где Алехина с женой ждали сотрудники этого издания, писатели А. И. Куприн, М. А. Адданов, Н. А. Тэффи, шахматные мастера О. С. Бернштейн, Е. А. Зноско-Боровский и другие почитатели его таланта. Непринужденная беседа затянулась тогда далеко за полночь.

Большое внимание общественности привлек банкет в честь Алехина, устроенный 12 февраля в «Лютеции» Французской шахматной федерацией. Среди ста присутствующих были представители всех столичных и провинциальных шахматных клубов, а также французских политических кругов. Шахматного короля тепло приветствовал председатель национальной шахматной федерации, бывший посол Ф. Гаварри, сказавший, что «Франция испытывает гордость от сознания, что новый чемпион мира — француз, хотя и помнит, что по национальности он — русский».

Другие ораторы отмечали, что Алехин возродил искусство Морфи, что шахматы во времена рыцарства входили в

обязательное воспитание…

В ответном слове Алехин благодарил Францию за спокойную обстановку и условия, позволившие ему развить свое дарование. А в завершение приема поставил много автографов на меню банкета и на новой книге своих избранных партий.

Спустя два дня, 15 февраля 1928 года, Александра Алехина чествовали на банкете в Русском клубе, находившемся по адресу 70, рю де Л. Ассомпсион близ станции метро «Ренелаг». Тут в высоком зале вокруг длинных столов покоем собрались представители русской печати в Париже, литературного и художественного мира. Прибывших супругов Алехиных встретила горячая овация, возобновлявшаяся несколько раз в течение вечера. С речами выступили пятнадцать ораторов, говоривших от имени различных изданий, кружков и организаций.

На банкете было зачитано приветствие от газеты «Россия», подписанное главным редактором этого издания, видным политическим деятелем, экономистом и философом Петром Бернгардовичем Струве:

«Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Я лишен возможности прийти сегодня на Ваше чествование, и позвольте мне — от имени газеты «Россия» и от себя лично — приветствовать Вас письменно.

В Праге, в той части города, в которой я жил последние годы, я часто проходил мимо скромной, но изящной вывески на чешском языке: «Шахматный клуб «Алехин».

Могу себе представить, как в этом славянском клубе, украсившем себя Вашим именем, отозвалась весть о Вашей блестящей мировой победе. Она была ощущена там как славянское и русское торжество.

В современном душевном состоянии русских и во Внутренней России, и в Зарубежье, самое несомненное, подлинное и сильное это — подъем и обострение национального чувства, чувства нашей русскости, ревности о родине, гордости ее успехами и победами.

Вот почему ваша победа так отозвалась в наших сердцах, одинаково и у людей, приверженных к Вашей благородной игре, и у людей, которым она недоступна.

Вот что мне хотелось сказать Вам лично и что я переношу на бумагу, дабы эти слова все-таки дошли до Вас в часы одушевленного сходбища русских людей, которые сегодня собрались вас чествовать.

Искренно Вам преданный Петр Струве».

Отвечая в прочувственных словах на обращенные к нему приветствия, Алехин сказал, что получил много писем из России

с выражением радости по поводу одержанной им победы. Он выразил уверенность, что после поражения Капабланки шахматное искусство будет более интенсивно развиваться.

Алехин подчеркнул значение законов борьбы, которые сводятся к трем положениям: «…во-первых, надо знать сильные и слабые стороны соперника; во-вторых, объективно оценивать свои способности и недостатки; и, в-третьих, научиться подчинять свое личное и второстепенное главной цели — достижению победы. При этом важно преследовать не личные задачи, а нечто большее. В моей борьбе это значило бороться за успех шахмат против их отрицания Капабланкой. Это значило — разрушить легенду о «машине — человеке», которую создал Капабланка в своем подходе к шахматам, не признающем их как искусство. Мне удалось развеять миф о непобедимости Капабланки».

Речь Алехина вызвала долго не смолкавшие аплодисменты.

А завершилась серия приемов чествованием Алехина, устроенным шахматным кружком имени Евг. А. Зноско-Боровского 23 февраля. Оно носило характер более интимный, сердечный и затянулось до трех часов ночи. Тосты тут чередовались музыкой, сообщением о творчестве Алехина, а потом, когда в зал принесли шахматы, почти все присутствовавшие окунулись с головой в баталии. Не устоял и сам чемпион, бегло показавший несколько комбинаций.

Париж не скупился на теплые слова, чествуя вернувшегося с победой Александра Алехина. А 14 апреля 1928 года на обложке «Иллюстрированной России», под заголовком «Сенсационная партия», был помещен фотоснимок, на котором два политических деятеля, П. Н. Милюков и П. Б. Струве, играли в шахматы, а рядом с ними, в роли «арбитра» — шахматный король А. А. Алехин. Фотография была сделана во время общего собрания писателей и журналистов в Париже, в одном из киноателье.

Но вот праздничные торжества миновали, внимание общественности переключилось на другие события. Пришла возможность отдохнуть от хлопот и сосредоточиться над работой за письменным столом. Алехин возобновил анализ партий Нью-йоркского турнира 1927 года, стал готовить книгу об этом состязании.

Вскоре после возвращения в Париж Алехин получил от Капабланки копию письма от 10 февраля 1928 года, с которым тот обратился к основателю и первому президенту Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Александру Рюэбу. В письме экс-чемпион предлагал внести изменения в условия проведения матча на первенство мира, которые, по сути своей, облегчали задачу претендента. Алехин отверг эти

нововведения и в ответном письме от 29 февраля резонно заметил, что недавно закончившийся матч проводился на основе Лондонских соглашений 1922 года, разработанных самим Капабланкой. Об этом они говорили 12 декабря 1927 года по окончании матча, и Капабланка тогда сказал, что он согласен со взглядами Алехина, а теперь вносит изменения… Алехин будет играть матч только на тех же условиях, до шести побед.

Жизнь вошла в спокойный ритм, располагающий к неспешной творческой, исследовательской работе.

ПОД ГНЕТОМ ОДИНОЧЕСТВА

Однако душевное равновесие Александра Алехина оказалось недолгим. На него обрушился с гневной статьей журнал «Шахматный листок», выходивший в Москве, а затем и другие советские шахматные издания, перепечатавшие статью. В ней Алехин обвинялся во враждебном отношении к советскому строю, что якобы нашло свое отражение в высказанном им пожелании, чтобы «миф о непобедимости большевиков рассеялся, как рассеялся миф о непобедимости Капабланки».

Произносил ли Алехин эти слова? По утверждению А. А. Котова, автора романа «Белые и черные», им были перечитаны все эмигрантские газеты тех дней. Почти в каждой из них речь Алехина передавалась по-своему, а о «мифе» упоминалось лишь в нескольких. К такому выводу пришел и автор этой книги, после ознакомления с теми же газетами.

Однако тогда, без какой-либо проверки, без беседы с Алехиным об этой фразе тут же сообщили в Москву. Реакция была мгновенной: «После речи в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас все покончено — он наш враг, и только как врага мы отныне должны его трактовать…» Так беспощадно, наотмашь отреагировало Исполнительное бюро Всесоюзной шахматной секции устами своего председателя Н. В. Крыленко.

Он не выбирал выражений в своей статье «О новом белогвардейском выступлении Алехина», опубликованной 25 марта 1928 года в шестом номере журнала «Шахматный листок». А 25 мая в том же журнале появилось «Письмо в редакцию» старшего брата Александра Алехина — Алексея из Харькова. Оно было написано явно под давлением властей, жаждавших причинить чемпиону как можно больше боли. «Я осуждаю всякое антисоветское выступление, от кого бы оно ни исходило, будь то, как в данном случае, брат мой или кто-либо другой. С Александром Алехиным у меня покончено навсегда!»

Для Алехина, не оставлявшего мысли о возвращении на Родину, это был жестокий удар. Обрывались все нити, связывавшие его с Россией: с родными и близкими, с коллегами и даже с московским журналом «Шахматы», в котором он сотрудничал.

Но у этой драмы имелся пролог, о котором почему-то никто из историков шахмат и журналистов не вспоминает. Ведь нечто подобное в адрес Алехина высказывалось Исполнительным бюро Всесоюзной шахматной секции еще 14 декабря 1926 года.

В тот день Исполбюро на экстренном заседании

рассматривало письмо Е. Д. Боголюбова о его выходе из советского подданства, поданное 12 декабря в представительство СССР в Берлине. Напомню, что еще в 1914 году он был интернирован в город Триберг-ин-Шварцвальд, где женился на дочери учителя местной школы и остался в Германии. Боголюбов выступал в международных турнирах как представитель этого государства. В 1924 году он приехал в СССР, участвовал в ряде соревнований, стал в 1924 и 1925 годах чемпионом Советского Союза, завоевал первый приз на Московском международном турнире 1925 года.

В конце 1925 года Боголюбов по семейным и материальным обстоятельствам вернулся в Триберг-ин-Шварцвальд, где и прожил до самой кончины (18 июня 1952 года). Казалось бы, понятная каждому житейская ситуация.

Что же решило Исполбюро 14 декабря 1926 года по поводу заявления Е. Д. Боголюбова?

Приведу несколько выдержек из принятого тогда постановления, касавшихся, в том числе и А. А. Алехина.

Постановление

Исполнительного бюро
Всесоюзной шахматной секции
О Е. Д. Боголюбове…
……*Исполбюро вынесло постановление:*

…..Шахсекция смотрела и смотрит на шахматы, как на средство культурного подъема масс, и принципиально стремилась заимствовать и использовать все профессиональные достижения буржуазной культуры, в том числе и в области шахматного искусства.

Шахсекция, однако, никогда не смотрела на шахматы только, как на чистое искусство — тем более, только как на спорт, — и такой же строгой принципиальной выдержанности требовала от всех своих членов и организаций.

Вот почему она не сочла возможным вступать в какие-либо переговоры с Алехиным об участии его в международном турнире в Москве, считая этого мастера чуждым и враждебным советской власти элементом…

Значит, еще тогда, в 1925 году при определении состава участников Московского международного турнира Александр Алехин был причислен к врагам советской власти!

В заключительной части документа говорится:

> Исходя из всего изложенного и считая, что гражданин Боголюбов, пойдя по стопам Алехина и явившись не первым, а может быть, и не последним ренегатом в этой области, сам поставил себя вне рядов шахматной организации СССР — Шахсекция постановляет:
>
> 1. Лишить гражданина Е. Д. Боголюбова звания шахматного чемпиона СССР;
>
> 2. Исключить гражданина Е. Д. Боголюбова из числа членов организации СССР.

Подводя резюме знакомству с этим документом, приходится признать, что Александр Александрович Алехин не в январе 1928 года после какой-то фразы, оброненной на банкете, а гораздо раньше, летом 1925 года, был руководящими деятелями Всесоюзной шахматной секции объявлен врагом. Они сами уже тогда оттолкнули гениального русского гроссмейстера, вместо того, чтобы искать контакты для общения и сотрудничества с ним, для возвращения его на Родину. И Алехин, безусловно, знал об этом постановлении Исполбюро Всесоюзной шахматной секции еще в начале 1927 года из советских шахматных журналов, где оно было опубликовано.

Тем не менее пронизанная злобой статья Крыленко и горькое, столь неожиданное письмо брата повергли Александра Алехина в отчаяние. Теперь, кажется, он уже окончательно терял надежду вернуться на Родину. В нем что-то надломилось, он весь сник, и озарявшая его еще вчера слава чемпиона мира потускнела.

Смириться с потерей всех связей с Россией было тяжко. Чтобы выстоять, Алехину требовалось обрести какую-то духовную опору. И она, может быть, мнимая, нашлась не без помощи Осипа Бернштейна. Эмигрировав из России в начале 1920 года, тот вот уже пять лет жил в Париже и, работая юрисконсультом в отделении германской фирмы, преуспевал в среде адвокатов.

У Алехина и Бернштейна было немало общего, и прежде всего — ярко выраженное творческое отношение к шахматам. Они провели вдвоем немало часов за шахматной доской и в Москве, и в Париже. Кроме шахмат, их связывали и общие профессиональные интересы: оба имели ученую степень доктора права. Но если для Бернштейна адвокатская практика была основным средством существования, то Алехин всецело посвятил себя шахматам.

Вероятно, где-то в начале мая 1928 года между ними, по инициативе Бернштейна, состоялась доверительная беседа. Осип

Самойлович сказал, что он в поисках «общения с культурными образованными русскими людьми, стоящими выше всех партийных разногласий», решил вступить в масонскую ложу «Астрея», названную так по имени древнегреческой богини справедливости.

Одолеваемый сомнениями, Алехин все же последовал примеру Бернштейна. Тот заполнил анкету для приема в ложу 14 мая, а Алехин лишь накануне обряда посвящения в масоны — 21 мая.

Об этом автор книги узнал, изучая фонды Центра хранения историко-документальных коллекций (бывшего Особого архива СССР). Он был создан в Москве на основе русских документов, захваченных немцами на оккупированных ими территориях, в том числе в Париже, и вывезенных в Германию. При наступлении советской армии эти архивы и перешли вместе с другими трофеями в СССР.

Обряду посвящения в масоны предшествовали 20 мая 1928 года собеседования с соискателями в здании Великой ложи Франции на Rue Putequz, 8, где помещалась ложа «Астрея». После изложения своей биографии профаны (так назывались не посвященные в масоны) отвечали на вопросы.

О политических взглядах Александра Алехина в отчете одного из руководителей ложи Николая Тесленко говорится кратко, но вполне внятно:

«…Ко времени революции политические убеждения отличались неясностью для него самого и не были оформлены. Когда большевики захватили власть, он думал, что начнется что-то новое, хотя определенного представления не имел. До 1921 года служил у большевиков, занимая должность переводчика. Убедился в глубокой разнице между коммунистическими теориями и приложением их в жизни. Решил покинуть Россию.

Что касается его взглядов в настоящее время, то он не верит в возможность монархии, является сторонником демократического строя, но готов примириться с конституционной монархией, которая осуществит демократические принципы. К партиям не принадлежит…»

Отвечая на вопрос Тесленко о мотивах, побудивших просить о приеме в масонскую ложу, Алехин сказал, что стремится к этому, «тяготясь духовным одиночеством».

Это поразительное признание находящегося в ореоле славы 35-летнего Александра Алехина, всего полгода назад ставшего чемпионом мира по шахматам, которые являлись смыслом его жизни, обнажает глубокую душевную драму. Об истоках этой духовной неприкаянности гения мы уже знаем.

Сложный и таинственно нарочитый обряд посвящения Осипа Бернштейна, а за ним и Александра Алехина в масоны состоялся 22 мая 1928 года.

Это событие зафиксировано в тетради большого формата с названием «Протоколы масонской ложи «Астрея», г. Париж, за 1927–1928 гг.».

Прежде чем представить дословный текст документа, с кратким пересказом не относящегося к теме книги, поясню, что точки, проставляемые в масонских документах и письмах, в виде треугольника, означают сокращение слова. Например: Дост. Маст.'.бр.'. следует читать, как «Досточтимый мастер брат», бр.'.бр.'. — «братья», а пр.:. — «профан», то есть не посвященный в масоны, соискатель.

А теперь познакомимся с этим интересным документом.

«Протокол Семейного Собрания 22-го мая 1928 года.

Собрание открывается в 16 часов 30 минут Дост.'. Маст.'.бр.'. Вяземским. Места офицеров занимают: бр.'.бр.'. Орат. бр. Тесленко, секр. бр. Левинсон, I ст. бр. Грюнвальд, 2 ст. бр. Мешерский, казн.'.бр. Эрманс Дарод .'.бр. Авдиев, обряд.'.бр. Кривошеий, эксперт бр. де Витт, привр. бр. Владимиров.

Присутствовали: бр.'.бр.'. А. Мамонтов, Ашкинази, Кандауров, Рейтлингер, Захаров, Рабинович, А. Фидлер, А. Бобринский, Смирнов, Петров, Де ля Люби, Савицкий, Вельяминов-Зернов, Яковлев.

Прислали извинения бр.'.бр.'. Миркович, Нечаев, Свободин, Неклюдов, Аитов, Бодиско и Свешников.

Сначала на собрании читаются и утверждаются Протокол Торж. Собр. 7 и 12 мая — единогласно, затем оглашается текущая корреспонденция, после чего рассматриваются заявления о желании вступить в число Вол.'.Камен.

Первым рассматривается заявление Бернштейна — поступило 2 рапорта, которые и оглашаются. Ввиду прекрасных отзывов бр.'.бр.'., допустило проф.'. к опросу. После опроса открытым голосованием постановило считать результат благоприятным.

Затем заявление Алехина, — также представлено 2 рапорта, как и в предыдущем случае. Ввиду прекрасных отзывов о проф.'. постановлено приступить к опросу. Произведенное после опроса открытое голосование дало Алехину результат благоприятный.

Собрание закрывается в 21 час 05 м.

Дост.'.Маст.'. /подпись/

Секр.'. /подпись/

Орат.'. /подпись/»

Но почему два русских шахматиста искали духовное общение именно в масонской ложе «Астрея»? Чем она отличалась от

десятка других эмигрантских лож Парижа?

Изучение архивных документов показало, что «Астрея» была первой из русских эмигрантских лож, созданных в Париже (основана 1 января 1922 года). Ее устав, ритуалы и символика базировались на традициях масонства — религиозно-этического движения, возникшего в XVIII веке в Англии и провозгласившего «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи для умственного и нравственного совершенствования человечества». Однако нередко масонство соединяло эти задачи с определенными политическими взглядами. Так было и в «Астрее», которая до 1933 года придерживалась антисоветской позиции, а затем стала относиться к Советскому Союзу лояльно (вероятно, из-за прихода к власти в Германии Гитлера).

Состав ложи не превышал 60 человек. Все они были русскими эмигрантами и в основном представляли русскую интеллигенцию. Было среди них немало и титулованных особ: восемь князей, шесть графов, два барона. Деятельность ложи «Астрея» носила достаточно открытый характер. Ее адрес не скрывался, она имела прямые телефоны, в том числе с президентом Франции. Но, конечно, посторонние лица на ее собрания не допускались.

Ежегодно проводилось 24 собрания, из которых примерно 6 с посвящением соискателей в масоны, 6 семейных собраний и 12 с заслушиванием различных докладов по масонской тематике. Довольно часто с ними выступал знаток истории масонства Павел Афанасьевич Бурышкин, написавший, кроме работ по этой проблеме, интереснейшую книгу «Москва купеческая».

В повестку собраний ложи «Астрея» вносились также чтения кем-либо из братьев своих масонских впечатлений. Подобное сообщение сделал 9 марта 1935 года и Александр Алехин, вообще-то весьма редко бывавший в ложе. Согласно «Журналу регистрации посещаемости заседаний ложи» за четыре года (с 1928 по 1931 г.), он присутствовал лишь на десяти собраниях.

Алехин не принадлежал к активным масонам. В то время как другие беседовали на возвышенные темы, Алехин и Бернштейн нередко… играли в шахматы, превращая масонскую ложу в некое подобие шахматного клуба. Показательна в этом отношении история с его кругосветным путешествием. В январе 1932 года он изъявил желание выполнить во время поездки какие-нибудь поручения, но… вернулся к этому намерению лишь в сентябре, будучи в Нью-Йорке. Алехин попросил свою жену, Надежду Семеновну, оставшуюся в Париже, связаться с руководством ложи. В архиве сохранились два ее письма.

Первое, от 19 сентября, адресовано Кандаурову, основателю ложи «Астрея»:

> Многоуважаемый Леонтий Дмитриевич, Ал. Ал. — он сейчас в Америке — просит меня напомнить Вам о разговорах, которые были между вами на тему о «кругосветном путешествии». Ал. Ал. приступит к нему в конце ноября (из Сан-Франциско).
>
> Он был бы Вам сердечно признателен за все полезные указания, которыми- Вы смогли бы снабдить меня лично, — дело в том, что точный план путешествия разрабатывается в Париже, поэтому имена и адреса необходимо иметь здесь для сообщения их позднее Ал. Ал.
>
> Наш телефон Vang. 48–32. Я обычно всегда дома часов до 4-х, — не сделаете ли Вы мне любезность позвонить ко мне?
>
> Вперед очень Вас благодарю и прошу Вас верить в искреннее мое к Вам уважение,
>
> *Над. Сем. Алехина.*

Второе письмо, от 24 октября, к которому был приложен «План-маршрут поездки Алехина вокруг света», направлено Смирнову — «Досточтимому Мастеру ложи»:

> Многоуважаемый Георгий Яковлевич, обращаю еще раз Ваше внимание на то, что «маршрут» этот далеко не окончательный и не точный, — надеюсь, что из него ничего не убавится, а многое постепенно прибавится, — даже в пути, — как это уже показала практика — на Ал. Ал. поступает большое количество непредвиденных приглашений.
>
> Вот почему я так настойчиво прошу Вас не посылать на места (всегда возможно недоразумение, всегда есть риск с Вашим посланием разминуться) Ваших писем об Ал. Ал., а снабдить его ими до отъезда его из Сан-Франциско, т. е. во второй половине ноября. Само собой разумеется, я вся в Вашем распоряжении для доставки Ваших писем.
>
> Примите привет от искренне Вас уважающей
>
> *Н. Алехиной.*

В последовавшей переписке Кандаурова со Смирновым (целых четыре письма) отмечалось, что «Алехин, без сомнения, в связи с недостатком времени, не смог исполнить предложения о

предварительной подготовке к встрече с иностранными масонами. Поэтому дать ему какие-либо поручения от русского франкмасонства я вообще затрудняюсь» «На мой взгляд, у брата недостаточная осведомленность в общих франкмасонских вопросах, что вкупе с тем обстоятельством, что он предполагает посетить страны, где братство не собирается в тех же условиях, как здесь (США и французские колонии), лишило меня возможности обратиться в данном случае к его услугам…»

Таким образом, Александр Алехин, отправляясь 10 декабря 1932 года в кругосветное путешествие, не был задействован в какой-либо масонской деятельности, и его ничто не отвлекало от шахмат.

По возвращении в Париж Алехин крайне редко бывал в стенах ложи «Астрея», о чем говорит и письмо Кандаурова Вяземскому (от 2 ноября 1934 года):

> Дорогой князь Владимир Владимирович, я видел брата Алехина, который желал бы аккуратно посещать наши собрания, когда он бывает в Париже, — но не получает повесток, по собственной вине, как заявляет, так как не держал братьев Секретарей в курсе перемены своих адресов.
>
> Он просит посылать ему повестки по его постоянному адресу:
>
> Alexandre Alekhine Le Cha'ttau, St. Aubin — le — Cauf, Seine Infevleure.

А 12 июня 1937 гола на собрании ложи был рассмотрен вопрос об исключении двух масонов, в том числе Алехина. Случилось это за четыре месяца до его матча-реванша с Максом Эйве…

Что принесло Алехину общение в ложе «Астрея», что он там обрел и в чем разочаровался? На эти вопросы мог бы от «Мои лучшие партии» (1908–1923) и «Международный шахматный турнир в Нью-Йорке 1924», стали крупным событием в шахматной литературе.

В книге «На пути к высшим шахматным достижениям» несомненный интерес вызывает вторая глава — «Партии вслепую». В ней Алехин рассказал о том, как им осваивался этот способ игры, при котором шахматист объявляет свои ходы, не глядя на доску, по памяти. Довольно обстоятельно поясняет он процесс подготовки и ход самой игры:

«Играющий вслепую не пытается воспроизвести перед своими глазами всю доску… он припоминает только какой-то характерный ход, конфигурацию части доски… зрительная

память призывается на помощь только тогда, когда в особо критический момент нужно проверить положение, выяснить возможное заблуждение и т. п…»

Уровень игры вслепую зависит не только от числа соперников, но и от шахматной квалификации. При соблюдении этих условий «…мерилом ценности при равном или большем числе партий должно быть только процентное соотношение выигранных очков. Что касается художественной ценности игры вслепую, то последняя невелика… Я пришел к убеждению, что игра вслепую не только отражается на силе играющего, но в значительной мере искажает способ мышления и стиль игры».

«О ценности игры вслепую вообще господствуют различные мнения. В Америке, например, она ценится очень высоко, в то время как в Советской России ее считают бесполезной в художественном отношении и вместе с тем вредной для здоровья.

Я сам… ценю игру вслепую только как средство пропаганды…»

С доводами Александра Александровича спорить не приходится, хотя его комбинации и тут производили огромное впечатление.

Работу над книгами Алехин чередовал с выступлениями, направленными на дальнейшую популяризацию шахмат. Летом 1928 года он провел в Париже сеанс одновременной игры вслепую из восьми партий и все выиграл. В одной из них им была осуществлена многоходовая комбинация.

Затем Алехин совершил кратковременную поездку в Англию. 8 июля в кафе «Гамбит» он дал сеанс одновременной игры против маэстро и игроков первой силы. Чемпион мира три партии выиграл и одну проиграл. Параллельно с этим сеансом Алехин играл две партии вслепую, из которых в одной добился победы, а в другой была зафиксирована ничья. ветить только он сам. Но Алехин не нарушил клятвы, данной при вступлении в ложу, и никому никогда не говорил, что был масоном.

Впоследствии возникали лишь кое-какие слухи. И только автору этой книги удалось в 1994 году найти документальное подтверждение этого факта.

Однако вернемся к 1928 году, когда триумф Алехина был омрачен злобной статьей Крыленко и последующими враждебными действиями руководителей Всесоюзной шахматной секции Самуила Вайнштейна и его однофамильца Бориса Вайнштейна.

В то время Алехин находился под определенным влиянием Осипа Бернштейна. Тот бывал неоднократно в квартире Алехина, где оба гроссмейстера с удовольствием часами просиживали за

шахматной доской.

Позднее об этих встречах вспоминал известный театральный режиссер Михаил Чехов в своей книге «Путь актера». В то время он находился в стадии размышлений из-за неопределенности дальнейших своих творческих планов. Итак, слово племяннику Антона Павловича Чехова:

«Шахматы — единственное, что занимало меня теперь. Я ходил на парижские турниры, участвовал в сеансах одновременной игры Алехина и Бернштейна, бывал у Алехина в гостях и с восторгом следил за его игрой с Бернштейном в уютной семейной обстановке. Личность Алехина меня давно интересовала. Нервность его поражала меня. Его пальцы, например, всегда легко брали с доски шахматную фигуру, но не всегда могли легко выпустить ее: фигура прыгала в его руке и не хотела от нее отделяться. Он почти стряхивал ее с пальцев. Когда он и Бернштейн обсуждали какую-нибудь шахматную комбинацию или анализировали положение, я буквально хохотал, видя, как фигуры стремительно летали на доске, пока не задерживались на ней (похоже было на маленький пинг-понг), и как оба маэстро одновременно говорили и одновременно замолкали, когда проблема была решена».

Уходя от тягостных мыслей, вызванных прекращением контактов с Родиной, Алехин почти весь 1928 год посвятил работе над двумя книгами: «На пути к высшим шахматным достижениям» (1924–1927), куда вошли и все партии матча с Капабланкой, и «Международный шахматный турнир в Нью-Йорке 1927», который рассматривался автором как пролог к борьбе за мировое первенство. В этих трудах Александр Алехин предстает одним из лучших комментаторов, прекрасным шахматным литератором. Его новые книги, являясь своеобразным продолжением двух ранее написанных: В сентябре он выступил в Берне. Сеанс одновременной игры против 30 сильнейших местных шахматистов принес ему 25 побед, 2 поражения и 3 ничьи. На следующий день Алехин играл одновременно три партии с маэстро, из которых две выиграл и одну проиграл.

В то время в книжных магазинах Парижа и других городов появилась новинка, вызвавшая большой интерес у любителей шахмат. Это был сборник задач и этюдов Ф. Лазара с предисловием А. А. Алехина. Кроме лестной для французского композитора аттестации книги, в статье высказывалось — и это самое примечательное — общее мнение Алехина о шахматной композиции. Оно настолько интересно, что познакомиться хотя бы с фрагментами ее, несомненно, полезно:

«…Большинство шахматных мастеров-практиков понимают

очарование композиции, которую принято называть «поэзией шахмат», многие из нас предприняли попытки выступить в этой области, но успехов достигли немногие: Рети, Пшепюрка, Тейхман, Шлехтер…»

«…Несмотря на привлекательность идеи творчества в области композиции, сам я не создал в ней ничего заслуживающего внимания…»

«…И все же — я это повторяю — я люблю самую идею композиции, мне нравится возможность творить одному, не будучи обязанным, как в партии, ставить свои планы в зависимость от планов другого лица, моего противника, для того, чтобы создать что-нибудь ценное.

О, этот противник, этот горе-помощник, чье понимание красоты почти всегда отличается от вашего и средства которого (сила, воображение, техника) часто слишком недостаточны, чтобы оказать вам действенную помощь! Сколько препятствий ставит он созидающему маэстро-артисту — не только на пути к победе, но также — и это главное — на пути к созданию чего-либо ценного. Как мучительно чувствовать — переживание, чуждое всякому искусству или науке — вашу мысль, вашу фантазию прикованной — в силу порядка вещей — к мысли и фантазии другого лица, очень часто — посредственной и всегда отличающейся от вашей.

И как неубедительно звучит возражение, которое любят нам делать в ответ на эти наши сетования: мы, мол, испытываем спортивное удовлетворение, неведомое композиторам. Но ведь это удовлетворение в действительности является лишь выкупом за чрезмерные, непропорциональные достигаемым результатам усилия наших нервов и мысли, вызываемой самой обстановкой (матчи, турниры), — что неизвестно композиторам.

Далее, вспомним и не будем скрывать от профанов печальную истину о том, сколько великих артистов шахматной игры (например, Морфи, Стейниц, Пильсбери, Минквиц и другие) было поражено душевной болезнью, в то время как в анналах композиторов подобного рода случаи неизвестны…»

«…В сознании каждого мастера развертывается скрытая драма в процессе шахматной борьбы, которой нет примера ни в каком другом искусстве, которая характеризуется постоянным столкновением между творческой идеей, стремящейся к бесконечному, и стремлением противника к опровержению ее…»

Прочитав эти искренние строки, глубоко прочувствованные, выстраданные Алехиным, вероятно, многие читатели книги будут с еще большим пониманием и уважением относиться к великолепным достижениям гениального русского шахматиста, а также и к творчеству всех, посвятивших свою жизнь шахматному

искусству.

Осенью возобновились переговоры о матче на первенство мира. 8 октября Капабланка прислал Алехину официальный вызов, но тут же 12 октября получил ответ, что его опередил Боголюбов, чей вызов был принят 28 августа, и матч с ним состоится в будущем году. К этому периоду Боголюбов имел уже значительные успехи — первые призы в международных турнирах в Москве в 1925 году, в Берлине в 1926 году, в Гамбурге в 1927 году, в Киссингене и Берлине в 1928 году, ряд призовых мест в других состязаниях, выиграл в 1928 году один, а затем и второй матч у Эйве, хотя и с перевесом в одно очко. Готовясь отстаивать свое звание в матче с тем или иным возможным претендентом, Алехин внимательно следил за выступлениями Боголюбова и Капабланки, анализировал их партии и по просьбе представителей прессы высказывал свое мнение. В его ответах содержалось много интересного и поучительного. Так, в интервью французской газете, перепечатанном тут же в английском журнале «Бритиш чесс мэгэзин», Алехин, в частности, говорил о значении в шахматах психологии:

«В шахматах фактором исключительной важности является психология. Своим успехом в матче с Капабланкой я обязан прежде всего своему превосходству в смысле психологии. Капабланка же играл, полагаясь почти исключительно на свое богатое интуитивное дарование. Вообще, до начала игры надо хорошо знать своего противника: тогда партия становится вопросом нервов, индивидуальности и самолюбия — последнее для результатов борьбы играет чрезвычайно большую роль…»

РАВНЫХ НЕТ

Шахматный мир ждал выступлений нового чемпиона в состязаниях. И они вскоре последовали, одно за другим. Это был каскад блестящих побед с вдохновенной игрой, несравнимой с уровнем игры любых других шахматистов. В период 1929–1934 годов Александр Алехин достиг подлинного сверхкласса как но содержанию партий, так и по спортивным успехам.

Начало длинной серии выступлений чемпиона было положено летом 1929 года на небольшом турнире в американском городе Бредли-Бич. Там Алехин из 9 партий выиграл 8 и сделал одну ничью. Второй приз получил Л. Штейнер, отставший на полтора очка, за ним были американские мастера.

После окончания турнира Алехин выступил с сеансами одновременной игры в Нью-Йорке, Чикаго, Цинциннати и Милуоки, посетил киностудию в Голливуде. Там обратили внимание на актерские способности чемпиона мира и предложили ему сняться в кинофильме «Преступление черного офицера» по одноименному роману популярного тогда американского писателя Ван-Дайна. Алехину предстояло сыграть роль шахматного маэстро, говорящего с акцентом. Он дал согласие, но по каким-то причинам эта договоренность не была реализована. Пребывание Алехина в Голливуде запечатлено на фотоснимке, где он изображен вместе с актрисой Рене Адерэ и режиссером Фредом Ниблсом. Снимок напечатан в газете «Иллюстрированная Россия» 10 августа 1929 года.

Накануне перелета из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско, который в то время занимал три с половиной часа, Алехину кто-то предложил дать сеанс одновременной игры с самолета. Чемпион согласился. Находясь в небе, он играл по радио одновременно с семью противниками, из которых часть была в Лос-Анджелесе, а часть — в Сан-Франциско.

Из США Алехин совершил гастрольную поездку по городам Мексики, после чего вернулся в Европу.

А осенью в различных городах Голландии и Германии Александр Алехин отстаивал свой титул в матче с Ефимом Боголюбовым. Победителем становился набравший 15½ очков из 30 партий при наличии не менее шести побед.

В канун матча в печати высказывалось мнение, что в отличие от битвы между Алехиным и Капабланкой, где столкнулись творческие антиподы, на этот раз предстоит поединок шахматистов, вышедших из одной и той же школы.

В чем-то этот взгляд был верен. И все же между Алехиным и Боголюбовым имелись и существенные различия, которые вовсе не исключаются принадлежностью к общему направлению в шахматном искусстве. Их характеристику дал сам Алехин. Это — одно из его важнейших изложений своего шахматного кредо.

«Я согласен, — высказывался Алехин, — что в понимании существа шахматной игры у нас имеется известное сходство, но мы резко по-разному смотрим как на жизнь, так и на принципы борьбы. Насколько я мог заметить, Боголюбов в своем безграничном оптимизме всегда надеется почерпнуть новые силы для своих творческих замыслов в богатых данных своего природного таланта. Он рассматривает противника как превосходное экспериментальное поле для применения своего искусства и никогда не пытается изучить своего противника. *Он* часто надеется на чудо там, где необходимо точное знание. А это может привести к неожиданным провалам, которые могут подорвать уверенность в самом себе. Для Боголюбова же такая уверенность необходима превыше всего. Основной целью борьбы он считает свое личное удовлетворение. Мое же понимание борьбы всегда было противоположным. Я считаю необходимым для успеха три фактора: во-первых, понимание своей силы и своей слабости; во-вторых, точное разумение силы и слабости противника; в-третьих, более высокая цель, чем минутное удовлетворение. Эту цель я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств».

Ход матча показал полное превосходство Алехина во всех трех компонентах.

Матч начался 6 сентября в Висбадене, а закончился 12 ноября там же досрочной победой чемпиона мира в 25-й партии. Алехин выиграл 11 партий, Боголюбов — 5 при 9 ничьих. Несмотря на значительный итоговый перевес чемпиона мира, матч проходил крайне остро и носил совершенно иной характер, нежели матч с Капабланкой. Партии матча с Боголюбовым в основном представляли собой бурные комбинационные схватки высокого спортивного накала, где Алехин в области тактическо-комбинационной игры показал такое же мастерство, какое он продемонстрировал в области позиционного маневрирования против Капабланки.

В стартовой партии состязания Алехин вновь одержал победу, но после 6-й партии Боголюбову удалось сравнять счет — у каждого участника оказалось по 2 выигрыша и 2 проигрыша. Это вынудило Алехина усилить натиск на упорно сопротивляющегося соперника. Из последующих шести партий он в четырех добился

победы и 12 октября в Берлине после доигрывания 12-й партии достиг не только преимущества в 4 очка, но, главное, уже выполнил одно из основных условий для выявления победителя матча — выиграл шесть партий.

Возможно, после этого Алехин как-то внутренне расслабился, посчитал свою задачу решенной, полагал, что борьба за большинство очков в матче не потребует от него значительных усилий. Но так или иначе, весы снова пришли в движение — Боголюбов выиграл подряд две партии — 13-ю и 14-ю — и опять сократил разрыв.

И вновь Алехину пришлось в маневренной борьбе искать преимущества над противником, который, по мнению Рети, обладал, как и чемпион мира «способностью построения практической партии». Не исключено, что в тот момент вспоминался и чрезвычайно интересный отзыв самого Боголюбова о своей игре:

«Я стремлюсь к углублению, к совершенствованию игры в ее целом. В течение всей партии я стараюсь вложить в каждый ход возможно больше содержания, связать его с возможно большим количеством целей, логически вытекающих из данного положения, и, поскольку каждым ходом учитываются по возможности все самые скрытые особенности всякой позиции, вся игра становится более интенсивной».

Усилия Алехина дали плоды — он также выиграл подряд две партии —16-ю, 17-ю, но и тут Боголюбов все еще пытался изменить течение состязания. Ему удалось пресечь острые осложнения, предложенные Алехиным в 18-й партии, и перевести ее в более спокойное позиционное русло. Предпринятый затем энергичный пешечный штурм взорвал позицию черных, и Алехин вынужден был сдаться.

Но это поражение лишь как-то подстегнуло Алехина, и он победил еще в трех партиях: 19-й, 21-й и 22-й. После 25 партий матч был закончен, ибо чемпион мира отстоял свой титул, выполнив все условия: набрал 15'/2 очков и выиграл 11 (!) вместо шести партий.

По окончании матча корреспондент дюссельдорфской газеты спросил Боголюбова:

— Есть ли у Алехина опасные соперники?

— Нет! — ответил тот. — Сейчас ни у кого нет шансов выиграть матч у Алехина.

— А Нимцович, Капабланка?

— У Нимцовича — никаких, что касается Капабланки, то я не советовал бы ему играть матч-реванш, ибо после этой новой схватки его ореол совершенно померкнет…

— По вашему мнению, Алехин может спокойно почивать на лаврах?

— Почивать на лаврах пытался Капабланка. Алехин будет побеждать всех, с кем встретится. И я в течение четырех-пяти лет с удовлетворением буду наблюдать за его победами. Но тогда мы вновь встретимся. Я не согласен признать себя окончательно побежденным после первого поражения.

Победа Алехина в матче с Боголюбовым упрочила его положение в глазах мировой общественности. Чемпион убедительно доказал, что равных ему ни по таланту, ни по силе игры нет.

Обсуждая итоги матча, в прессе подчеркивалось, что борьбу за первенство мира вели между собой русские шахматисты, соотечественники, представители одной школы, выступавшие, однако, по иронии судьбы, за разные страны. Алехин представлял Францию, а Боголюбов — Германию. Привели их туда разные обстоятельства, но от политики эти великие шахматисты стояли далеко и Родине своей дурного не желали. Тем не менее, как мы знаем, и Алехин, и Боголюбов были объявлены руководителями Всесоюзной шахматной секции «антиобщественными», «политически чуждыми и враждебными элементами», врагами СССР. После завершения матча в советской шахматной печати Алехина и Боголюбова подвергли новой яростной, беспощадной травле и даже закрыли московский журнал «Шахматы», издаваемый Н. И. Грековым с 1922 года. Вина журнала была велика — в нем сотрудничал Алехин, приводилась объективная информация о международной шахматной жизни и крайне мало печаталось идеологических статей.

Свой отдых от участия в бесконечных трудных состязаниях Алехин нередко совмещал с присутствием на турнирах в роли журналиста. Об одном таком случае поведал Сало Флор:

«В 1929 году на крупном турнире в Карловых Варах гроссмейстер Нимцович познакомил меня с Алехиным — уже чемпионом мира. Он был в расцвете сил, его глаза сияли от счастья и радости. Алехин приезжал в Карловы Вары в качестве корреспондента. Чемпион был в центре внимания.

Вечером участники обычно собирались в кафе и показывали партии. На меня тогда произвели сильнейшее впечатление страсть, с которой Алехин вникал в каждую партию (даже чужую), и его радость, когда ему даже в анализе удавалось сделать красивый ход, комбинацию. Я был поражен и тем, что он, первый шахматист мира, считается с мнением вокруг сидящих простых смертных. Я чуть не упал в обморок, когда он вдруг спросил меня, новичка:

— Вы согласны с моим мнением?

В турнирном зале, на улицах курортники со всего света охотились за автографом чемпиона мира. Многие просили у Алехина не одну подпись, а 30–40 на открытках с видами Карловых Вар для своих знакомых.

Алехин терпел несколько дней, а затем объявил: «Больше никаких автографов!» Появился один весьма настойчивый американец. Алехин отказал ему. Тогда американец обратился в судейскую коллегию с заявлением, что он согласен уплатить 1000 крон за один автограф Алехина. Это заявление передали чемпиону мира.

— Ладно, подпишу, — сказал Алехин.

Деньги Алехин отдал турнирному комитету с предложением премировать ими того участника, который на следующий день первым выиграет партию. От участников это решение скрывалось. На другой день Тартаковер быстро победил Боголюбова. Велико было удивление Тартаковера, когда ему тут же, так сказать, не отходя от кассы, главный судья турнира вручил конверт с 1000 кронами! «Это приз Алехина». Любопытно, что победа Тартаковера (примерно в 12-м туре) была вообще первой его победой в турнире!»

В начале 1930 года, с 16 января по 5 февраля, на итальянском курорте Сан-Ремо состоялся интересный и очень сильный по составу участников турнир. Выступая в нем, Алехин сделал только две ничьи из 15 партий, выиграв все остальные. Его результат превзошел в процентном отношении рекорды Эм. Ласкера, показанные им на рубеже XIX и XX веков в Лондоне и Париже. Второй приз в Сан-Ремо получил Нимцович, отставший от Алехина на 3½ очка! Третьим был Рубинштейн — 10 очков, четвертым — Боголюбов — 9½ и т. д.

Рекордным оказалось выступление Александра Алехина и на Третьей Всемирной шахматной Олимпиаде, проведенной с 13 по 27 июля 1930 года в Гамбурге. Он возглавлял команду Франции, и каждая его партия становилась событием, привлекала внимание участников и зрителей. Девять партий с разными соперниками сыграл чемпион мира, и все девять встреч закончились его победой.

В апреле 1931 года в русской газете «Последние Новости», выходившей в Париже, появился анонс мастера Евгения Зноско-Боровского, ведущего там шахматный отдел: «Я счастлив возможности оповестить читателей нашей газеты о том, что с завтрашнего дня чемпион мира А. А. Алехин начнет свое регулярное сотрудничество в «Последних Новостях». И я горд той гордостью, которую испытывала, вероятно, администрация

Русской Оперы, когда ей удалось привлечь к своим спектаклям Ф. И. Шаляпина».

С того времени Алехин довольно часто выступал в этой газете со статьями и комментариями к наиболее интересным партиям.

Удивительный рекорд был достигнут Алехиным в двухкруговом турнире на югославском курорте Бледе, проходившем с 23 августа по 28 сентября 1931 года. Он завоевал там первый приз, набрав 20½ очков из 26 с отрывом от второго призера Боголюбова на 5½ очков! Такого прежде никогда не бывало на международных состязаниях. Чемпион мира вновь не имел поражений, хотя зачастую играл в остром гамбитном стиле. Третий приз получил Нимцович, имевший 14 очков, а четвертый — седьмой призы разделили с 13½ очками Видмар, Каждан, Флор, Штольц.

Сенсацией турнира стал молниеносный разгром Нимцовича Алехиным, эффектно пожертвовавшим в дебюте две пешки. Нимцович был в изумлении; он принял жертву, а потом, отойдя от доски и покачивая головой, несколько раз повторил: «Он обращается с нами, как с желторотыми птенчиками». Позднейший анализ, однако, показал, что жертва Алехина была полностью оправдана.

По отзывам современников, Александр Алехин всегда доброжелательно относился к коллегам, не отказывал им в совете и материальной помощи.

Так, например, гроссмейстер Андрэ Лилиенталь в книге «Жизнь шахматам» писал: «У меня об Алехине впечатления самые наилучшие. Я у него часто бывал дома. Он устраивал своеобразные шахматные приемы. Независимо от того, какой шахматный ранг носил его гость, он охотно делился с ним дебютными анализами, исследовал различные позиции. Однажды в «Пале-Рояль» должен был быть интересный блиц-турнир. Я очень хотел играть, но по-прежнему мешали хронические финансовые затруднения. Узнав об этом, Алехин сделал за меня взнос. Конечно, на деньги чемпиона мира я чувствовал себя обязанным играть хорошо. Мне это удалось, и я занял первое место. Когда, получив приз, я хотел вернуть Алехину долг, он ответил: «Это успеется. Вернете, когда станете мастером».

О многом говорит отзыв австрийского гроссмейстера Эрнста Грюнфельда: «В личном отношении Алехин был очень симпатичным человеком, он пользовался всеобщей любовью, всегда был готов дать совет своим товарищам, не скупясь, делился своими знаниями и опытом. О нем не всегда писали только хорошее, но факт, что Алехин был отзывчивой, чуткой натурой».

Но настоящих друзей у Алехина в эмиграции все-таки не было. Возможно, потому что он имел довольно замкнутый характер, а, может, еще и потому, что был непримирим за шахматной доской. Когда он играл в турнире, дружественные отношения отступали на задний план и не смягчали жестких устремлений к победе.

«Непоколебимое внимание должно абсолютно изолировать игрока от внешнего мира», — говорил он о поведении шахматиста во время серьезной партии, и сам следовал этой установке. Несмотря на разницу в классе, Алехин не позволял себе ни на один момент расслабиться. Это свойство не только неутомимого бойца, но в еще большей степени подлинного художника всегда присутствовало в его партиях.

«…Игра с Алехиным требовала беспрерывного напряжения, — писал Г. Левенфиш. — Малейшее ослабление внимания — и Алехин поражал вас очередным тактическим ударом. Богатство его фантазии было поистине неисчерпаемым».

Вспомним крылатую фразу Алехина: «Комбинация — душа шахматной партии». Стратегия для него только подготовка к осуществлению комбинации. Но с возрастом дарование Алехина возмужало, уравновесилось. В период Сан-Ремо (1930) и Бледа (1931) он был уже полноценным стратегом, но фантазия его была по-прежнему неисчерпаемой.

Алехин в совершенстве владел искусством запутывания противника. На вопрос: «Как вам удается так быстро разделываться со своими противниками?» он с полным правом отвечал: «Я на каждом ходу заставляю их мыслить самостоятельно!»

Но здесь важно подчеркнуть, что Алехин при этом не нарушал требований позиции, и в этом было его принципиальное отличие от Ласкера.

Великолепные, рекордные победы Александра Алехина на турнирах в Сан-Ремо и Бледе, на Олимпиаде в Гамбурге, не говоря уже о его первых призах в менее крупных состязаниях 1929–1931 годов, произвели огромное впечатление на общественное мнение. Триумфальное шествие первого русского чемпиона мира, его искрометные, эффектные комбинации, ошеломлявшие быстротой атаки, а также глубокие, тонкие маневры, стоявшие порой на грани с этюдами, приводили в восхищение.

«…Игра Алехина пронизана солнцем, — очарованно писал С. Тартаковер. — Кипучий и стремительный, он более какого-либо другого маэстро олицетворяет собой пышный расцвет XX шахматного века, причем главной особенностью его игры

является неисчерпаемость его шахматной фантазии, позволяющая ему вести партии под постоянным напряжением в 1000 вольт!!!

…По-видимому, тайна искусства Алехина заключается в невероятной жизненной силе, наполняющей все его существо. Какова его игра, таков и он сам — белокурый и рослый, широкоплечий и серьезный. «Я побеждаю, следовательно, я существую» — так лучше всего можно было бы охарактеризовать шахматную философию Алехина…»

Под знаком превосходства Александра Алехина прошли и турниры 1932 года. В Лондоне, с 1 по 15 февраля, он завоевал первый приз, набрав 9 очков из 11 и вновь не потерпев ни одного поражения. Второй приз получил выдвинувшийся в то время Сало Флор — 8 очков, а третий-четвертый призы с 7½ очками разделили другие подававшие надежды молодые мастера Исаак Кэжден и Малик Султан-Хан.

В июле Алехин в Берне снова стал победителем турнира, имея 12½ очков из 15 и проиграв лишь одну партию — Боголюбову. Второй и третий призы с 11½ очками разделили Флор и Эйве.

Примечательно, что, активно участвуя в турнирах, Алехин находил время и для массовых мероприятий, направленных на популяризацию шахмат. Он охотно выступал с сеансами одновременной игры и даже играл заочно. Популярность Алехина была столь велика, что в 1931 году; когда он выступал с сеансами одновременной игры в столице Исландии Рейкьявике, национальный парламент был распущен на каникулы: депутаты хотели быть участниками или хотя бы свидетелями выступлений чемпиона мира. Возвращаясь из Исландии, чемпион мира играл по радио с борта корабля две партии с шахматным клубом Рейкьявика. После двенадцати ходов, сделанных во время плавания, игра была продолжена по переписке. Белыми Алехин сделал ничью, а черными выиграл на 52-м ходу с интересной, далеко рассчитанной жертвой фигуры.

Он считал, что «игра по переписке и за доской дополняют друг друга». По предложению Алехина в 1936 году Международная федерация игры по переписке приняла решение об организации первого чемпионата мира по почте. Он состоялся после Второй мировой войны. С тех пор эти соревнования проводятся регулярно.

Внушительная серия победных выступлений Алехина в европейских турнирах прервалась осенью 1932 года, когда он приступил к осуществлению заманчивой идеи кругосветного путешествия. Маршрут был продуман, и путь по нему занял шесть месяцев — с 10 декабря 1932 года по 20 мая 1933 года. Алехин

вновь пересек Атлантический океан и в Сан-Франциско начал гастрольные выступления по Америке. А затем была сплошная экзотика — он посетил Гонолулу (Гавайские острова), Кобе (Япония), Гонконг, Манилу, Сингапур, Суматру, Яву, Новую Зеландию, Цейлон, Александрию, Иерусалим, Геную, откуда, наконец, вернулся в Париж. Впечатляющую гастроль совершил чемпион мира, хотя ему и не удалось полностью выполнить намеченную программу. Алехин не выдержал тропического климата Индонезии и был вынужден прекратить кругосветку.

Путешествие Алехина явилось большим событием и внесло эффективный вклад в популяризацию шахмат, особенно в отдаленных регионах.

В США и Мексике он провел 42 сеанса одновременной игры на 1063 досках. 946 партий выиграл, 41 проиграл и 76 закончил вничью. В число этих выступлений вошел необычный сеанс Алехина в Нью-Йорке на 50 досках, за каждой из которых сидело по четыре шахматиста, совместно обдумывавших ответные ходы. Это, безусловно, осложняло задачу сеансера, и тем не менее Алехин 30 партий выиграл и 14 завершил ничьей.

В Нидерландской Индии состоялось 13 сеансов на 416 досках. Там его победой окончилось 384 партии, в 9 он признал свое поражение, а 23 пришли к ничейному исходу. А непосредственно во время кругосветного путешествия Алехин сыграл 1320 партий — в том числе 139 консультационных — и добился невероятно высокого процента выигранных очков: 91, 52! Этот показатель сложился из 1161 выигрыша, 65 проигрышей и 94 ничьих. Видимо, уровень игры местных любителей шахмат был все-таки ниже, чем в Европе и Америке.

Во время кругосветного путешествия Алехин проявлял большой интерес к различным достопримечательностям, обычаям, национальным играм стран и народов. В Японии он познакомился с японскими шахматами: «Я принялся за их изучение и продолжал его всю дорогу, присоединив к ним китайские. Я вывез с собой целую библиотеку, посвященную шахматам».

Завершив длительное и утомительное путешествие, Алехин совсем недолго находился в Париже. Интересы французской команды позвали его в дорогу, через пролив Ла-Манш, в английский курортный городок Фолкстон. Там с 12 по 23 июня 1933 года проводилась Пятая Всемирная шахматная Олимпиада.

Очевидцы говорили, что по внешнему виду Алехина было заметно, что чемпион устал. Во втором туре он потерпел поражение в партии с Тартаковером. Перелом в игре Алехина наступил после встречи с Султан-Ханом в пятом туре. Этот

поединок длился в общей сложности около 11 часов и закончился победой чемпиона на 108-м ходу. Последующие партии Алехин играл легко и уверенно.

А через месяц чемпион был уже в Чикаго на Всемирной выставке «Век прогресса». Там 25 июля 1933 года Алехин выступил с грандиозным сеансом одновременной игры вслепую на 32 досках и тем самым установил новый мировой рекорд в этом виде шахматного творчества, превзойдя свое собственное достижение 1925 года.

Из числа одержанных Алехиным побед в 1934 году выделим два наиболее важных состязания.

Первое — это повторный матч на первенство мира между Алехиным и Боголюбовым. Претендент остался верен своим намерениям, высказанным пять лет назад, и вновь вступил в борьбу за желанный титул. Матч проводился в двенадцати городах Германии с 1 апреля по 14 июня 1934 года на тех же условиях, что и предыдущий.

Но на этот раз Алехин, выиграв 2-ю партию, уверенно наращивал свой перевес и не позволил сопернику приблизиться по количеству одержанных побед. Только неожиданные осечки чемпиона на самом финише чуть отсрочили развязку напряженного поединка.

Александр Алехин отстоял почетное звание чемпиона мира и выиграл матч со счетом 15½: 10½ при 8 победах и 3 поражениях.

Вторым значительным состязанием 1934 года в биографии Алехина стал крупный турнир в Цюрихе, проходивший с 14 по 28 июля. Находясь в хорошей спортивной форме, чемпион играл, как всегда, активно, изобретательно. Он красиво, с жертвой ферзя, завершил атаку в партии с Эмануилом Ласкером, одержав победу на 26-м ходу.

Работая в 1985 году над книгой «50 миниатюр чемпионов мира», Анатолий Карпов пришел к выводу, «что среди чемпионов мира именно Алехину принадлежит рекорд по числу эффектных миниатюр. При этом 30 ходов для него часто оказывалось слишком много, он благополучно укладывался и в 20».

Из 15 партий, сыгранных в Цюрихе, Алехин в 12 одержач победы, сделав ничьи с Флором, Боголюбовым и только одну партию проиграв Эйве. Набранные им 13 очков принесли первый приз. На очко отстали от него Флор и Эйве, разделившие второй и третий призы. Боголюбов с 11½ очками получил четвертый, Эм. Ласкер с 10 очками — пятый. Последующие призовые места заняли Бернштейн, Нимцович и Штальберг.

Триумф Александра Алехина в Цюрихском турнире все восприняли как естественное явление. К победам чемпиона мира

привыкли, его превосходство над другими ведущими гроссмейстерами было многократно доказано. Казалось, что трону шахматного короля ничто не угрожало.

СПАД И НОВЫЙ ПОДЪЕМ

Всемирная слава, всеобщий почет и в то же время неуклонно нараставшее неудовлетворение своей жизнью, депрессия… Эти полярные чувства странным образом совмещались в одном человеке — Александре Александровиче Алехине в 1930-е годы.

Нет, к шахматам его любовь, конечно, не угасла — они постоянно были смыслом жизни, им отдавалось, по существу, все время. Хотя, конечно, бывали периоды перенасыщения, утомления.

Получая постоянно информацию о широком развитии шахмат в Советском Союзе, Алехин сожалел, что лишен возможности жить и играть в России, в родной Москве. Его настроения хорошо передал близко знавший чемпиона мира писатель Лев Любимов в воспоминаниях «На чужбине»:

«Алехин производил впечатление сильного, волевого человека. Он умел говорить умно, с весом, но в речи его всегда проскальзывало невольное раздражение. Да, несомненно, что-то в его судьбе постоянно раздражало его. Вдохновлялся по-настоящему, когда говорил о шахматах, причем если собеседник был иностранец, всегда подчеркивал, что самая высокая шахматная культура в Советском Союзе…

Алехин был, конечно, человеком больших страстей, но чужбина, сознание, что он не у себя, что только в том же «родном доме», о котором тосковал Бунин, его могли бы признать по-настоящему, и в то же время какое-то малодушие, мешавшее ему решительно признать ошибочность своей разлуки с родиной — все это надломило его, лишило внутренней опоры… Я довольно часто встречался с Алехиным, бывал у него в доме, играл с ним и порой выигрывал… в бридж. Характерно, что Алехин хотел (впрочем, тщетно) достигнуть и в бридже самого высокого класса.

По-настоящему Алехин царил в Париже лишь в белом, обпитом растениями павильоне, где в саду «Пале-Рояль» помещался шахматный клуб. Это был главный шахматный центр французской столицы, там постоянно слышалась русская речь и тон задавали кроме Алехина — О. Бернштейн, С. Тартаковер, Е. Зноско-Боровский и еще другие эмигранты».

При встречах с гроссмейстерами Сало Флором и Андрэ Лилиенталем, побывавшими в Советском Союзе, Алехин долго расспрашивал их о своей родной стране. «И даже я — не психолог — понял и прочел в глазах Алехина, что он очень тоскует по Москве», — писал Флор. Вторил ему и Лилиенталь: «Однажды мы сидели с Флором в кафе, туда пришел Алехин. Разговорившись с

нами, он сказал, что мечтает вернуться на Родину. Он не раз заговаривал на эту тему, это было его заветной мечтой…»

Ностальгия все сильнее овладевала Алехиным.

«…В 1933 году я впервые увидел грусть в глазах Алехина, — вспоминал Флор. — На перроне пражского вокзала он провожал меня в Москву на матч с Ботвинником. Сам он оставался в Праге, куда приехал на гастроли. Только моя неопытность в жизни и молодость были причиной того, что я не понял, насколько печальны и трагичны для Алехина были эти проводы на пражском вокзале».

Тогда же Алехин попросил Флора выяснить в Москве у руководителей Всесоюзной шахматной секции вопрос о возможности его возвращения на Родину. Ответа не последовало, он откладывался на потом…

Возможно, определенную сумятицу в настроение Алехина внесли и изменения в личной жизни. Еще в мае 1933 года, сразу же после возвращения из кругосветного путешествия, он прекратил всякие отношения с Надеждой Семеновной Васильевой, с которой состоял в гражданском браке. Их союз длился восемь лет и, вероятно, был не настолько прочен, как виделось окружающим. Нам не дано знать, в чем именно выражалась зыбкость этого семейного очага. У Алехина, всегда стремившегося к домашнему уюту, тогда, видимо, были причины для резкого изменения своего образа жизни.

Тут, может быть, уместно привести слова жены видного шахматного деятеля СССР, сказанные в беседе с автором книги для объяснения мотивов развода одного ныне здравствующего чемпиона мира: «Не каждая женщина может быть супругой чемпиона мира по шахматам, который всецело живет в ином мире, мысленно и в поступках, по особому распорядку. А она — обычная женщина, желающая видеть внимание, общаться с родными и знакомыми, бывать в гостях и принимать их, посещать театры, вернисажи… Муж же постоянно, если не за шахматной доской и за книгой, то в мыслях анализирует. Отрешен от всего, особенно накануне, в ходе и после соревнований, а они идут чередой одно за другим. В разъездах систематически. Спать ложится в 2–3 часа ночи и встает лишь в 12 часов дня».

Пробыв год на холостяцком положении, Алехин женился на Грейс Висхар, родившейся в Америке. Она была в то время вдовой британского армейского офицера, владельца чайной плантации на Цейлоне Арчибальда Фримена. Бракосочетание чемпиона мира с Грейс состоялось 26 марта 1934 года в городе Виллафранка-сюр-Мер, что живописно расположился во Французской Ривьере. А предшествовало этому довольно длительное знакомство. Ведь

впервые они встретились в сентябре 1932 года во время турнира в Пасадене, где в местном клубе Грейс показала себя неплохой шахматисткой. У нее был опыт игры в заочных соревнованиях по переписке, а став супругой Алехина, она принимала участие вместе с ним в приватных блицтурнирах. Именно такой момент был зафиксирован на снимке, сделанном в Праге в 1943 году.

Грейс вела корреспонденцию мужа, давала советы во всех делах, взяла на себя решение повседневных проблем. Когда Алехин играл в турнирах, жена неизменно находилась рядом. В ее отсутствие им овладевали раздражительность и нетерпение.

Грейс тонко чувствовала и разделяла интересы мужа, ей было суждено стать последней спутницей жизни гроссмейстера. По мнению исследователей биографии Алехина, он искал в женщине не идеал красоты, не возлюбленную, а материнское тепло, заботу. Вероятно, этим объясняется, что все спутницы Алехина были старше его более чем на десять лет и, за исключением Анны-Лизы Рюэгг, являлись вдовами. В их присутствии он чувствовал себя спокойнее, увереннее.

В конце 1934 года Александр Алехин получил новый вызоб на матч за первенство мира. Его прислал 35-летнмй голландский гроссмейстер Махгилис (Макс) Эйве. Показанные им результаты в предыдущих состязаниях не производили большого впечатления. В его активе были победы в Гастингских турнирах 1930–1931-х и 1934–1935 годов (в обоих случаях впереди Капабланки), дележ вторых-третьих призов в Берне и Цюрихе, но в сравнении с достижениями других ведущих гроссмейстеров они выглядели скромнее. Совсем бледно смотрелись результаты Эйве в матчах — из 9 поединков с наиболее сильными противниками он проиграл четыре: Алехину в 1926–1927 годах, два матча Боголюбову в 1928-м и 1928–1929 годах, Капабланке в 1931 году.

Основываясь на этом, все шахматные авторитеты единодушно высказывали неутешительные прогнозы для Эйве. Они, как и сам Алехин, не учли возможность голландского гроссмейстера, называемого «гением системы», совершить качественный скачок в своем творчестве. А ведь Эйве по трудолюбию, умению накапливать опыт вряд ли тогда имел равных себе. Он воспользовался замечательной по полноте дебютной картотекой видного шахматного теоретика — венского профессора Альберта Беккера, консультировался с мастерами, теоретиками Эрнстом Грюнфельдом и Рудольфом Шпильманом, привлек в помощь себе в качестве тренеров одного из очевидных претендентов на первенство мира Сало Флора и австрийского мастера Ханса Кмоха. Как видно из сказанного, Макс Эйве готовился к матчу основательно, чемпиону мира была противопоставлена группа

специалистов. Алехин же готовился к матчу, назначенному на октябрь — декабрь 1935 года, самостоятельно, в одиночку.

Игровую тренировку чемпион мира провел на смешанном турнире в шведском городе Эребро, где получил первый приз с 8½ очками из 9, и в Варшаве, во второй половине августа, на Шестой Олимпиаде. Играя там, ему удалось избежать поражений, но в некоторых партиях он получил сомнительные позиции. Это было серьезным предостережением накануне матча с Эйве.

О своем видении предстоящего поединка Александр Алехин поведал читателям парижской газеты «Последние Новости» в статье «Макс Эйве», опубликованной 2 и 11 августа 1935 года. Достаточно жесткая и откровенная, она тем не менее сдержанна и корректна по отношению к сопернику. В ней рассказывается о спортивном пути голландского гроссмейстера и об эволюции стиля его игры, отмечается наличие максимальной технической подготовки противника в области дебютной стратегии.

«Каковы же перспективы исхода нашего матча?.. Категорически на этот вопрос ответить, конечно, нельзя: иначе не имело бы смысла устройство и самого матча. Но некоторые предположения сделать все же можно». Алехин признавал преимущество Эйве в дебютных познаниях, «но решающим фактором в длинном и ответственном состязании я, на основании опыта, считать их не могу. В самом деле, в трех матчах на мировое первенство, игранных мной до сих пор, противники (Капабланка и дважды Боголюбов) превосходили меня как точным знанием избранных ими начал, так и в отношении задолго до состязания продуманной системы поочередного их применения. Результаты оказались все же не в их пользу».

Более важным Алехин признавал психологический момент с учетом двух факторов: «I) окружающая обстановка (реакция массового зрителя и так называемых «знатоков», отношение местной и международной печати и т. д.) и 2) влияние личности противника.

В вопросе общепсихологическом все козыри у Эйве налицо»: матч проводится на его родине и «Эйве — герой маленькой страны, никогда не имевшей (если не ошибаюсь) вообще чемпионов, а тем более мировых».

«Этих двух предпосылок вполне достаточно, чтобы Эйве в глазах печати был — выиграет ли он, проиграет ли — «героем» нашего матча.

Теперь несколько слов о втором психологическом факторе — о влиянии личности противника. Здесь, мне думается, у меня определенное преимущество. Я не верю в Эйве, будущего чемпиона мира. Я не думаю, чтобы даже после случайного

выигрыша у меня он был бы признан по существу лучшим игроком мира.

Если наше состязание завершится его победой, то это только докажет, что в данный момент я оказался не на вершине моего творчества. Тем хуже для меня.

Эйве же, если он станет формальным чемпионом мира, ждет весьма нелегкая задача, подобная той, которую мне пришлось разрешить после выигрыша матча у Капабланки: доказать, что в данный отрезок времени он, Эйве, действительно лучший.

Отнюдь (и не без причин) не желая ему выиграть матч, надеюсь — если это ему удастся, — что он и по существу покажет себя настоящим чемпионом мира».

Вчитываясь в эти откровения Александра Алехина, невольно чувствуешь какую-то его неуверенность в исходе предстоящего матча.

И вот с 3 октября по 15 декабря 1935 года в разных городах Голландии развернулась совершенно исключительная по своему напряжению и драматизму борьба за первенство мира между Александром Алехиным и Максом Эйве. Матч игрался на большинство очков из 30 партий.

Секундантом чемпиона мира был голландец Сало Ландау, а у Эйве — венгерский мастер Геза Мароци и помощником — Сало Флор из Чехословакии.

Поначалу казалось, что авторы прогнозов не ошиблись, — Алехин уже после 7-й и снова после 9-й партии довел свой перевес в счете до 3 очков. Однако к середине матча Эйве удалось сравнять счет — у каждого из соперников стало по 5 побед при 5 ничьих. В этой ситуации Алехин усилил свой нажим и, одержав победу в 16-й и 19-й партиях, снова вырвался вперед. Однако Эйве в двух последующих партиях также выиграл и опять добился равновесия в счете. Следующие три встречи завершились вничью — приближался финиш. И тут Эйве удалось сделать решающий рывок — выиграв 25-ю партию, он впервые в матче вышел вперед, а затем победой в 26-й встрече закрепил свой успех. Алехин предпринял отчаянную попытку наверстать упущенное и, казалось, был близок к этому. Он выиграл 27-ю партию, но большего достичь уже не смог. Эйве победил с минимальным перевесом 15½:14½.

В день игры последней, 30-й партии Алехин пришел в зал во фраке и после того, как она завершилась вничью, встал и воскликнул: «Ура новому чемпиону мира! Да здравствуют голландские шахматы!»

…Продолжая поиски путей к восстановлению отношений с Всесоюзной шахматной секцией Алехин отправил 29 сентября

1935 года из Амстердама на бланке отеля «Карлтон» письмо в редакцию газеты «64»: «Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции».

Это письмо было написано Алехиным в тот момент, когда он лидировал в матче с Максом Эйве. В Москве оно попало в руки наркома юстиции Н. В. Крыленко, являвшегося по совместительству председателем Всесоюзной шахматной секции. Сообщая о тексте телеграммы секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину и председателю Совнаркома В. М. Молотову, Крыленко предложил опубликовать телеграмму не только в газете «64», но и в «Известиях», сопроводив ее язвительными комментариями. Резолюция была лаконичной: «Предлагаю телеграмму Алехина напечатать без комментариев. И. Сталин». Ниже оставили свои подписи еще восемь членов Политбюро.

Телеграмма Алехина была опубликована в «Известиях» 16 ноября 1935 года. Как выяснилось позднее, она вызвала неоднозначную реакцию. Если на родине чемпиона мира телеграмма была воспринята благожелательно, то в среде эмигрантов она вызвала осуждение.

Немаловажно внести ясность и в такой деликатный вопрос, как употребление Алехиным спиртных напитков во время матча с Эйве в 1935 году, а также и в другие периоды. В некоторых публикациях, к сожалению, допускаются по этому поводу явные преувеличения, если не сказать больше.

Выслушаем мнение гроссмейстера Макса Эйве: «…Мне хотелось рассеять одно заблуждение. И во время матча, и после него, вплоть до сегодняшнего дня, широкое распространение получило мнение, будто поражение Алехина явилось результатом его злоупотребления алкоголем. Как же обстояло дело в действительности? В нашем первом матче Алехин совершенно не пил в течение первой половины соревнований и обратился к алкоголю лишь тогда, когда матч оказался в критической стадии, по-видимому, перед 18-й и, безусловно, перед 21-й и 30-й партиями. Может быть, было и еще несколько случаев, но я их не заметил».

Попали такие эпизоды и в поле зрения Сало Флора, выполнявшего роль тренера Эйве.

«Но только случаи, и очень редкие, — рассказывал автору этой книги Саломон Михайлович Флор при встречах у него на квартире. — Я не понимаю, зачем надо было Александру Александровичу Котову в своих книгах и особенно в кинофильме

«Белый снег России» утрировать до абсурда малозначительные эпизоды. Да, Алехин, как и многие другие, позволял себе иногда выпить рюмку, бокал, но зачем возводить это до такой степени?!» Тут Флор остановился и, что-то вспомнив, продолжил: «Я уже писал в своих статьях, что здоровье Алехина тогда оставляло желать лучшего. Его неоднократно подводили нервы. Голландский врач, осмотрев Алехина во время матча, заявил: «Боюсь, что Алехин долго не проживет — больное сердце… нервы!»

Очевидец матча, Александр Кобленц, ставший впоследствии заслуженным тренером СССР по шахматам, считал проигрыш Алехина следствием апатии, вызванной одиночеством. В книге «Воспоминания шахматиста» он писал: «Мне думается, что причина депрессии таилась не только в шахматных неудачах чемпиона мира. В первую очередь нужно учитывать психологический микроклимат матчей на высшем уровне. Длительный, монотонный ход такого поистине марафонского состязания ложится на соперников крайне тяжелым психологическим грузом… Каждый день тот же ритм жизни, тот же очень сильный противник: каждый день — длительное пребывание в стрессовом состоянии, а по ночам — частые изнурительные бдения над анализом неоконченных партий. Определенным гандикапом является также игра в чужой стране или городе, когда еще больше суживается общение с людьми. В такие тяжкие периоды борьбы крайне важно присутствие тренера — друга…

Иметь квалифицированного советчика, найти достойного оппонента для анализа отложенных партий, получать моральную поддержку при неудаче… Тренер-секундант обязан уметь создать хорошее настроение подопечному, когда у самого на душе кошки скребут.

Личная трагедия Алехина состояла в том, что он на протяжении всей жизни не имел настоящего преданного друга.

Алехин, бесспорно, был человеком, далеким от сантиментов, причем он часто выдавал себя за более жестокого человека, чем был на самом деле. Мне довелось несколько раз — в Кемери и Париже — беседовать с гроссмейстером, но никогда не видел его в приподнятом настроении, по-настоящему счастливым. Он не умел даже открыто и искренне смеяться — иногда только сухо, сардонически усмехался… Мне казалось, что все существо Алехина пронизано глубокой, безнадежной грустью. И лишь неугасимое честолюбие и смелость поддерживали его неистощимую энергию.

Показательно, что, живя во Франции, он не сумел найти

среди шахматистов никого, кто мог быть рядом с ним на матче с Эйве. Французов не смущало, что Алехин был вынужден согласиться на предложенную бесплатную помощь мастера Сало Ландау — гражданина Голландии.

Да, Алехину было нелегко (особенно после 21-й партии, когда резко возросла враждебность голландской общественности против русского чемпиона) — все были против него: его тяготило одиночество».

Как вспоминал Флор, «этот шахматный гигант нередко придавал значение всяким случайным фактам. У него даже был свой «талисман» — сиамский кот Чесс, с которым он запечатлен на нескольких фотографиях. Во время матча с Эйве он иногда спускался со сцены в зрительный зал к своей супруге, чтобы погладить любимого кота…

Но по-настоящему все мы, окружающие Алехина, как и он сам, конечно, верили только в один «талисман»: в его редкое шахматное мастерство».

Внезапная потеря звания чемпиона мира явилась тяжелым ударом для Алехина. Как он казнился, видя свои очевидные ошибки и просчеты в партиях матча… Но винить, кроме себя, было некого. Одно утешало, что через два года состоится матч-реванш. Право на него было оговорено, когда Алехин принимал вызов Эйве.

В том, что ему удастся вернуть звание, Алехин не сомневался. «В Голландии он говорил мне, что с поездкой в Москву надо повременить, — вспоминал Флор. — В Москву он хотел поехать только как чемпион мира…»

Александр Алехин всегда был человеком дела и не произносил слов впустую. В критический момент он вновь мобилизовал свою могучую волю и стал работать над восстановлением спортивной формы. Бросил курить, исключил спиртные напитки, перешел на рациональное питание.

Горечь поражения и пробелы в своей игре Алехин пытался снять участием в бесконечных соревнованиях. В течение двух лет он сыграл в десяти турнирах! По своей значимости и составу эти состязания разнились, как и его результаты в них. Прежней стабильности не удавалось достичь.

Еще совсем недавно фамилия Алехина возглавляла почти все турнирные таблицы результатов, и он даже порой бывал намного недосягаем для преследовавших его соперников. Разрыв в 3½, 5½ очков ставил его вне конкуренции. И вдруг такой спад, какая-то неуверенность в правильности своих замыслов, отказ от игры на победу в позициях, суливших выигрыш.

Неравномерность выступлений Алехина в турнирах 1936–

1937 годов видна из краткого обзора. В мае 1936 года в Наугейме он разделил первый приз с Паулем Кересом, имея по 6½ очков из 9, без поражений; в июне в Дрездене стал единоличным победителем турнира с таким же итогом, а в июле, в Подебрадах, оказался вторым с 12½ очками из 17, пропустив вперед себя лишь на пол-очка Сало Флора.

Неудачно сложилось выступление Алехина в исключительно сильном турнире в Ноттингеме, проходившем с 10 по 28 августа 1936 года. В нем участвовали четыре чемпиона мира разных лет: Эйве, Алехин, Капабланка и Ласкер; четыре наиболее выдвинувшихся к тому времени молодых гроссмейстера — Ботвинник, Решевский, Файн и Флор; три особенно успешно выступавших гроссмейстера старшего поколения — Боголюбов, Видмар и Тартаковер, а также четыре английских мастера. Любопытно, что некоторые виднейшие участники турнира только здесь впервые встретились.

Борьба в турнире носила крайне острый, напряженный характер и вызвала огромный интерес. Явного лидера не было, и только последний тур расставил все по местам. Состязание завершилось блестящей победой 25-летнего советского гроссмейстера Михаила Ботвинника и экс-чемпиона мира Хосе Рауля Капабланки. Первый и второй призы они разделили, набрав по 10 очков из 14, причем Ботвинник прошел всю дистанцию турнира без поражений. Отстав от победителей на половину очка, третий — пятый призы разделили американские гроссмейстеры Сэмюэл Решевский, Ройбен Файн и чемпион мира Макс Эйве. Совсем рядом, с разницей тоже лишь в пол-очка оказался Александр Алехин, получивший шестой приз. Далее были Эмануил Ласкер и Сало Флор, Милан Видмар, Ефим Боголюбов и Савелий Тартаковер, а замыкали таблицу результатов английские мастера.

Незадолго до окончания турнира в английской газете «Манчестер гардиан» появилась статья Алехина, как бы уже подводившая итоги состязания. Говоря о своих результатах, он писал:

«Я далеко не удовлетворен своей игрой в Ноттингеме, главным образом с точки зрения спортивных достижений… В первой половине турнира я потерял по крайней мере полтора очка тем, что отказался от ничьей против Решевского, не использовал лучшего положения против Капабланки и не довел до победы начисто выигранную партию против Тэйлора. И вообще я играл без достаточной воли к победе. Зато к концу турнира я получил удовлетворение тем, что сыграл несколько хороших партий, и особенно тем, что я добился победы против шедшего

без поражений Эйве.

На Ноттингем я, правда, возлагал большие надежды. Но в данном случае со мной повторилось то же, что и с другими чемпионами мира. После поражения (а тем более мое поражение против Эйве в прошлом году было совершенно неожиданно) должно пройти некоторое время для того, чтобы вновь приобрести свою силу игры, оправиться после полученного удара».

Примечательно, что Алехин, придавая большое значение этому состязанию, глубоко проанализировал все его партии, и в 1937 году сборник Ноттингемского турнира уже вышел в лондонском издательстве. Новая книга А. А. Алехина заняла достойное место среди классических произведений шахматной литературы. В переводе на русский язык она была издана только в 1962 году.

В 1936 году Алехин, остро ощущая тоску по Родине, дважды обращался с письмами в редакцию советской шахматной газеты «64» по поводу своего сотрудничества в этом издании. Первое письмо было написано им на турнире в Подебрадах и передано в Москву через С. Флора. Вот его текст:

> 24. VII.1936 г. В редакцию «64» Мне будет глубоко радостно посредством сотрудничества в Вашем журнале после столь долгих лет опять принять посильное участие в шахматном строительстве СССР.
>
> Пользуюсь случаем, чтобы от всего сердца послать привет новой, стальной России.
>
> *А. АЛЕХИН.*

Второе письмо было отправлено из Лондона сразу же после окончания Ноттингемского турнира. Оно более обстоятельно, а главное, в нем содержится признание допущенных им ошибок и выражается сожаление по этому поводу.

> Лондон, 1.1X.1936 г.
>
> В редакцию «64»
>
> В связи с вопросом о возможности моего сотрудничества в Вашем журнале считаю своим долгом сделать следующее заявление:
>
> I. Для меня было бы огромной радостью вновь принять посильное участие в шахматном строительстве СССР.
>
> II. Надеюсь, что мои ошибки в прошлом, ныне вполне осознанные, не окажутся непреодолимым препятствием к названному участию.

Ошибки эти заключались:

а) в непростительно-непротивленческом отношении к освещению моего политического лица международной противосоветской печатью, на протяжении многих лет привешивавшей мне выдуманный ею белогвардейский ярлык;

б) в неправильном и тенденциозном (главным образом за отсутствием прямых сведений) толковании фактов шахматного строительства и проявлений общественности в СССР в статьях и частью словесных выступлениях.

Я тем глубже жалею об этих ошибках, что за последние годы равнодушное отношение мое к гигантскому росту советских достижений превратилось в восторженное.

Доказать это отношение на деле было бы, повторяю, мне величайшим удовлетворением.

А. АЛЕХИН.

Оба этих письма были впервые напечатаны в 1967 году в девятом номере журнала «Шахматы в СССР». До этого они находились в домашнем архиве Р. А. Гольца, одного из руководителей редакции газеты «64». Вопрос о сотрудничестве Алехина в советском шахматном издании не был решен, и, по всей видимости, на свое второе письмо Алехин ответ не получил.

Неудачно выступил Алехин в октябре 1936 года и в небольшом турнире, состоявшемся в Амстердаме. Первый и второй приз там разделили Файн и Эйве, набравшие по 5 очков из 7. Алехин, отставший от них всего на пол-очка, получил третий приз. Разрыв минимальный, но огорчало, что единственный ноль в графе Алехина стоял против Эйве.

Приход нового, 1937 года Алехин встречал на традиционном рождественском турнире в Гастингсе. Здесь ему удалось взять первый приз с 8 очками из 9, без проигрышей, нанеся при этом принципиальное поражение Файну, второму призеру.

Однако затем фортуна опять не благоволила Алехину. В марте-апреле он вынужден был довольствоваться третьим призом на турнире в Маргете с 6 очками из 9, пропустив вперед себя Кереса и Файна, а в июне-июле его в Кемери оттеснили вместе с Кересом, набравшим также 11½ очков из 17, на четвертое-пятое места. От первых трех призеров — Владимира Петрова, Решевского и Флора — их вновь отделяло только пол-очка. Утешало лишь то, что Алехину удалось в остром стиле разгромить двух тогдашних претендентов на мировое первенство

— американских гроссмейстеров Решевского и Файна.

А тем временем приближались сроки проведения матча-реванша на первенство мира. Как и два года назад, в газетах появились статьи о предстоящем поединке с непременными прогнозами. Но на этот раз большинство предсказывало успех Эйве. Шансы Алехина оценивались невысоко. Очень оптимистично был настроен сам Эйве. «…Честно говоря, — признавался он позже, — в это время я не сомневался в своей победе над Алехиным…»

Матч-реванш проходил с 5 октября по 7 декабря 1937 года по апробированной программе: в различных городах Голландии, на большинство побед из 30 партий. При ничейном счете (15:15) Макс Эйве сохранял звание чемпиона мира.

Первая партия матча состоялась в Гааге, и после того, как Алехин, игравший черными фигурами, недостаточно точно перешел из дебюта в миттельшпиль, а затем необоснованно, выпадом пешки 19. …g7–g5, ослабил королевский фланг, он попал в тяжелое положение и проиграл.

Обескураживающее начало поединка, казалось, негативно скажется на настроении экс-чемпиона. Однако, как ни странно, статья Алехина, написанная для английского журнала сразу после неудачного старта, свидетельствовала о его решительности, уверенности.

«Итак, первая партия против меня. Я пишу эти строки немедленно после проигрыша. Результат малоприятный, но не неожиданный для меня, так как я приготовился к нескольким поражениям в матче, особенно в результате дебютных сюрпризов, подготовленных доктором Эйве. Но эти удары не поколеблют моей уверенности. Я буду сражаться до конца. Результаты моих последних четырех партий против Эйве до матча-реванша не отражают действительного соотношения сил. Я основываю свои надежды в матче на следующих факторах:

1. Ни в коем случае нельзя недооценивать своего противника.

2. Сохранить свое здоровье и моральный дух. Впереди еще двадцать девять партий. Завтра будет новый день».

И он пришел, этот день, 7 октября в Роттердаме. Получив в дебюте минимальное преимущество, Алехин усилил давление на позицию Эйве и с исключительной силой провел эндшпиль. Счет сравнялся.

После двух ничьих обмен уколами на дуэли повторился, и в матче опять возникло равновесие. Добился его Алехин в 6-й партии при помощи ошеломляющей комбинации в раннем дебюте.

Начиная с этой партии, в игре Алехина произошел чудесный

перелом — он действовал активнее, экспериментировал, все больше напоминая свои былые достижения в Сан-Ремо и Бледе. Его победами закончились 7-я, 8-я и 10-я партии. Перевес Алехина достигал уже трех очков.

И здесь снова повторилась ситуация начальной стадии матча. Следуют две ничьих, а потом новый обмен уколами: в 13-й партии выигрывает Эйве, а в 14-й — Алехин.

Опять две ничьих, и новая победа Эйве в 17-й партии. Но на этот раз немедленного реванша не было. Алехин, сохраняя перевес в два очка, не торопил события. Накал борьбы не спадал, ничейный исход трех последующих партий определялся после напряженной игры.

Но затем течение поединка резко ускорилось. Алехин перешел в решительное наступление и победил в четырех партиях: 21-й, 22-й, 24-й и 25-й, доведя итог матча до счета 15½:9½. Он одержал 10 побед и лишь 4 партии проиграл. Это был настоящий триумф, не допускавший никаких кривотолков!

Александр Алехин стал первым в истории шахматистом, которому удалось вернуть себе звание чемпиона мира. Это произошло 4 декабря 1937 года в Гааге.

Как потом шутил Алехин, он просто «одолжил Эйве свой титул на два года». Действительно, пребывание голландского гроссмейстера на шахматном троне оказалось непродолжительным, хотя и оставило заметный след.

Выступая сразу же по завершении матча-реванша, Эйве сказал: «Алехин восстановил репутацию сильнейшего среди живущих шахматистов и подтвердил веру в то, что он величайший шахматист всех времен!»

Оба недавних соперника *выступили* тогда же со статьями в английской газете «Манчестер гардиан». Обе представляют большой интерес. В статье Алехина содержалась блестящая характеристика Эйве как глубокого знатока принципов и приемов игры, рассказывалось о том, как серьезно и тщательно сам Алехин готовился к матчу-реваншу, обретал спортивную форму. «Я решил, — писал он, — устранить такие грубые ошибки, какие я совершил в матче 1935 года, и предполагал, что на этот раз исход борьбы будет решен исключительно лучшим качеством игры того или иного партнера. Был ли я прав? Думаю, что да…»

Свою статью Макс Эйве, имея в виду свое поражение, назвал довольно мрачновато: «Некролог». В ней он, в частности, писал:

«Наш матч должен был разрешить «загадку Алехина», дать ответ на вопрос: по-прежнему ли силен Алехин? Результат матча-реванша дал исчерпывающе ясный ответ: Алехин не только очень силен, но его нужно рассматривать как лучшего шахматиста

мира… Алехин играл изумительно, и я не стыжусь того, что был побежден таким противником…

Рассматривая партии матча с чисто технической точки зрения и особенно тщательно проанализировав игру Алехина, я прихожу к заключению, что он все время играл великолепно. Он не только применил ряд новинок в дебюте, но и проводил партии простыми стратегическими методами, столь характерными для алехинской игры. Тактическое совершенство и комбинационный талант Алехина настолько известны и настолько типичны для его стиля, что ни к чему даже останавливаться на этом. Его игра в эндшпиле также была на большой высоте. Но больше всего я восторгаюсь его стилем доигрывания неоконченных партий, тем более что мне тоже приходилось анализировать все эти позиции, и я их знал досконально. Когда я думаю о том, какие творческие идеи вкладывал мой противник в доигрываемые позиции, какие неожиданные пути он находил, я проникаюсь величайшим восхищением перед мастерством Алехина».

По мнению шахматных авторитетов, матч-реванш Алехин — Эйве намного превосходил их первый матч в 1935 году, ибо оба участника теперь были в прекрасной форме и их партии стали благодарным материалом для совершенствования любителей шахмат.

Уверовав в свою прекрасную спортивную форму, Алехин, как писал С. Флор в 1938 году, «немедленно после выигрыша матча у Эйве, официально заявил о своем согласии вновь встретиться с Капабланкой. В Южной Америке нашлись организации, взявшиеся финансировать этот матч, и шахматному миру казалось, что в ближайшее время состоится встреча этих исторических противников. Однако в самый последний момент выяснилось, что кубинец, так настойчиво добивавшийся реванша, неожиданно выставил явно неприемлемые финансовые условия. Это было тем более непонятно, что обычно претенденты на звание чемпиона бывали значительно скромнее в своих финансовых требованиях. Условия Капабланки не были приняты, и вопрос о матче отпал. Отпал, вероятно, надолго, а, возможно, и навсегда».

Пояснения Алехина по этому поводу были опубликованы в журнале «Чесс» 14 мая 1938 года. На вопрос: «Правдивы ли слухи о странной отмене широко разрекламированного матча между вами и Капабланкой?» чемпион мира сказал: «Действительно, мои финансовые условия были согласованы с муниципалитетом Монтевидео. Я поехал в Уругвай, готовый подписать официальный вызов кубинского маэстро, и был разочарован, не обнаружив там моего соперника. Власти Монтевидео после нескольких совещаний с представителями Аргентинской

шахматной федерации решили, что они не в состоянии принять финансовые условия Капабланки. Не зная, что это за условия, я должен воздержаться от выражения своего мнения по этому поводу. Обидно, что потерял время, осуществив путешествие из Европы в Южную Америку для того, чтобы узнать, что не буду защищать свой титул!»

Тем временем представители Международной шахматной федерации (ФИДЕ) сообщили Алехину о состоявшемся в Стокгольме конгрессе этой организации. Там впервые был назначен официальный претендент на матч с чемпионом мира. Большинством голосов (8 против 5) предпочтение было отдано Флору перед Капабланкой.

У Алехина возражений против кандидатуры Флора не возникло. В конце мая 1938 года он приезжал в Прагу, где и подписал соглашение о матче с Флором на тех же условиях, что были в состязаниях с Боголюбовым и Эйве. Провести этот матч предполагалось в конце 1939 года. Однако Мюнхенское соглашение и последующий захват Чехословакии Гитлером вынудили Флора переехать в СССР, и вопрос о матче отпал.

Перед поездкой в Чехословакию Алехин, после кратковременного отдыха, с 20 по 28 апреля 1938 года участвовал в традиционном «пасхальном» турнире в Маргете. Это первое его выступление с возвращенным титулом было успешным. Он завоевал первый приз с 7 очками из 9, а вскоре, на другом небольшом турнире — в Плимуте, разделил первый и второй призы с 6 очками из 7, без поражений.

Самым значительным состязанием 1938 года явился «АВРО-турнир», организованный радиокомпанией в Нидерландах. Он проходил с 2 по 27 ноября в два круга при участии восьми сильнейших шахматистов мира и планировался организаторами как неофициальный турнир претендентов на первенство мира. Победителю или участнику, занявшему второе место после чемпиона мира Алехина, была обещана финансовая помощь в организации матча на первенство мира. Однако на открытии турнира Алехин зачитал заявление, где отклонил домогательства организаторов влиять на выбор претендента и объявил, что будет играть с любым известным гроссмейстером, который обеспечит призовой фонд.

На турнире с самого начала завязалась упорная борьба. Условия состязания оказались очень трудными, особенно для шахматистов старшего возраста. «Нас мотали по всей стране, — писал М. Ботвинник. — Перед игрой вместо обеда — два часа в поезде. Пожилые участники — Капабланка и Алехин — не выдержали напряжения». Тем не менее семь участников из восьми

разместились в итоговой таблице на дистанции всего в 1½ очка.

А победителями турнира стали самые молодые: Пауль Керес (Эстония) и Ройбен Файн (США), набравшие по 8½ очков из 14. Решающей в борьбе за первое место оказалась партия Файн — Керес, выигранная Кересом. Третье место в турнире занял М. Ботвинник, имевший 7½ очков, а четвертое — шестое места с 7 очками разделили А. Алехин, М. Эйве и С. Решевский. На седьмом месте оказался с 6 очками Х. Р. Капабланка и замыкал таблицу с 4½ очками С. Флор.

По окончании турнира С. Флор, выполнявший попутно обязанности корреспондента советской шахматной газеты «64», беседовал с чемпионом мира об итогах состязания. «Качество партий Амстердамского турнира, — сказал А. Алехин, — удивительно хорошее, особенно если учесть трудные условия регламента. Играли в этом турнире значительно острей, чем в Земмеринге… В техническом отношении турнир дал много…

Турнир не изобиловал чудесными комбинациями. Это и неудивительно, если принять во внимание значительно возросшую технику защиты…»

На закрытии состязания Михаил Ботвинник подошел к Александру Александровичу и попросил назначить ему аудиенцию. «Завтра, в Карлтон-отеле в 16 часов», — ответил Алехин.

На эту встречу Ботвинник пришел вместе с Флором — для подстраховки в случае нежелательных для него осложнений по возвращении в СССР.

Роль посредника для Флора была весьма неприятна, ибо он сам признавался одним из претендентов. Но отказать настойчивому Ботвиннику ему было трудно в силу своего мягкого характера. Алехин был приветлив, и за чашкой чая стороны быстро договорились, что если матч состоится в Москве, то за три месяца чемпион должен быть приглашен на какой-либо турнир (для приобщения к московским условиям), а если в другой стране, то право выбора предоставляется Ботвиннику. Призовой фонд — 10 тысяч долларов, из которых две трети получит победитель матча.

Условились, что Ботвинник пришлет специальный вызов и после согласования всех вопросов о матче будет объявлено в Москве, а следовательно, и во всей мировой прессе.

Небезынтересно, что в тот же день встречи с Алехиным искал *и* один из победителей АВРО-турнира Пауль Керес, дабы обговорить условия возможного матча на первенство мира. Но его ожидания оказались тщетными, чемпиона он тогда не увидел. Стремительно действовавший Ботвинник обошел всех

потенциальных конкурентов.

А позднее на состоявшемся совещании участников АВРО-турнира обсуждался вопрос о создании «Клуба восьми сильнейших», из которых каждый получал формальное право вызвать чемпиона мира на матч при условии обеспечения призового фонда в 10 тысяч долларов.

В 1938–1940 годах у Алехина обострилась ностальгия по Родине. Об этом он писал сам, в частности, мастеру Абраму Исааковичу Рабиновичу, проводившему занятия в шахматной секции во Дворце спорта «Крылья Советов» в Москве. А тот читал эти письма своим ученикам. Таких писем было четыре или пять, как вспоминал в беседе с автором книги занимавшийся в то время в этой секции Николай Никифорович Степанов, ныне кандидат в мастера по шахматам и кандидат технических наук.

В переписке с А. Рабиновичем Алехин рассказывал о своей жизни за рубежом и выступлениях в турнирах, признавался, что ему надоело быть за границей и он хотел бы вернуться в Россию. Он просил Рабиновича похлопотать о выдаче Алехину разрешения на возвращение в Москву Тот ходил по различным организациям, но ему везде отказывали.

Следующее выступление Александра Алехина состоялось на Восьмой Олимпиаде в Буэнос-Айресе. Эта последняя предвоенная Олимпиада проводилась с 24 августа по 19 сентября 1939 года при участии 27 команд. Алехин, как и прежде возглавлявший команду Франции, встретился с ней в столице Аргентины, после завершения гастрольной поездки по Южной Америке.

Проведение Олимпиады было омрачено сообщением о нападении Германии на Польшу и объявлении войны агрессору со стороны Англии. Часть команд выбыла из соревнования. Остро реагировали на известие о войне чемпион мира Алехин и гроссмейстер Тартаковер. Алехин выступил по радио и в прессе с призывом бойкотировать немецкую команду. Играть с шахматистами Германии отказались команды Франции, Польши, Палестины.

Участвуя в Восьмой Олимпиаде, Алехин сыграл 16 партий, из которых в 9 добился победы, а 7 закончил вничью. Этой Олимпиаде суждено было стать последней в его спортивной биографии. Всего в пяти Всемирных шахматных Олимпиадах он провел 72 поединка. В 43 партиях он приносил победы своей команде и только в 2 получил поражение. В остальных 27 встречах игра закончилась вничью.

После окончания Олимпиады Алехин принял участие в двух небольших турнирах — в Монтевидео и Каракасе, где занял первые места, не проиграв ни одной партии.

Предстояло возвращение в Европу, уже охваченную огнем Второй мировой войны. Но там, во Франции, был его дом…

ГОДЫ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ

Весть о скором, в январе 1940 года, прибытии чемпиона мира в Лиссабон вызвала большое оживление среди португальских шахматистов. В порту Александра Алехина и его супругу Грейс Висхар встречали десятки приветливо улыбавшихся любителей шахмат. Они стремились познакомиться с гениальным гроссмейстером, услышать его впечатления о поездке в Южную Америку, получить автограф.

«…Алехин произвел впечатление короля, находившегося в зените своей славы, — вспоминал чемпион Португалии Франсиско Люпи. — Это был высокий человек, с благородной осанкой и очень приветливый. Португальские шахматисты были просто очарованы его любезностью, когда он учил их или давал советы, а также когда проводил свои блестящие показательные партии…»

Остановился Алехин с супругой в отеле небольшого курортного города Эшторил, расположенного вблизи Лиссабона. Но жил он там всего две недели. В то время Франция находилась в состоянии войны с фашистской Германией, и Алехин поспешил в Париж. Он полагал, что в 47 лет может принести пользу французской армии в качестве переводчика.

В биографии Алехина это была вторая война против немцев. Будучи сублейтенантом резерва, он приступил к службе в военной разведке.

В июне 1940 года, когда французское правительство подписало соглашение с Германией о перемирии, Алехин находился в Аркошоне, около Бордо. Казалось возможным покинуть оккупированную немцами зону и добраться до Марселя, получив там отставку от военной службы.

Но Алехин воздержался от этого плана и вернулся в Париж, где начал работать шахматным обозревателем в газете «Паризер цайтунг». Тогда же у него возникла мысль сыграть все-таки матч-реванш с Капабланкой в Южной Америке с тем, чтобы там и остаться. 23 июля 1940 года кубинский консул в Марселе отправил в Гавану телеграмму, в которой сообщал, что Алехин просит дать ему въездную визу на Кубу, для матча с Капабланкой.

Отвечая тогда на вопросы журналистов, экс-чемпион мира заявил, что он «готов играть всегда и в любой момент. Все зависит от поддержки в этом деле кубинских властей и предложений доктора Алехина». Капабланка направил письмо полковнику Хайме Марине, ведающему вопросами спорта в правительстве Кубы. В нем говорилось о готовности играть матч с

Алехиным и о стремлении пойти навстречу желанию Алехина выехать из оккупированной Европы. В письме предлагалось начать матч 1 января 1942 года, а до этого связаться с чемпионом мира, договориться об условиях их встречи, дать время обоим участникам подготовиться.

Одним из важнейших вопросов была проблема призового фонда. Капабланка считал, что 15 тысяч долларов будет достаточно.

Говоря о расходах по пребыванию участников состязания, Капабланка поставил на первое место интересы Алехина, высказавшись за выплату ему ежедневно 15 долларов, а себе — десяти. Он также предложил оплатить проезд Алехина в Америку, сам же от такой статьи отказался. Капабланка просил быстрее установить точное местонахождение чемпиона мира и облегчить ему проезд на Кубу, если тот будет согласен с предложенными условиями.

Однако никакого ответа от Марине не последовало. В марте 1941 года Алехин в Лиссабоне подтвердил свое согласие провести переговоры о матче-реванше. К сожалению, кубинское правительство отказалось финансировать и проезд Алехина на Кубу, и сам матч. Лично у Капабланки таких финансовых возможностей не было…

В результате матч-реванш двух гениальных шахматистов, который мог стать ярким событием в истории шахмат, так и не состоялся. 8 марта 1942 года Капабланка скончался в Нью-Йорке.

В начале 1941 года Алехин обратился к германским оккупационным властям за разрешением на выезд в Португалию. В ответ ему предложили написать прежде статью по истории шахмат для газеты «Паризер цайтунг» и лишь после выполнения этого условия дали разрешение на выезд.

В Португалию Алехин прибыл в апреле 1942 года. «…Он выглядел очень постаревшим, и не было уже ни прежнего величественного вида, ни пронизывающего взгляда, — вспоминал Ф. Люпи. — Алехин снова стал курить, чего не было во время предыдущего визита».

Он приехал один, без супруги. Грейс осталась во Франции и направилась в Дьеп, желая сохранить принадлежавшую ей там виллу с богатой коллекцией картин и других предметов искусства. Угроза потерять эту собственность тогда была велика — на берегу пролива Ла-Манш сосредоточились немецкие войска, готовившиеся к вторжению в Англию. Бесчинствующие фашисты, как потом выяснилось, успели разграбить дом Г. Висхар.

Вскоре возникла новая опасность. В связи с разрывом отношений между США и Германией, Грейс Висхар как

американскую гражданку могли подвергнуть репрессиям. Обеспокоенный Алехин вынужден был обратиться в представительство Германии в Лиссабоне. Ему обещали оградить жену от преследований, но опять предъявили условие — предложили участвовать в соревнованиях, организуемых «Шахматным союзом Великой Германии». Так Алехин, избегавший контактов с немецко-фашистскими властями, оказался на положении их заложника, был втянут посредством шантажа в шахматные мероприятия Третьего рейха.

Вместе с немцами в них участвовали и шахматные мастера оккупированной и нейтральной Европы. Имя чемпиона мира, конечно, поднимало авторитет этих турниров.

В августе 1941 года Алехин вернулся в Париж и там дома, по адресу 11-бис, улица Шекшер, впервые прочитал в газете «Парижер цайтунг» статью под названием «Еврейские и арийские шахматы» за своей подписью. В ней не только был изменен заголовок, но и внесены большие изменения в текст, придавшие статье нацистский характер. В ней превозносился активный «арийский» стиль игры и порицалась «еврейская» защитная манера игры, рассчитанная на ошибки соперника.

Этот произвол поверг Алехина в отчаяние. Но выступить с опровержением в оккупированной фашистами Франции не было возможности.

И только через три года, оказавшись в Испании, он смог публично отказаться от приписываемых ему нацистских мыслей. Но к тому времени злополучная статья была уже перепечатана в газетах Голландии, Германии, Англии, США, придав личности Алехина образ антисемита.

Это, конечно, ни в коей мере не соответствовало действительности. У Алехина были хорошие отношения со многими шахматистами-евреями — Осипом Бернштейном, Саломоном Флором, Андрэ Лилиенталем, Савелием Тартаковером… Он с ними охотно общался, помогал советами, а при необходимости, и деньгами. Об этом автору книги довелось слышать от Флора и Лилиенталя.

Уместно вспомнить, что в статье Алехина «Наша смена», опубликованной в парижской газете «Последние Новости» 1 и 30 декабря 1933 года, он предсказывал «совершенно исключительную шахматную будущность 19-летнему ньюйоркцу Файну», возлагал надежды на Флора, Эйве, Микенаса, Ботвинника… О каком антисемитизме может идти речь!

Но кто исказил текст статьи Алехина в 1941 году, придал ей нацистскую направленность?

Есть предположение, что это сделал шахматный редактор

газеты «Паризер цайтунг» австрийский мастер и ярый нацист и антисемит Теодор Гербец, писавший в подобном стиле о Флоре и Файне.

В сентябре 1941 года Алехин принял участие в Мюнхенском турнире. Переживания, перенесенные им, и двухлетний перерыв в выступлениях не прошли бесследно. Он играл ниже своих возможностей и разделил со шведским мастером Эриком Лундиным второе-третье места. Первый приз, с отрывом на полтора очка, получил шведский мастер Геста Штольц, на четвертом месте был Ефим Боголюбов. В течение 1941–1943 годов это был единственный случай, когда Алехина кто-то опережал.

В сентябре 1942 года он победил в традиционном турнире в Мюнхене и получил еще один титул — чемпиона Европы. Вторым был Керес.

О высоком уровне игры Алехина в тот период могут дать представление фрагменты двух партий, приведенные в заключительной части книги.

Находясь на оккупированных немецкими войсками территориях, Алехин участвовал еще в семи турнирах. В четырех из них он занимал первые места, а в трех делил первые-вторые. Эти победы одерживались в состязаниях с участием гроссмейстеров Кереса, Боголюбова, Земиша и других сильнейших шахматистов Европы.

В годы войны Керес сыграл с Алехиным несколько партий, но не смог выиграть ни одной, а поражений потерпел немало. А когда в 1943 году Алехин предложил ему сыграть матч, памятуя условия организаторов АВРО-турнира 1938 года, Керес отказался.

Произошло это после окончания турнира в Праге, где Алехин и Керес поделили первое-второе места. Говоря об итогах этого состязания в статье «Боевые шахматы 1943 года», опубликованной в газете «Франкфуртер цайтунг» и чешском журнале «Шах», Алехин писал: «…В заключение, о моей игре в турнире. По мнению всех шахматных друзей, творческие и спортивные достижения оказались такими же, как в мои «наилучшие годы». Действительно, 90 % в 20 сыгранных без поражений партиях — это редкий результат.

Я полагаю, что для наивысших достижений в наши дни, когда каждый сверх меры ограничен своей специализацией, надо иметь прочную, как скалу, научно обоснованную базу. К тому же, необходимо обладать скромностью».

Приходилось Алехину в те годы выступать и с сеансами одновременной игры, в том числе вслепую. Надо полагать, что его противники из Третьего рейха, среди которых были и фашистские военачальники, не испытывали особо приятных

чувств, произнося слово «сдаюсь». Их самолюбие не могло не задевать понимание того, что они признавали свое поражение перед русским гроссмейстером, гражданином оккупированной Франции.

Легенда тех дней: игравший в сеансе черными эсэсовский генерал сдался, а Алехин развернул доску и предложил продолжить игру с конечной позиции. Генерал сдался вторично. Алехин снова повернул доску и продолжил игру с момента капитуляции противника. Генерал, потерпев поражение в третий раз, взбешенный выбежал из игрового зала… Это была его, русского чемпиона, форма сопротивления! Он словно бы показывал любимой России: я их бью на шахматных полях, а народ мой пусть разгромит фашистов на поле брани.

После Мюнхенского турнира Алехин переехал из Парижа на короткое время в Краков, а в 1942 году переселился на жительство в Прагу- Он всяческими путями стремился ограничить свои контакты с фашистами, выйти из-под их контроля.

В конце 1942 года Алехина сразила болезнь — скарлатина, и 24 декабря он был помещен в пражскую больницу. Не имея средств к существованию, он вскоре был вынужден покинуть больницу и принять участие в различных выступлениях и турнирах. Иначе немцы могли бы лишить его продовольственных карточек.

Как вспоминал многолетний заочный друг Алехина Иржи Подгорный, в течение двадцати лет возглавлявший редакцию журнала «Ческословенски Шах», «во время войны Алехин в Чехословакии «жил и не жил», ибо постоянно был в разъездах. Проведя за сравнительно короткий срок (с 18 декабря 1942 по 4 мая 1943 года) в разных городах этой страны 32 сеанса одновременной игры, в которых сыграл 1115 партий с результатом +916, —73 и 126 ничьих, он в Варшаве победил в микроматче Боголюбова, был первым в Пражском и Великоночном (пасхальном) супертурнире и разделил 1–2 место с Кересом на матч-турнире в Зальцбурге…»

Интересны воспоминания Подгорного о владении Алехиным иностранными языками: «Разговаривали с Александром Александровичем мы обычно по-русски, а в обществе, где не все владели русским языком, — по-немецки… В Брно чешские, немецкие и еврейские шахматисты, организованные в трех больших клубах, жили очень дружно и посещали все три клуба… По-русски Алехин говорил с московским произношением: скушно, што, когда с придыханием «г»…

С детства говорил по-французски тем говором, какой был известен тогда в «высшем свете». В этом отношении он нисколько

не отличался от героев «Войны и мира» Л. Н. Толстого.

Жизнь в Париже с 1923 года почти до самой смерти и принятие французского гражданства улучшили эти знания — можно сказать, что по-французски он говорил также свободно.

Отлично знал Алехин и немецкий язык. Его известные книги «New York 1927» и «Auf dem Wege zur Weltmeisterschaft» были написаны по-немецки. Только выговор у него был с акцентом. Особенно не давалось ему немецкое гортанное «к». Например, слово Kartofel он произносил с таким же «к», как и русское «картошка». Грамматических ошибок на немецком, типичных для всех славян (плохое различие der, die, das), он не делал.

И наконец, Алехин очень хорошо знал английский язык и свободно изъяснялся на нем…

Шахматные издания Алехин читал на всех языках»…

В 1943 году Алехин получает предложение редакции русской газеты «Новое Слово» («Novoje Slovo — Neues Wort»), издаваемой в Берлине, вести в ней шахматный отдел. И вот 4 августа 1943 года в газете появляется объявление: «Редакция «Нового Слова» отмечает с чувством особого удовлетворения, что, начиная с сегодняшнего номера, редактирование шахматного отдела нашей газеты принял на себя чемпион мира и Европы А. А. Алехин. Мы не сомневаемся в том, что это известие будет принято всеми нашими читателями — шахматистами с живейшим интересом и чувством признательности к нашему славному соотечественнику, который, несмотря на ограниченность своего времени, пожелал установить тесный контакт с широкими кругами русских любителей шахматного искусства. Алехин беспредельно любит Россию и русский народ. Недаром он русский, в его шахматном искусстве — подлинный русский размах».

Отдел «Шахматы» под редакцией чемпиона мира и Европы А. А. Алехина открывался обращением «А. А. Алехин — читателям «Нового Слова»:

> Я с большой радостью откликнулся на сделанное мне редакцией «Нового Слова» предложение войти в контакт с многочисленной русской шахматной публикой — посредством шахматного отдела «Нового Слова». Правда, технически для меня это представляется почти невозможным, так как мне как Уполномоченному по делу пропаганды шахматного искусства Европейского шахматного союза приходится очень много разъезжать. Поэтому в дальнейшем для меня является необходимым, для обеспечения непрерывного ведения отдела, техническое сотрудничество бывшего редактора П. Г.

Спенглера.

Чтобы отдел выполнил свое задание и имел успех — необходимо установить тесный контакт с читателями. Для этого надо, чтобы они поверили, что на их письма и запросы редакция будет откликаться с должным вниманием и сочувствием. Имеется в виду, в недалеком будущем, организация турнира по переписке читателей «Нового Слова». Технически этот вопрос разрабатывается.

Это главное, что касается организационной части. Но есть и другая сторона, а именно то, что шахматы для большинства из нас — являются искусством. И вот те, кто искренне желает усовершенствоваться в этом искусстве — пусть прямо и просто пишут мне о своих сомнениях. По мере возможности, им всем будут даваться ответы.

С этими мыслями я приступаю к ведению шахматного отдела в «Новом Слове».

А. АЛЕХИН.

Отдел выходил раз в неделю и состоял обычно из одной прокомментированной партии, причем не обязательно самого Алехина: тут были и партии Боголюбова, Кереса, Юнге, Земиша, Барцы… Сенсацией явилось появление в отделе знаменитой партии Алехина с Капабланкой из АВРО-турнира 1938 года с примечаниями Алехина.

Всего под редакцией Алехина вышло 25 шахматных отделов газеты. Ровно полгода: с 4 августа 1943 года по 30 января 1944 года чемпион вел эту работу, общался с русскими читателями, оказавшимися на территории Германии.

Судя по перемещениям Алехина в этот период, редактирование отдела велось им иногда по почте или, возможно, с оказией, через знакомых лиц, ехавших в ту пору в Берлин.

Дело в том, что осенью 1943 года Александр Алехин предпринял решительный шаг к тому, чтобы освободиться от фашистского надзора.

В то время Алехин получил приглашение принять участие в крупном турнире, организуемом в Мадриде. Он выехал туда из Праги через Париж, где намеревался получить выездные визы для себя и жены. Однако фашистские власти не торопились с оформлением документов — желание Алехина выехать за пределы подконтрольной им территории представлялось подозрительным. И они вновь поставили чемпиона мира в подневольное положение. Грейс Висхар было вообще отказано в

праве на выезд из Парижа, а самому Алехину выдали лишь временное разрешение. Оно обязывало его после окончания Мадридского турнира вернуться в Париж и выступить с сеансами в генеральном штабе оккупантов.

В Мадрид Алехин приехал лишь в середине октября 1943 года, когда турнир там приближался к завершению. Его опоздание не было случайным. Решив навсегда покинуть оккупированную Европу, он не желал играть в Мадридском турнире в качестве представителя «Великой Германии».

Пребывание чемпиона мира в Испании вызвало оживление шахматной жизни в этой стране. Испанские мастера стремились извлечь максимальную пользу от общения с гениальным русским шахматистом. В этих целях была организована целая серия состязаний с его участием.

Первым из них стал матч из четырех партий с многолетним чемпионом Испании Реем Ардидом. Алехин был настроен миролюбиво. Выиграв одну партию, в остальных трех он согласился на ничью.

В 1944 году на севере Испании в Хихоне состоялся небольшой турнир. Первое место в нем Алехин занял, набрав 7½ очков из 8. Вышел он победителем и в турнире, состоявшемся в начале 1945 года в Мадриде, набрав 8½ очков из 9.

Результаты его дальнейших выступлений в соревнованиях не были стабильны, сказывалось ухудшение здоровья.

Во втором турнире, организованном в том же Хихоне, он разделил 2–3-е места; в Сабаделе был первым, в Альмерии делил 1–2-е места, в Мелилье опять занял 1-е место.

Последний турнир в жизни Алехина состоялся в Касерасе, на западе Испании. Турнир проводился по необычной системе — в нем участвовали четыре пары местных шахматистов, чемпион мира и чемпион Португалии Ф. Люпи. Вследствие болезни Алехин играл неудачно и, проиграв партию Люпи, занял второе место.

Основным источником доходов Алехина становились сеансы одновременной игры, организованные зачастую по собственной инициативе гроссмейстера.

Неожиданным заработком явились частные уроки 13-летнему Артурито Помару с Канарских островов. Алехин не только проводил с ним занятия, но даже написал учебник «Курс шахмат для Артурито Помара» (девять глав с приложением), позднее опубликованный в книге «Легадо!» («Завет!»).

Ученик оказался смышленым, талантливым и стал, после кончины своего наставника, неоднократным чемпионом Испании, победителем многих международных турниров, гроссмейстером с

1962 года.

Нелепые измышления о сотрудничестве Алехина с немецкими властями и его авторстве антисемитских статей в «Паризер цайтунг «были взяты под сомнение в феврале 1945 года «Чесе Ревю». В статье «Алехин защищает свое поведение во время войны» говорилось:

«Чемпион мира по шахматам Др. Александр Алехин, наконец, дал объяснение эпизодам его карьеры в военное время, которые позволяли думать, что он примкнул к нацистской расовой доктрине и активно сотрудничал с врагом.

В интервью с испанским корреспондентом «Ньюс Ревю», перепечатанном в декабрьском выпуске «Бритиш Чесс Мэгэзин» и январском выпуске «Чесс», Алехин возмущенно отрицал, что он был нацистским коллаборационистом. Он разъяснил, что участвовал в немецких шахматных турнирах под принуждением и что статьи, которые написал для нацистских газет для того, чтобы получить выездную визу из Франции, были переписаны немцами и стали трактовать шахматы с расистской точки зрения.

В 1941 году Герр Пост — президент Германской шахматной федерации — написал Алехину, что хотя ему не может быть дано разрешение вернуться во Францию, если он согласится играть на турнире в Мюнхене, то его жене будет позволено присоединиться к нему там. Учитывая возраст жены (62 года) и неважное состояние ее здоровья, Алехин был вынужден согласиться.

Они проживали в Польше и Чехословакии…

По инициативе Испанской шахматной федерации Алехин в октябре 1943 года прибыл в Мадрид… Но гестапо, выдав ему выездную визу, не разрешило жене сопровождать его, а только позволило ему вернуться в Париж. С того времени Алехин обосновался в Испании и не слышал ничего о жене последние пять месяцев, хотя надеялся получить разрешение возвратиться вскоре во Францию и встретить ее там…»

Редакторы «Бритиш Чесс Мэгэзин» и «Чесс», по-видимому, готовы были принять эти объяснения. В редакционной статье «ВСМ» говорилось:

«Отчет объясняет многое, что до сих пор приводило в недоумение поклонников чемпиона мира. Например, две нелепые статьи, которые появились под его именем, — теперь никакого сомнения, с тех пор, как они появились, всегда казались нам апокрифическими, они были совершенно бессмысленными, а также абсолютно противоречащими частым высказываниям Др. Алехина о Стейнице и Ласкере.

Настоящей критикой мы выражаем свое отношение к поездке чемпиона мира в Мюнхен при возможности остаться в безопасном

Лиссабоне. Объяснение причин для поездки выглядит немного неубедительным, едва ли это ему помогло. Но кто первый бросит камень?.. Нам, конечно, понравился тон интервью. Это не оправдание, а разъяснение фактов, не роняющее достоинство».

Редактор журнала «Чесс» писал: «Мы хорошо знакомы с Др. Алехиным, которого мы встречали в полудюжине стран, с которым играли в турнирах и с которым мы переписывались на протяжении многих лет.

Мы знаем, что он ненавидит войну и никогда не любил нацистов, и мы верим — это безусловная правда, что только преданность жене бросила его в их лапы. Игра в турнирах, организованных нацистами, была только альтернативой для него, кроме того, шахматы — это профессия Алехина. Вероятно, теперь совершенно невозможно доказать или опровергнуть правоту утверждения, что его статьи были «подделаны» — они были до того нелепы, что не могли принести какого-нибудь даже самого малого вреда…

Мы всегда придерживались позиции, что Алехина нельзя заклеймить, как нацистского пособника, не дав ему возможности защитить себя. И мы никогда не чувствовали, что имеем право критиковать Алехина за участие в немецких шахматных турнирах, когда он жил в странах, контролируемых фашистами… Керсс тоже играл в них, а Эйве провел матч с Боголюбовым в Карлсбаде в 1941 году…»

В конце 1945 года Алехина пригласили в Лиссабон, и он переехал на жительство в Португалию В столице он находился недолго, а потом поселился в отеле близлежащего курортного города Эшторил. Он, конечно, был признателен испанским и португальским шахматным деятелям и меценатам за оказанную помощь в трудное для него время.

Ведь прошло уже два с половиной года с того дня, как он расстался в Париже с женой для того, чтобы выйти из-под контроля немецко-фашистских властей. Алехин надеялся добиться разрешения на выезд Грейс в Испанию. Но все его попытки оказались тщетны — в визе супруге отказывали.

После окончания Второй мировой войны Алехин стал хлопотать о своем возвращении в Париж. Но и это тоже оказалось невозможным, так как франко-испанская граница тогда была закрыта.

Алехин тяжело переживал вынужденное одиночество, отсутствие рядом единственного близкого человека.

К тому времени он получил скорбные вести из СССР о кончине старшего брата и сестры. С Алексеем, скончавшимся в 1939 году в возрасте 51 года, у них было много общего — любовь

к шахматам они пронесли через всю жизнь. Алексею не удалось добиться высоких спортивных результатов, но он, проживая в Харькове, систематически участвовал в украинских и всесоюзных соревнованиях, был чемпионом Харькова, вел большую организаторскую работу в качестве члена Первого Совета шахматных секций СССР и секретаря Украинской шахматной секции, преподавал в местных шахматных кружках.

Алексей Александрович Алехин вошел в историю шахмат как издатель в 1913–1916 годах журнала «Шахматный вестник», автор-составитель первого в СССР шахматного ежегодника — «Шахматы. Избранные партии и обзор за 1926 год», редактор книги «Матч на первенство мира Алехин — Капабланка», изданных в Харькове в 1927–1928 годах.

Сестра Варвара Александровна Алехина, не покинувшая родную Москву, скончалась в 1944 году в возрасте 55 лет. Она также осталась верна своему призванию — была драматической актрисой, снялась в шести кинофильмах, выпущенных студией «Межрабпом-Русь»: «Медвежья свадьба» (1926), «Чужая» (1927), «Ледяной дом» (1928), «Друзья совести» (1932), «Рваные башмаки» (1933), «Настенька Устинова» (1934). У нее сложились дружеские отношения с семьей кинорежиссера К. В. Эггерта, и последние годы своей жизни она провела в их доме.

Потеря родных усугубила чувство одиночества у Алехина. Болезни подтачивали его организм. Жизнь шахматиста-профессионала, даже с титулом чемпиона мира, оказалась малообеспеченной, неустроенной. Гонорары, получаемые за участие в небольших испанских турнирах, редкие выступления с сеансами одновременной игры и частные уроки не спасали от нужды. Нарастало чувство безысходности.

Алехина все чаше тянуло к спиртному. Он возобновил курение и к предосторожностям врачей не прислушивался. Им овладела глубокая депрессия.

Драма гения и человека явственно сквозит в его ответе в июле 1944 года корреспонденту газеты «Эль Комерцио», выходившей в испанском городе Хихоне:

— «Планы? Какие у меня могут быть планы? Лучшая часть моей жизни прошла между двумя мировыми войнами, которые покрыли Европу руинами и крестами, которые взяли в кольцо мою волю, привыкшую побеждать. Обе опустошили меня, но по-разному: когда закончилась первая, я был молод и имел непомерное честолюбие, а теперь нет ни того, ни другого».

И вдруг — луч надежды. В конце ноября 1945 года Алехин получил от Британской шахматной федерации официальное приглашение на первые послевоенные турниры — в Лондоне и в

Гастингсе. Появилась реальная возможность переломить ход событий, вернуться к активному участию в международной шахматной жизни. Алехин, разумеется, не медлил с ответом: поблагодарил и дал согласие играть в том и в другом турнирах. Добрая весть принесла оптимизм, и он начал готовиться к грядущим соревнованиям.

Но прошло совсем немного времени, как почта доставила другое, совершенно неожиданное сообщение, вызвавшее у Алехина сердечный приступ. Организатор Лондонского международного турнира извещал, что посланное Алехину приглашение аннулировано, ибо Эйве и американские шахматисты Файн и Денкер пригрозили своим отказом от участия в турнире, если в нем будет играть Алехин. «Это подлинный ультиматум, — говорилось в письме организатора турнира, — не может быть проигнорирован». Свой бойкот названные гроссмейстеры мотивировали тем, что Алехин сотрудничал с немцами во время войны и был автором антисемитской статьи, опубликованной 18 и 12 марта 1941 года в газете «Паризер цайтунг».

Как позже выяснилось, против участия Алехина в турнире яростно протестовали и находившиеся в Лондоне О. Бернштейн, П. Лист (Одес). А ведь Бернштейн много лет стремился поддерживать близкие отношения с чемпионом мира, знал его взгляды, был вхож в его дом.

Аннулирование приглашения стало жестоким ударом для Алехина. Он тут же написал организатору Лондонского турнира ответное письмо, копии которого направил руководителям Американской и Британской шахматных федераций. Это письмо Алехина было напечатано в журнале «Бритиш чесс мэгэзин» в январе 1946 года к началу турнира с сочувственными комментариями редакции. В нем Алехин решительно отверг обвинения, выдвинутые в его адрес, и вскрыл их истинную подоплеку. Письмо Алехина приводится здесь с незначительными сокращениями.

Письмо А. А. Алехина организаторам Лондонского международного шахматного турнира 1946 года:

> Я получил Ваше письмо 28 ноября 1945 года. До того, как я ознакомился с содержанием Вашего письма, я не имел возможности предпринять какое-либо публичное объяснение, так как не знал мотивов, побудивших Вас аннулировать приглашение меня к участию в международном турнире в Лондоне. Теперь я могу и должен сделать это, и даже не только в связи с

турниром — какой бы интерес участие в нем ни представляло для меня — сколько в силу еще более важных причин.

Первое из того, о чем вы меня информировали, — это круг вопросов, касающихся голословно приписываемых мне симпатий во время войны к немцам. Каждый, кто не скован предубеждением, должен бы понять мои действительные чувства к людям, которые взяли у меня все, что составляет ценность жизни: разрушили мой дом, разграбили замок моей жены и все, чем я обладал, и, наконец, украли даже мое честное имя.

Посвятив всю свою жизнь шахматам, я никогда не принимал участия в чем-либо, не имеющем прямого отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам, — люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды.

Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею.

Наконец, в течение 1938–1939 г.г., я надеялся в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником положить конец этой нелепой легенде путем организации в Советском Союзе матча между нами, который был практически решен. Но разразилась война, и вот после ее окончания я нахожусь здесь, заклейменный оскорбительным эпитетом «пронацист», обвиняемый в коллаборационизме и т. д. и т. п.

Я не удивился, узнав о протесте Эйве против моего приглашения в турнир. Меня удивило бы обратное. Среди многих чудовищных высказываний в приписываемых мне статьях в «Паризер цайтунг» были особенно оскорбительные для членов организационного комитета матча Алехин — Эйве 1937 г. Голландская шахматная федерация выражала протест по этому поводу. Но в то время я абсолютно не мог внести полную ясность в создавшееся положение — заявить, что статьи эти не были написаны мною.

Эйве вообще был так убежден в моей «влиятельности» у нацистов, что написал мне два письма, в которых просил меня предпринять таги, чтобы облегчить судьбу бедного Ландау и моего друга Оскама. На самом деле и в Германии, и на оккупированной ею

территории мы с женой были под непрестанной слежкой и угрозой концентрационного лагеря со стороны гестапо, так что Эйве, как и многие другие, глубоко ошибается.

Основной же довод, который побудил Вас аннулировать приглашение меня на Лондонский турнир, был, как вы пишете, «ультиматум» Американской шахматной федерации. Это — серьезное дело, так как эти джентльмены, вероятно, приняли свое решение не без причин, оправдывающих по их мнению, подобный шаг. Я не могу знать этих причин, но полагаю, что дело заключается в обвинении меня в коллаборационизме. Выражением «коллаборационист» пользуются против тех, кто официально или иным путем соглашался со взглядами вишийского правительства Петэна — Лаваля. Но я никогда не имел ничего общего ни с этим правительством, ни с его представителями.

Я играл в шахматы в Германии и в оккупированных ею странах только потому, что это было нашим единственным средством пропитания и, кроме того, — ценою, которой я платил за свободу моей жены. Возвращаясь мысленно к тому положению, в котором я очутился четыре года назад, я могу лишь констатировать, что и сегодня должен был поступить точно так же. В нормальные времена моя жена имела средства и могла заботиться о себе, но не в военное время и не в руках нацистов. Повторяю: если голословные утверждения о моем «коллаборационизме» опираются на мое вынужденное, временное пребывание в Германии, я ничего не могу добавить: моя совесть чиста!

Другая возможность, что эти голословные обвинения против меня основаны на статьях, появившихся в «Паризер цайтунг». Против этого я могу решительно возразить. В течение трех лет я хранил молчание. Но при первой же возможности я, дав интервью, изложил имевшие место факты в их правильном освещении. В этих статьях, которые появились в 1941 году во время моего пребывания в Португалии и с которыми я познакомился уже в Германии из их перепечатки в «Дойче шахцайтунг», не было почти ничего, написанного мною.

Мне в этих статьях принадлежат только высказывания о необходимости реконструкции Международной шахматной федерации и критическая оценка, написанная задолго до 1939 года, теорий

Стейница и Ласкера. Не видя своих статей, я был удивлен, узнав о впечатлении, которое эти чисто профессиональные рассуждения произвели в Америке. Когда же я смог получить полное представление об этой галиматье, вышедшей из мозга, начиненного фашистскими идеями, я понял, что я повержен: я к тому времени был пленником фашизма, и наш единственный шанс был — хранить молчание перед всем миром. Эти годы разрушили мое здоровье и мои нервы, и я удивлен, что до сих пор еще могу хорошо играть.

Моя преданность шахматному искусству, уважение, которое я всегда высказывал по отношению к таланту моих коллег, короче, вся моя предвоенная профессиональная жизнь должна заставить людей понять, что измышления «Паризер цайтунг» были фальшивкой.

Я жалею, что лишен возможности приехать в Лондон, чтобы лично подтвердить все вышеизложенное.

А. АЛЕХИН

Мадрид, 6 декабря 1945 г.

Взволнованное письмо Алехина, с достоинством и аргументированно отвергшего нелепые обвинения, производит огромное впечатление. Поразительно, что чемпион мира вынужден был публично отстаивать свою честь. Его жизнь, и без того весьма сложная, драматическая, приобрела трагический оттенок.

Александр Александрович Алехин был человеком сильной воли, и его сопротивление беспощадным ударам судьбы, стойкость не раз изумляли.

И тем не менее как не удивиться тому, что буквально через день после отправления письма организаторам Лондонского турнира Алехин уже выступал на Канарских островах. Там он провел 8 декабря 1945 года в Санта-Крус-де-Тенерифе сеанс одновременной игры вслепую против 29 соперников! Чемпион мира играл с присущим ему высоким техническим совершенством и добился убедительной победы.

В связи с этим вспоминаются слова Х. Р. Капабланки, сказанные ранее: «В сеансах одновременной игры вслепую Александр Алехин не имеет себе равных среди мастеров прошлого века и настоящего. Подражать ему в этой области абсолютно невозможно. Для этого надо иметь изумительную шахматную память Алехина в соединении с колоссальной способностью его к напряженной умственной работе».

Но тот сеанс на Канарских островах в конце 1945 года был последним для чемпиона мира…

Приход нового, 1946 года Алехин отметил в Эшториле началом небольшого матча с Франциско Люпи. У них давно установились дружеские отношения, они часто встречались, совершали совместные прогулки, беседовали. На этот раз, 1 января 1946 года, они стали соперниками в состязании, которому суждено было завершить спортивный путь чемпиона мира. В первой партии — ничья, вторую Алехин проиграл, но затем, выиграв две следующие партии, одержал победу в матче.

А самая последняя партия была сыграна Алехиным 9 марта 1946 года. Но она состоялась вне какого-то официального соревнования, экспромтом. Алехин в тот день посетил Британское посольство в Лиссабоне по делам, о которых речь пойдет позже. Его соперником оказался известный шахматный композитор чиновник Британского Министерства иностранных дел Г. Андерсен. Партия протекала с преимуществом партнера, однако интуиция не подвела Алехина, он нашел выход из трудного положения и выиграл. Запись этой партии сохранилась и была опубликована.

Мы же сейчас вернемся в январь 1946 года.

В те новогодние дни Алехин все еще верил в изменения к лучшему, в понимание коллегами доводов, приведенных в его письме. Он надеялся, что разум возобладает, и обвинения будут сняты.

Однако, как ни странно, обличители не вняли его объяснениям и пошли еще дальше. Во время турнира в Лондоне они созвали совещание по «делу» Алехина. Обсуждение велось в обход Международной шахматной федерации (ФИДЕ) и в отсутствие самого «обвиняемого», чемпиона мира, лишенного, таким образом, права на защиту. Это был настоящий самосуд, иначе его не назовешь. Группа собравшихся потребовала лишить Алехина звания чемпиона мира, не приглашать его на турниры и сеансы, не печатать его шахматных статей. Подоплеку этих беспрецедентных требований шахматный мир узнал позже, после смерти Алехина, когда было поставлено на голосование в ФИДЕ предложение разыграть звание чемпиона мира в матче между Максом Эйве и Сэмюэлом Решевским…

Известие о требованиях совещания, состоявшегося в Лондоне, ошеломило Алехина, усугубило состояние депрессии. Он вел замкнутый образ жизни и общался чаще всего с Люпи, многое сделавшим для обеспечения чемпиону мира хотя бы прожиточного минимума.

«…В течение последних дней жизни Алехина нужда, горе и

болезнь окончательно сокрушили его, — вспоминал Люпи. — Мы, несколько португальских шахматистов, решили обратиться к жене Алехина. «С тех пор как ваш муж приехал, — писали мы, — он находится в невыносимом положении, больной, без средств к существованию. Он живет из милости администрации пансиона». Дни проходили, но ответа на это письмо не было. Алехин проводил время, лежа в постели или шагая по своей комнате, как лев в клетке». Его одиночество скрашивали лишь встречи с Люпи и бельгийским скрипачом Ньюменом, жившим в том же отеле. Воспоминания этого музыканта приведены в книге А. Котова «Александр Алехин». Ньюмен, в частности, рассказывал:

«…Сидя у меня в номере, Алехин часто просил меня сыграть ему что-нибудь… Особенно ему нравилась одна старинная песня «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

В комнате нас двое. Полутьма. Я играю на скрипке. Никогда я не имел такого слушателя! Сидел он притихший, неподвижный, красивая голова свесилась на грудь, глаза прикрыты, ресницы мокрые. Алехин был сверхчувствителен, в нем была какая-то невероятная тонкость, и это особенно проявлялось в моменты, когда он слушал музыку… Что видел он, что рисовало его воображение? Родной дом, близких, мать?»

Положение Алехина казалось безысходным.

И вдруг, 8 марта, новость, способная многое изменить. Алехину вручили телеграмму английского шахматного деятеля Дербишайра, уведомлявшего его о вызове, поступившем от Ботвинника, на матч за мировое первенство. Для Алехина это сообщение говорило о многом. Из него следовало, что происки недоброжелателей лишить его звания чемпиона мира провалились, и все препоны к возвращению в шахматный мир устранены. Радость Алехина была настолько велика, что вызвала сердечный приступ. Ответная телеграмма с согласием играть ушла в тот же день.

Вскоре Алехина пригласили в английское посольство, находившееся в Лиссабоне, и передали письмо Ботвинника. В нем говорилось: «Я сожалею, что война помешала нашему матчу в 1939 году. Я вновь вызываю Вас на матч за мировое первенство. Если Вы согласны, я жду вашего ответа, в котором прошу Вас указать Ваше мнение о времени и месте матча.

4 февраля 1946 года. Михаил Ботвинник».

Переговоры о матче принимали конкретный характер. Своим представителем для окончательного согласования условий, времени и места проведения матча Алехин назвал редактора журнала «Бритиш чесс мэгэзин» Дю-Монта. Уже была достигнута договоренность, что матч состоится в Лондоне, ждали решения

исполнительного комитета ФИДЕ.

Предстоящий матч дал новый импульс Алехину. Он приободрился и опять был полон планов, надежд, что встреча с Ботвинником поможет ему вернуться на Родину. Жизнь вновь приобрела цель, и Алехин с усердием готовился к матчу. По словам Люпи, он «хотел удивить мир своей игрой». Особенно много времени Алехин уделял тогда дебютной подготовке. Ему хотелось завлечь Ботвинника в открытые позиции, где большое значение приобретают импровизация и тактика. Он искал и находил новые продолжения в испанской партии, во французской защите и защите Каро-Канн. Об этом Алехин говорил, не вдаваясь в подробности, при встречах с Люпи. В те мартовские дни они завершали совместную работу по комментированию партий турнира в Гастингсе.

«В последний день своей жизни, — вспоминал Люпи, — Алехин почувствовал новый прилив энергии. Это был прежний Алехин. Он даже выразил желание пойти вечером куда-нибудь развлечься, но и там не переставал говорить о своем предстоящем матче с Ботвинником».

А на другой день в 11 часов дня официант отеля «Парк» принес в комнату Алехина завтрак и увидел его сидевшим в кресле без признаков жизни. Видимо, смерть наступила 24 марта 1946 года от паралича сердца.

Жизнь чемпиона мира оборвалась, вероятно, в ночное время — шторы на окнах номера были задернуты, горел электрический свет. Алехин сидел в кресле, склонив голову, и по его позе казалось, что он уснул, не успев почти притронуться к ужину, накрытому на столе. Ему было в тот час холодно, и он сел в кресло, не сняв пальто, укрыл ноги одеялом.

Справа от него на подставке для чемоданов находилась шахматная доска с расставленными фигурами — его постоянный спутник на пути славных побед. Незадолго до кончины он комментировал партию Медина — Рико, сыгранную на турнире в Бильбао в 1945 году.

Слева вблизи лежала раскрытая книга стихов Маргарет Сотберн. Последняя страница, на которой как бы покоился взгляд великого шахматиста, содержала меланхолическую строку — «… Это судьба всех тех, кто живет в изгнании…»

Так умер в 53-летнем возрасте Александр Александрович Алехин.

Он ушел из жизни, не успев получить телеграмму о том, что 23 марта исполком ФИДЕ принял решение о проведении его матча с Ботвинником, и не зная, что виза во Францию, которой Алехин добивался длительное время, наконец-то оформлена и

выслана ему.

С большим опозданием, из-за споров между французской делегацией в Лиссабоне и португальскими церковными служителями, состоялись и проводы Алехина в последний путь. Только 16 апреля 1946 года гроб с телом Алехина был временно установлен в семейном склепе португальского шахматиста Мануэля Эстева на кладбище Святого Иоанна, близ Эшторила. У подножия саркофага, обитого черным бархатом, вышитым серебром, возложили прекрасный венок из роз и левкоев. Похороны были организованы и оплачены португальским шахматным объединением. В церемонии прощания с Алехиным участвовали дипломаты из французского посольства, русские эмигранты, представители португальского шахматного объединения, шахматных клубов Лиссабона и других городов, местные любители шахмат.

Скорбная весть о кончине шахматного короля облетела весь мир. Сообщения о смерти Александра Алехина были опубликованы почти всеми газетами, независимо от их политической ориентации. Тяжкую утрату в те дни переживали любители шахматной игры всех континентов и стран.

Отклик на это печальное событие в поэтической форме прозвучал в 1972 году в стихотворении Вл. Михановского «Чемпион мира»:

…И вот он в кресле, утомленный.
Играет скрипка за стеной,
То Паганини вдохновенный
Разбужен дерзкою рукой.
Какая в этих звуках сила,
Какая страшная печаль!..
И скрипка душу разбудила
И унесла куда-то вдаль,
Туда, в Россию..
Грудь сжимает
Тоски холодная рука,
И кто минут таких не знает,
Когда грызет тебя тоска?
Он четверть века дома не был.
Россия! Видятся с тоской
Твое распахнутое небо,
Просторы, ветер вольный твой.
Прошен Советскою Россией,
Он едет, это решено!
Как давит грудь… Он встал, с усильем

Толкнул стрельчатое окно.
…Дверь заперта — ломать придется
(Для полицейских — не впервой!)
Он в кресле. Дремлет? Спит? — Не бьется.
Поник над шахматной доской…
И чуждый лавр листвой бессонной
Ему кивая, шлет поклон…
Он жил и умер чемпионом —
Непобежденный чемпион!

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Трудно сказать, сколько бы еще времени мог находиться саркофаг с телом Александра Александровича Алехина в семейном склепе Мануэля Эстева на кладбище Эшторила, если бы не инициатива президента Международной шахматной федерации (ФИДЕ) шведа Фольке Рогарда.

В середине 1955 года делегатам предстоящего 26-го конгресса ФИДЕ был разослан для ознакомления Отчетный доклад, подписанный 9 июля Рогардом. Этот документ содержал такой пункт:

«Предложения о чествовании памяти Александра Алехина.

25 марта 1956 года исполнится 10 лет со дня смерти в Лиссабоне Александра Алехина, единственного чемпиона мира, который закончил свою жизнь, будучи обладателем этого высокого звания. Своими исключительными способностями, своими результатами, непревзойденными в истории шахмат, мне кажется, Алехин заслужил, чтобы его память была почтена ФИДЕ во всем шахматном мире. Вот почему я хотел бы предложить конгрессу установить на могиле Алехина памятник, который должен быть открыт в десятую годовщину его смерти. Что касается расходов, я считаю разумным, что одна четверть их должна быть покрыта Голландской федерацией — федерацией экс-чемпиона мира М. Эйве, одна четверть федерацией СССР — федерацией нынешнего чемпиона мира М. Ботвинника, одна четверть Португальской федерацией и одна четверть другими федерациями в виде чрезвычайных взносов. Я очень прошу, в частности, делегатов Нидерландов, СССР и Португалии обсудить до начала конгресса свое отношение к этому предложению».

Как видим, идея сооружения памятника Алехину принадлежала самому Рогарду. Его предложение обсуждалось сначала на заседании Центрального комитета ФИДЕ, состоявшемся в Гетеборге 8 августа, а на другой день уже на самом конгрессе. Выступая там, вице-президент ФИДЕ Вячеслав Рагозин сообщил, что Советская шахматная федерация предпочла бы, чтобы останки Алехина были перенесены в страну его происхождения, и что в этом случае федерация СССР взяла бы на себя расходы по перевозке тела, созданию памятника и приглашению на открытие памятника семьи покойного и представителей ФИДЕ.

Для изучения вопроса была создана комиссия. Ее возглавили два вице-президента ФИДЕ — Марсель Берман, президент Французской шахматной федерации, и Вячеслав Рагозин. Им

также предстояло выяснить отношение к этой проблеме со стороны родственников Алехина.

Вскоре Берман посетил в Париже вдову Алехина, результатом чего стало следующее письмо от 29 августа 1955 года:

> Дорогой господин Берман!
>
> После Вашего визита в связи с представлением проекта Международной федерации о возведении памятника, увековечившего память моего мужа, Александра Алехина, мне не хватает слов для выражения искренней благодарности.
>
> Что касается места возведения памятника, я уверена, что желанием мужа было бы установить его во Франции, где, как я знаю, он имел многочисленных и искренних друзей, которые оплакивали его кончину.
>
> Еще раз выражаю свою глубокую благодарность всем тем, кто содействовал тому, что стало реальностью возведение этого памятника, и прошу верить, господин Берман, моим искренним чувствам.
>
> *Алехина.*

Получив это послание, Берман 2 сентября отправил из Руана, где он жил, два письма: Рогарду в Стокгольм и Рагозину в Москву. В них он сообщал о намерении госпожи Алехиной перевезти прах Алехина в Париж, помехой чему было отсутствие финансовых средств. Берман писал о том, что он собирается посетить два больших парижских кладбища, Пер-Лашез и Монпарнас, и узнать там условия приобретения места погребения и сооружения склепа… Он принесет образцы гранита и немедленно займется барельефом.

Мнение сына Алехина, жившего в Швейцарии, стало известно в Москве только из письма президента Швейцарской шахматной федерации от 14 сентября:

«В Шахматную федерацию СССР.

Сын Алехина Александр извещен о желании перевезти останки его отца из Португалии в Советский Союз, отнесся к этому сообщению с живым интересом, с удовольствием готов обсудить этот вопрос с Вами и просит связаться с ним. Его адрес: Александр Алехин, Керматтштрассе, 8, Биннинген (Базельланд)».

На совещании комиссии, проходившем в Париже с 25 по 29 октября, присутствовал президент ФИДЕ Рогард. В циркулярном письме от 31 октября он проинформировал национальные федерации о результатах проделанной работы:

«29 октября в комиссию прибыла с визитом госпожа Алехина, выразив пожелание, чтобы останки Алехина были перевезены из

Португалии в Париж, где он провел значительную часть своей жизни и где она сама сейчас проживает… Рагозин и все другие члены комиссии единодушны в том, что решение должно быть принято с учетом пожелания госпожи Алехиной.

Г-н Берман зарезервировал навечно место на кладбище Монпарнас в Париже в одной из главных аллей. Комиссия согласилась, посетив это место… Берман представил макет памятника из красного полированного шведского гранита, на котором будет помещен барельеф бюста Алехина, — текст будет высечен золотыми буквами. На памятнике также будет выгравирован крест. Перед памятником будет изображена шахматная доска из гранита».

Продолжая выполнять поручение конгресса, Берман 9 января 1956 года направил Рагозину и Рогарду для согласования «фотографии скульптурного изображения Алехина, созданного скульптором Барацем». Ваятель образа чемпиона мира А. Барац — парижский скульптор и шахматный мастер, дважды становившийся в 1928 и 1929 годах чемпионом столицы Франции, был родом из Одессы.

Затем состоялся обмен телеграммами и письмами между Рагозиным, Берманом и Рогардом по поводу надписи на памятнике. Приведу лишь три послания, кои дают представление о том, как продвигалась работа над текстом.

«Берману, Руан. Рогарду, Стокгольм.

Предлагаем следующую надпись на памятнике Алехину:

«Александр Алехин, выдающийся шахматист России и Франции 1 XI 1892-25 111 1946 Чемпион мира 1927–1935 и с 1937 до конца жизни».

Просим сообщить Ваше мнение. Привет. Шахматная секция СССР».

Эту телеграмму, завизированную сотрудниками шахматного отдела, в том числе Рагозиным, подписал заместитель председателя комитета по делам физкультуры и спорта М. Песляк. С нес и начался отсчет ошибок в датах, обозначенных на памятнике (хотя вторая неправильная дата содержалась еще в первоначальном документе, подписанном Рогардом). На самом деле Алехин родился 31 октября, а скончался 24 марта.

Чем же были вызваны эти ошибки? В общем-то, небрежностью. Дело в том, что разница между старым и новым стилями составляет для XIX века не 13 суток, как для XX, а 12, и посему к дате рождения Алехина 19 октября необходимо было прибавить только 12 дней. А вторая ошибка проистекает, вероятно, из даты медицинского заключения, составленного 25 марта, на другой день после кончины Алехина.

К сожалению, никто не перепроверил эти даты, и именно они были высечены на памятнике. Что касается самого текста, то он подвергся уточнению, как явствует из письма Бермана от 26 января:

«Рогарду в Стокгольм, Рагозину в Москву.

Дополнительно к телефонным переговорам подтверждаю, что термин «шахматист» не звучит на французском языке. С другой стороны, трудно представить надпись на могиле человека со словом «выдающийся». Поэтому я предлагаю:

Александр Алехин (по-русски)

Александр Алехин (латинскими буквами)

Гений шахмат России и Франции

1 ноября 1892 — 25 марта 1946

чемпион мира по шахматам

с 1927 по 1935 и с 1937 до кончины».

Предложение Бермана было принято и шахматной секцией СССР, и президентом ФИДЕ Рогардом.

Саркофаг с прахом Алехина был доставлен морем из Лиссабона в Руан, а оттуда автомобилем в Париж. Его установили в нише склепа, сооруженного под памятником. А за две недели до открытия памятника там же была погребена, в предусмотренном для нее месте, рядом с мужем, и Грейс Алехина.

Общие расходы по созданию памятника и перевозке останков Алехина составили 80 тысяч швейцарских франков и были покрыты взносами федераций, входивших в ФИДЕ. Советская федерация внесла 10 тысяч франков.

Торжественное открытие памятника состоялось 25 марта 1956 года при большом стечении публики. Глазам собравшихся открылся прекрасный монумент. Подножие из шведского полированного красного гранита выполнено в виде шахматной доски, а черный обелиск из такого же гранита венчает светлая плита из каррарского мрамора с барельефом Алехина.

В церемонии открытия памятника приняли участие президент ФИДЕ, члены комиссии по созданию памятника, сын Алехина, посол СССР во Франции, представители ЮНЕСКО, делегации многих шахматных организаций. В состав советской делегации входили: чемпионка мира Е. Быкова, гроссмейстеры В. Смыслов, Т. Петросян, Б. Спасский, П. Керес, Д. Бронштейн, Е. Геллер и мастер Л. Абрамов. Не прибывший в Париж чемпион мира М. Ботвинник ограничился телеграммой, согласованной с заместителем председателя Комитета по физкультуре и спорту Д. Постниковым:

«Берман Руан Франция

Дорогой господин Берман связи занятостью по работе

сожалею конце марта лишен возможности прибыть Париж. Присоединяюсь многочисленным любителям шахмат всего мира чтобы вместе помянуть добрым словом человека немало потрудившегося шахматной ниве заставившего своих современников по-новому оценить красоту шахмат — Привет — Ботвинник».

С того дня на кладбище Монпарнас к памятнику Александру Алехину приходили многие тысячи почитателей его таланта. Возлагая цветы, они вспоминали облик гения шахмат не только России и Франции, а всего мира, оставившего грядущим поколениям великое творческое наследие: партии и комментарии к ним, книги и статьи.

У могилы Алехина неоднократно совершались православными священниками заупокойные литии и панихиды с пением «Вечной памяти». Во время панихиды в апреле 1996 года десятый в истории шахмат чемпион мира Борис Спасский, проживающий с 1976 года в Париже, внес пожертвование на вечное поминовение Александра Алехина в Иоанно-Предтеченском скиту монастыря Оптиной пустыни близ Козельска Калужской области.

К сказанному остается лишь добавить, что 28 декабря 1999 года ураган, пронесшийся над Парижем и нанесший значительный ущерб столице Франции, разрушил и монумент Александру Алехину на кладбище Монпарнас.

Сотрудники посольства России во Франции проявили озабоченность по этому поводу и решили принять участие в восстановлении памятника Алехину. Они обратились за содействием к двенадцатому в истории шахмат чемпиону мира Анатолию Карпову. А тот, находясь в Азии, поручил заняться этим делом своему помощнику С. Е. Петелину. Позвонив видному шахматному деятелю СССР Виктору Давыдовичу Батуринскому, Петелин получил совет обратиться к автору этой книги. Я, разумеется, тут же откликнулся на эту просьбу и вручил Петелину ксерокопию своей статьи «Гений шахмат России и Франции…», опубликованной в десятом номере журнала «Шахматный вестник» за 1993 год. В ней подробно, на основе документов Государственного архива России излагалась история сооружения монумента Алехина, о которой читатели уже знают.

Посольство России во Франции выразило благодарность. Появилась надежда, что памятник Александру Алехину будет восстановлен в том виде, в котором был сооружен в 1956 году, а в ошибочные даты его рождения и кончины внесены изменения.

16 августа 2000 года Международная шахматная федерация обратилась с призывом к национальным федерациям и к мировой

шахматной общественности принять участие в восстановлении надгробия путем пожертвований. Стоимость реконструкции монумента определена в 22 тысячи долларов.

О ЧЕМ АЛЕХИН НЕ ЗНАЛ

Мы уже говорили о предстоящем в 1946 году матче на первенство мира между Александром Алехиным и Михаилом Ботвинником. Небезынтересно проследить, как развивались события в стане претендента. Обратимся к книге М. Ботвинника «У цели», вышедшей в 1997 году.

Там лидер советских шахматистов вспоминает, как по возвращении с АВРО-турнира в начале декабря 1938 года он, при посредничестве председателя правления Госбанка Булганина, передал письмо на имя председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова. В нем Ботвинник рассказывал о состоявшихся переговорах с Алехиным и испрашивал разрешение на матч с чемпионом мира.

Вскоре в Ленинграде фельдъегерь доставил ему правительственную телеграмму: «Если решите вызвать шахматиста Алехина на матч, желаем вам полного успеха. Остальное нетрудно обеспечить. Молотов».

Однако из-за противодействия руководства Комитета по делам физкультуры и спорта при Совмине СССР письмо Ботвинника Алехину было отправлено только спустя два месяца. Препятствовали матчу на протяжении семи лет и многие советские шахматные мастера. Одни говорили, «что Ботвинник слаб и во всех случаях проиграет Алехину», другие считали, что советский шахматист не должен играть с Алехиным, учитывая его политическую репутацию.

В июле 1939 года Алехин прислал ответ, в котором сообщал, что он принял вызов и все условия, кроме одного: вместо проведения всего матча в Москве, предлагалось вторую половину состязания провести в Лондоне.

По мнению Ботвинника, это затрудняло организацию матча, и он «написал Алехину вежливое, но твердое письмо, где настаивал, чтобы договоренность в Амстердаме была подтверждена и весь матч был бы в Москве…»

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, и первый этап переговоров о матче был на этом закончен; продолжены они были шесть лет спустя.

Далее Ботвинник в книге «У цели» пишет: «Во время войны готовился к матчу с Алехиным… Пришла мне в голову идея создать неофициальный «комитет» по подготовке к матчу с Алехиным — собрать группу друзей, которые бы своей деятельностью помогали организации матча и содействовали моей подготовке. Решил обратиться к Рагозину, Рохлину и

Гольдбергу…»

«В декабре 1943 года Ботвинник получил приглашение на обед к Борису Самуиловичу Вайнштейну, председателю Всесоюзной шахматной секции, полковнику НКВД, являвшемуся одним из руководителей этого всесильного наркомата… После обеда началось… Алехин — политический враг, играть с ним нельзя, надо лишить его звания чемпиона мира, советский чемпион обязан выполнить свой гражданский долг и первым потребовать исключения Алехина из шахматной жизни. Нужно ли перечислять все эти демагогические домыслы!..»

В 1945 году, после окончания войны, на заседании Всесоюзной шахматной секции Борису Вайнштейну была дана отставка с поста председателя секции. Однако, потеряв возможность влиять на судьбу матча между Алехиным и Ботвинником с опорой на шахматную организацию, Вайнштейн, злобно относившийся к чемпиону мира, все делал для срыва намечавшегося состязания по линии НКВД. В этом он имел единомышленника в лице генерал-лейтенанта Степана Соломоновича Мамулова, управляющего делами у Берии. «Матч Ботвинника с Алехиным не должен состояться», — заявляли они, кипя ненавистью к Александру Алехину.

Вскоре «Рагозин, посмеиваясь, — вспоминает Ботвинник, — показал мне копию письма Сталину (о матче с Алехиным), подписанного почти всеми видными советскими мастерами. Отказались подписать лишь два мастера: мотив — Ботвинник слаб, чтобы играть с Алехиным (они были приятелями Вайнштейна)».

«Осенью 1945 года появилось нашумевшее интервью Алехина в британском журнале «Чесс»: «Две войны разорили меня» (Алехин был в бедственном положении). Соль интервью состояла в том, что Алехин рассказал о наших переговорах в 1938–1939 годах и заявил, что готов играть матч с Ботвинником на согласованных ранее условиях.

Это облегчило задачу…

Вскоре последовало положительное решение правительства, и можно было действовать.

Я предложил, чтобы весь матч был проведен в Англии… предложение было принято, и переговоры начались.

Шли они со скрипом: оппозиция вновь открыла огонь… Я написал заявление в ЦК ВКП(б)…

Пришло письмо из Англии, от Дербишайра, президента Британской федерации, он сообщил, что в принципе англичане готовы провести матч (да это и понятно, призовой фонд обеспечивал Советский Союз), что он предлагает его начать в

августе, в Ноттингеме.

Я был не согласен со сроком матча, ибо мало времени оставалось на непосредственную, практическую подготовку».

Завершая на этом фрагментарное изложение книги М. Ботвинника «У цели», взглянем на проблему организации матча с иной позиции.

Когда Алехин получил официальный вызов на матч от Ботвинника и тут же дал согласие, а потом немедля согласовал с президентом Британской шахматной федерации Дербишайром вопрос о проведении этого состязания в Ноттингеме с 12 августа 1946 года, он, разумеется, не предполагал, что за этим последует длительная пауза. Время шло, а претендент хранил молчание.

Как показало изучение фонда № 7576 (Комитет по физкультуре и спорту при Совмине СССР) в Государственном архиве России, Михаила Ботвинника, готовившегося к этому поединку с 1938 года, вдруг охватило сомнение. Сумеет ли он одолеть чемпиона мира?

Эта неуверенность в исходе матча нашла отражение в «Проекте плана подготовки М. М. Ботвинника к матчу с Алехиным». В нем рассматривалось два варианта начала матча — с 12 августа 1946 года и с 3 февраля 1947 года. Первый вариант признавался крайне невыгодным, ибо у Ботвинника оставалось мало времени для подготовки к состязанию.

В том и другом варианте говорилось о необходимости проведения закрытого матча из 20 партий с Кересом, на что тот, тоже претендент, но с большими правами, вряд ли согласился бы без давления властей. Определялась также аналитическая и спортивная работа с Рагозиным, многолетним тренером Ботвинника, по особой программе.

Во втором варианте ставился вопрос о привлечении в помощь Ботвиннику еще пяти специалистов: мастера и шахматного организатора Якова Рохлина, мастера, а в будущем тренера Ботвинника в двух матчах на первенство мира Г. Гольдберга, тогдашнего председателя Всесоюзной шахматной секции, редактора журнала «Шахматы в СССР» В. Германа, шахматного историка, переводчика Н. Грекова, исследователя эндшпиля, знатока шахматной литературы И. Майзелиса. Таким образом, Ботвинник осуществил свою идею о создании неофициального «комитета» по подготовке к матчу с Алехиным. Он собирался опираться на целую команду специалистов, как и Эйве в 1935 году. Это, конечно, не был бы рыцарский поединок один на один, как предполагал Алехин.

Для своей подготовки к матчу с Алехиным Ботвинник требовал создания себе самых льготных условий: предоставление

полугодового отпуска по месту работы, ежемесячную материальную помощь, нахождение его вместе с группой привлекаемых специалистов и семьей в доме отдыха «Сосны» и в санатории, прикрепление автомашины и увеличение продовольственного лимита. Ставился вопрос о предоставлении ему и Рагозину новых квартир, о прикреплении к Лечсанупру Кремля, об обеспечении промтоварным снабжением и полной экипировке для поездки в Англию.

В «Проекте плана» все это настолько детально, педантично излагается, что авторство Ботвинника не подлежит сомнению. Он готовился к матчу с Алехиным очень обстоятельно и хотел заручиться максимальной поддержкой не только со стороны шахматных специалистов, но и со стороны властей.

У Алехина таких возможностей, разумеется, не было. Он мог рассчитывать только на себя.

В заключение этой главы еще одна фраза из книги Ботвинника «У цели»: «Не помню, успели ли мы отправить мой ответ в Англию (по поводу срока начала матча. Странная забывчивость в деле, которое Ботвинник считал главной своей целью. — *Ю. Ш.*). В воскресенье, 24 марта 1946 года, позвонил Подцероб (начальник Секретариата Наркоминдела СССР, друг Ботвинника. — *Ю. Ш.*): «Страшная новость. Три часа назад неожиданно умер Алехин».

ВЕРСИИ О КОНЧИНЕ АЛЕХИНА

Внезапная смерть Александра Алехина при не совсем ясных обстоятельствах вызвала немало версий. Их возникновение было обусловлено сомнениями в правильности эпикриза. В медицинском заключении причиной смерти называлась «асфиксия в результате закупорки дыхательных путей куском мяса», что было подтверждено при вскрытии в медицинской школе Лиссабона. Но даже доктор Антонио Феррейра, участвовавший еще студентом на вскрытии тела Алехина, написал впоследствии Джорджу Колтановски: «Откуда я знаю, что он умер именно так?»

Кроме того, фотоснимок покойного не совпадал с описанием обстановки, приведенной репортером местной газеты, побывавшим в номере отеля вскоре после того, как там обнаружили Алехина мертвым. Правда, подобные изменения могли произойти и по иной причине, без злого умысла. Известно, что существует два вида фотосъемок усопшего: один, наиболее достоверный, делается тут же для полиции в интересах следствия, а другой, с внесением некоторого порядка, — для прессы, если скончавшийся являлся известным, выдающимся деятелем, о котором будут публикации в периодических изданиях.

И все же автор книги не мог проигнорировать различные версии смерти Алехина и попробовал внести в них ясность, хотя никаких документальных подтверждений не нашел.

Появилась одна зацепка, способная потянуть весь клубок версий. Дело в том, что ныне в Париже живет весьма симпатичный 87-летний человек, чья молодость прошла в Эшториле. В беседе с известным русским гроссмейстером, просившим автора книги не называть его фамилию, он сказал, что в годы Второй мировой войны жил вместе с родителями в Эшториле. Его отец, крупный нефтяной предприниматель, эмигрировал при подходе немецко-фашистских войск из Румынии в Португалию. Семья осела в Эшториле. Молодой человек тогда проявлял интерес к шахматной игре и брал частные уроки у Александра Алехина.

Однажды поздно вечером ему домой позвонил полицейский и сказал, что его номер телефона он нашел в записной книжке человека, скончавшегося на улице. Полицейский высказал предположение, что это чемпион мира по шахматам Александр Алехин, и просил срочно приехать для опознания умершего.

Молодой человек тут же отправился на место происшествия и

с ужасом убедился в том, что лежащий на тротуаре человек без признаков жизни — Алехин.

Что было в дальнейшем с покойным, он не знает. Но получается, что полицейскими по указанию каких-то влиятельных лиц труп Алехина был перенесен в номер отеля и там была осуществлена инсценировка. С какой целью и в чьих интересах?

В поисках ответа приходится вспомнить версию об отравлении Алехина в ресторане, где он в тот злополучный вечер ужинал.

Говорят, что несколько лет назад в Эшториле скончался один из бывших официантов этого ресторана. Перед тем как испустить последний вздох, он признался окружающим родственникам, что давно терзается своей виной — отравлением в марте 1946 года Алехина. Он подсыпал ему яд в еду по приказу двух неизвестных официанту лиц, одетых в штатское и говоривших с акцентом. Они вручили ему вместе с ядом крупную сумму денег. Официант не устоял и выполнил приказ. А когда вернулся к тем лицам, они ему еще дали денег и пригрозили, чтобы он никому не говорил о содеянном. После этого неизвестные ушли, и официант никогда их больше не видел.

Если допустить мысль, что так оно и было в действительности, то становится понятно, почему Алехин при возвращении в отель, внезапно скончался на улице.

Об этих версиях писал и Михаил Ботвинник в статье, посвященной столетию Александра Алехина «Гений остается человеком», опубликованной во втором номере журнала «64 — Шахматное обозрение» за 1992 год: «Был слух, что он умер на улице. Лет 15 назад Б. Подпероб прислал мне статью из одного немецкого журнала — там сообщалось, что португальская полиция предполагала, что чемпион отравился. Но если это так, зачем после того, как он принял яд, надо было ужинать или гулять?»

Но кто осуществил это злодейство, использовав малодушие и алчность официанта, а затем свое влияние на полицейских? Кто стоял за ними, чей заказ они выполняли?

К сказанному следует добавить, что католический священник отказался от участия в погребении Алехина, так как на лице усопшего были следы, свидетельствовавшие о насильственной смерти. Этим, видимо, и объясняется трехнедельная задержка с захоронением Александра Алехина.

В Эшторил в 1946 году приезжала группа деятелей ФИДЕ, но ничего не сделала из-за неясности обстоятельств кончины Алехина и вскоре отбыла ни с чем.

Замечу еще, что несколько лет тому назад, при сносе в

Эшториле обветшавшего отеля «Парк», там была обнаружена подслушивающая аппаратура, установленная в номерах, вероятно, португальской полицией. Так что постояльцы этой гостиницы находились под негласным наблюдением. (Ныне на месте снесенного отеля «Парк» — комфортабельный отель «Палас».)

Документальных свидетельств убийства Алехина нет, и автор книги не может высказать свою точку зрения по этому поводу, дабы не услышать упреков в навязывании ничем не подтвержденных мнений. Может быть, время внесет ясность в обстоятельства кончины Александра Алехина, хотя уверенности в этом мало. Чем дальше мы уходим от той скорбной даты, тем, вероятно, труднее найти какие-то официальные подтверждения случившегося.

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

Более ста лет минуло с того дня, 31 октября 1892 года, когда в Москве родился Александр Александрович Алехин, гениальный русский шахматист, получивший всемирную известность. Он вырос и сформировался на творческих принципах русской шахматной школы, основоположником которой является М. И. Чигорин. Талант Алехина расцвел в кругу лучших мастеров России. Здесь он, в соперничестве с сильнейшими русскими и зарубежными шахматистами, добился в Санкт-Петербургском международном турнире 1914 года первого своего выдающегося успеха.

Шахматы были смыслом жизни Алехина, с ними он связывал все свои помыслы и действия. Он упорно шел к своей цели — завоеванию мирового первенства и достиг этого.

Алехин осуществил давнюю мечту шахматистов России и стал первым русским шахматистом, заслужившим звание чемпиона мира. Этот высокий титул он отстоял во многих состязаниях с сильнейшими гроссмейстерами и ушел из жизни непобежденным чемпионом.

Широк и многогранен талант Алехина, внесшего большой вклад в теорию и практику шахматного искусства.

В истории шахмат Александр Алехин навсегда останется величайшим художником, создавшим яркие произведения. Его партии, полные смелых замыслов и неистощимой фантазии, удивительных комбинаций и точных маневров, с восхищением воспринимаются любителями шахмат.

Идеи Алехина обогатили теорию шахмат и нашли свое отражение во всех стадиях шахматной партии: дебюте, миттельшпиле, эндшпиле.

Много ценного, поучительного несут в себе книги Алехина, изданные на разных языках. Особенно широкую популярность получили его труды «Международный шахматный турнир в Нью-Йорке 1924», «Мои лучшие партии», «Международный турнир в Нью-Йорке 1927», «На пути к высшим шахматным достижениям», «Ноттингем 1936».

В них Алехин предстает как один из лучших шахматных литераторов-теоретиков первой половины XX века. В комментариях к партиям, приведенным в этих книгах, он ярко, самокритично, в живой, общедоступной форме раскрывает читателю основные дебютные идеи, стратегические и тактические мотивы середины игры и дает четкий, лаконичный анализ получающихся окончаний. Примечательно, что в любой стадии

партии чувствуется острота комбинационного зрения Алехина.

Шахматное наследие Александра Алехина стало достоянием всего мира, к нему проявляют интерес шахматисты самой разной квалификации — от начинающих любителей до мастеров и гроссмейстеров. Идеями Алехина пронизано, в той или иной мере, творчество всех выдающихся шахматистов, ставших в послевоенные годы чемпионами мира.

Памяти Александра Алехина были посвящены международные турниры в Москве в 1956, 1971, 1975, 1992, 1996 годах и португальских городах Кашкайш в 1986 году и Эшториле в 1990 году. Во время последнего турнира состоялось торжественное открытие мемориальной доски на фасаде отеля, где прошли последние дни Алехина. А в 1998 году в Эшториле именем Александра Алехина была названа одна из новых улиц города.

Во многих странах мира шахматные клубы носят имя гениального русского гроссмейстера… Чтут память о нашем великом соотечественнике за рубежом…

Торжественно отмечалось мировой общественностью в 1992 году столетие со дня рождения Александра Александровича Алехина. Международная шахматная федерация (ФИДЕ) объявила 1992 год — годом Александра Алехина и в память о нем провела много различных мероприятий.

В Москве состоялось два торжественных вечера — в Доме ученых и в Парламентском центре России, а также был проведен международный шахматный турнир памяти Александра Алехина в Доме Союзов. На здании № 32 на Пречистенке установили мемориальную доску, говорящую о том, что здесь, в гимназии Л. И. Поливанова, с 1902 по 1910 год учился чемпион мира по шахматам Александр Алехин.

Сейчас ведется подготовительная работа по сооружению в Москве памятника гениальному русскому шахматисту.

Верность Алехина своему призванию — шахматам — достойна глубокого уважения, а его творческие, спортивные достижения — восхищения. История шахмат немыслима без имени — Александр Алехин.

ИЗ ЛЕТОПИСИ СЛАВНЫХ ПОБЕД ИЗБРАННЫЕ ПАРТИИ АЛЕКСАНДРА АЛЕХИНА

№ 1 Шотландская партия

А. Алехин — В. Розанов

Москва, 1907 год

Примечания А. А. Алехина даны с сокращениями.

1. e2–e4 e7–e5

2. Kg1–f3 Kb8–c6

3. d2–d4…

Ныне «старомодно»!

3. …e5:d4

4. Kf3:d4 Kg8–f6

5. Kd4:c6 b7:c6

6. Cf1–d3 d7–d5

7. e4:d5 c6:d5

8. 0–0 Cf8–e7

9. Kb1–c3 0–0

10. Ccl–g5 c7–c6

11. Фd1–f3 Cc8–g4

С очевидным намерением разменять белопольного слона белых. Неплохая идея.

12. Фf3–g3 Cg4–h5

13. Фg3–e5…

Теперь черные захватывают инициативу.

13. …Ch5–g6

14. Cd3:g6 h7:g6

15. Ла1–d1 Ce7–d6

16. Фe5–d4 Фd8–c7

17. Фd4–h4 Kf6–h7

18. Cg5–e3 f7–f5

19. f2–f4 Крg8–f7!

Черные играют очень энергично. Позиция белых выглядит крайне скомпрометированной и, учитывая, как слабо они играли до сих пор, вряд ли можно ожидать, что они благополучно выберутся из всех своих трудностей. После 20. Ф:h7 Лh8, понятно, теряется ферзь.

20. Ce3–d4 Лf8–h8 Если белые играют теперь 21. h3, то

последует 21. …Kf6 22. Ф:f2 Kh5 23. Ce3 g5 и т. д. с преимуществом у черных. Осознав, что единственная их надежда на спасение заключается в контратаке, белые глубоко задумались и нашли, что они могут поставить хорошо замаскированную ловушку.

21. Лd1–e1! …Вероятно, это еще хуже, чем 21. h3. После 21. …Kf6 ферзь не может отступить ни на f2 (22. …Л:h2!), ни на g3 (22. …Kh5), поэтому ответ белых вынужден.

21. …Kh7–f6

22. Фh5–g5 Kf6–g4 Кажется, что следующим ходом 23. …Лh5 черные выигрывают ферзя. Не допустив этой ошибки, они сохранили бы лучшие перспективы, хотя белые располагали бы определенными возможностями сопротивления (лучшим продолжением для черных Алехин считал 22. …Лae8).

23. Лe1–e6!!… Этот изящный ход служит вступлением к контратаке, которую нелегко отразить.

23. …Kpf7:e6

24. Фg5:g6+ Крe6–d7

25. Фg6:f5+ Крd7–d8

26. Ф:g4…

Теперь у белых две пешки за качество, а позиция черного короля небезопасна.

26. …Cd6–f8

27. Лf1–e1 Фc7–d7

28. Фg4–g5+ Крd8–c7

Если 29. C:g7+, то 29. …Cc5+ 30. Крh1 Лag8 31. Ce5+ Крb7

32. Фf6 Л:h2+ и мат в два хода.

29. Ле1–е3 Крс7–b7

30. Кс3–а4 Ла8–е8

31. Ле3–b3+ Крb7–а8

При взгляде на эту позицию никогда не подумаешь, что черные рокировали в короткую сторону.

32. Фg5–g3 Лh8–h6

33. Фg3–d3 Лh6–е6

Значительно лучше предложить размен ладей. После 33. … Лb8 34. Л:b8+ Кр:b8 35. Сс5+ Крс8! 36. Фd4! перспективы белых оставались блестящими, но катастрофа, постигшая черных в партии, была бы предотвращена.

34. Cd4–e5 c6–c5

35. Лb3–b5 Ле8–с8

36. c2–c4! a7–a6

37. Ка4–b6+ Ле6:b6

38. Лb5:b6 Крa8–a7

39. Фd3–g6 Фd7–a4

40. Лb6b3 Фa4–c6

41. Фg6–f7+ Крf7–a8

42. c4:d5

Черные сдались.

№ 2 Защита Филидора

К. Барделебен — А. Алехин

Дюссельдорф, 1908 год

Примечания А. А. Алехина.

1. e2–e4 e7–e5

2. Kg1–f3 d7–d6

3. d2–d4 Kb8–d7

4. Cf1–c4 c7–c6

5. d4:e5 d6:e5

6.Cc1–e3…

Белые хотели предупредить ход 6. …Сс5

6… Cf8–e7

7. Kb1–c3 Фd8–c7?

В данный момент этот ход не нужен. Логичнее было продолжать развитие путем 7. …Kf6 и 8. …0–0.

8. a2–a4 Kd7–c5

И сейчас естественней и лучше был ход 8. …Kf6

9. b2–b4?…

Двойная ошибка. Белые, во-первых, без всякой компенсации

ослабляют свои пешки на ферзевом фланге, а во-вторых, упускают возможность добиться преимущества путем 9. Kg5 Kh6 10. h3!

9. …Кc5–e6

10. Ла1–b1 Kg8–f6

11. 0–0 0–0

12. Kf3–e1…

По-видимому, идея этого хода в том, чтобы на f3…Лfd8 сыграть 13. Kd3. Однако, если бы белые предвидели ответ противника, они бы предупредили последовавший выпал ходами 12. Cd3 или 12. Ce2, хотя и тогда черные путем 12. …Лfd8 и 13. … Kd4 добились лучшей позиции.

12. …b7–b5!

В связи со следующим ходом — лучший способ использования ошибки белых на 9-м ходу, а также неудачной позиции их ферзевого коня. Ясно, что в случае 13. ab cb белые остаются без фигуры.

13. Cc4–d3 a7–a5

14. a4:b5…

У белых, в сущности, нет выбора, так как после 14. a4 b4 15. Ke2 Ф:a5 пешка a4 вряд ли защитима.

14. …a5:b4

15. b5–b6…

Вынужденный ход, так как иначе белые потеряли бы пешку.

15. …Фc7–b7

16. Кc3–e2 c6–c5

Именно эту позицию я имел в виду, делая свой двенадцатый ход, и предполагал, что она обеспечит черным решающее преимущество. Однако у белых есть еще скрытые ресурсы зашиты.

17. c2–c3!…

Белые теперь не только избавляются от слабой пешки «с», но и косвенно парируют угрозу пешке e4, так как на 17. …К:e4 последовало бы 18. cb cb 19. Кc2 с довольно приличными контршансами у белых.

17. …Cc8–d7

Сильнейшее продолжение. Черные собираются на ход 18. f3 ответить 18. …Ca4 19. Кc2 Лac18, сохраняя преимущество. Поэтому белые решают защитить пешку e4 конем, согласившись предварительно на невыгодный для них пешечный размен на ферзевом фланге.

18. c3:b4 c5:b4

19. Ke2–g3 Ke6–c5

Этим ходом черные нападают, по существу, сразу на две пешки. Белые вполне основательно решают сохранить проходную

пешку.

20. Cd3–c4 Кc5:e4

Плохо было бы 20. …Ф:b6 из-за 21. Кd3! с достаточной позиционной компенсацией у белых.

21. Кg3:e4 Кf6:e4

Сильнее, нежели 21. …Ф:e4, на что белые ответили бы 22. Фd3!

22. Cc4–d5…

Вызываемое этим ходом упрощение игры выгодно только черным. Следовало играть 22. Фd5, после чего исход борьбы был бы еще не ясен. Например: 22. …Cc6 23. Ф:e5 Cd5 24. Ф15 Лae8 или 22. …Ф:d5 23. С:d5 Кc3 24. С:a8 К:b1 25. Ce4.

22. … Cd7–c6

23. Cd5:c6 Фb7:c6

24. Фd1–h5…

Этот ход ведет к быстрому проигрышу. Но и после лучшего хода 24. Фf3 черные, играя 24. …Фc4, добивались подавляющей позиции.

24. …Кe4–c3

25. Лb1–b2…

На 25. Лc1 последовало бы оттеснение ферзя ходами g7–g6 и f7–f5 и затем Кe2+.

25. …Фe6–b5!

Черные подготавливают последовавшую комбинацию с выигрышем качества. Если бы белые попытались ее предотвратить ходом 26. g3, то черные продолжали бы 26. …Лa1 с последующим триумфальным продвижением проходной пешки.

26. Кe1–f3 Кc3–e2+

27. Лb2:e2…

Вынужденно, так как на 27. Крh1 последовало бы 27. …Кg3+

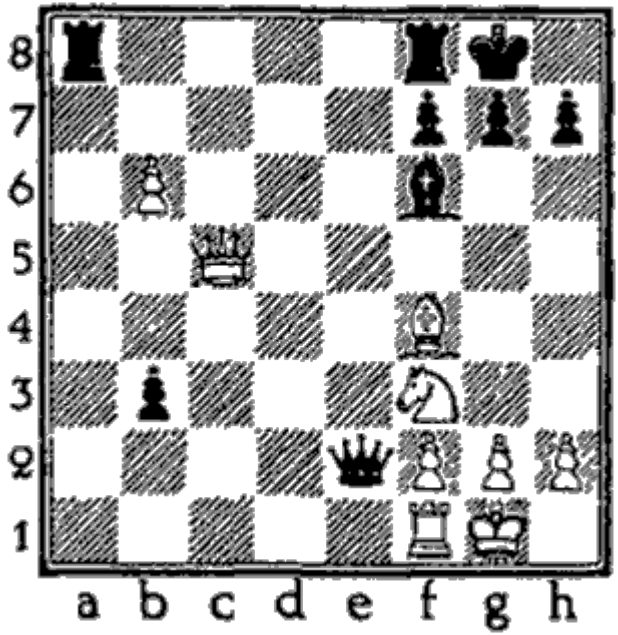
27. …Фb5:e2

28. Фb5:e5 Ce7–f6

29. Фe5–c5 b4–b3

30. Ce3–f4…

Последняя надежда белых на продвижение своей проходной пешки.



30. …Лf8–e8!

Заключавшаяся в этом ходе угроза не была учтена белыми.

31. b6–b7 Фe2:f1

32. Крg1:f1 Ла8–a1 +

33. Сf4–c1 b3–b2

Белые сдались.

№ 3 Венская партия

А. Алехин — Б. Грегори

Санкт — Петербург, 1909 год

Примечания А. Алехина.

1. e2–e4 e7–e5

2. Кb1–c3 Кg8–f6

3.Сf1c4 Кb8–

[лакуна стр. 217-232 отсутствуют]

С:c5 16. Сd3 Кf6 17. Ке4 или 15. …К:c5 16. Ке5 и т. д.

16. Кc3–e4!…

Жертва пешки — единственная возможность для белых сохранить инициативу. Попытка защитить пешку c5 ходом b4 была бы неудачной, так как пешка b4 не может быть поддержана пешкой a. Например: 16. Ке2 Фh6 17. b4a5!

16… Кd7:c5

Если 16. …С:с5, то 17. Кg5 g6 (вынуждено, ибо если 17. …Кf8, то 18. Сd3 и белые выигрывают) 18. Лfe1! Кf6 19. g3 Фd6 20. Лed1 Фе7 21. Ке5 и у белых сильнейшая атака. Ход в тексте упрощает игру и оставляет черным некоторую надежду на спасение.

17. Ке4:с5 Се7:с5

18. Сс4–d3 b7–b6

Если 18. …Сd6, то 19. С:h7 + в связи с Лf1–d1 и угрозой Лd4.

19. Сd3:h7 + Крg8—h8

Этот естественный ход (а вовсе не следующий, как утверждает большинство комментаторов) является решающей ошибкой. После 19. …Крf8! положение короля было бы не так опасно, и белым, несмотря на их позиционное преимущество, отнюдь не легко было бы добиться выигрыша.

20. Сh7–e4 Ла8–a7

Немного лучше было 20… Лаb8, хотя и в этом случае белые добились бы огромного преимущества в положении путем 21. g3 Фf6 22. b4 Сd6 (иначе 23. Фс7) 23. Лfd1 Фе7 24. Сс6 Лed8 25. Лd4 g6 26. Фd2! Крg7 27. Лcd1 и т. д. Или 21. … Фd6 22. Лfd1 Фе7 23. Ке5 Фс7 24. Фb3 a5 25. Сс6 в связи с 26. Фf3 и т. д.

21. b2–b4!…

С этого момента и до конца черные уже не могут передохнуть. Ясно, что брать пешку b4 нельзя из-за Ф:с8 и т. д.

21. …Сс5–f8

Единственный ход.

22. Фс2 — с6…

Нападая и на ладью, и на пешку b. Ответ черных — единственный, защищающий и то, и другое.

22. … Ла7–d7

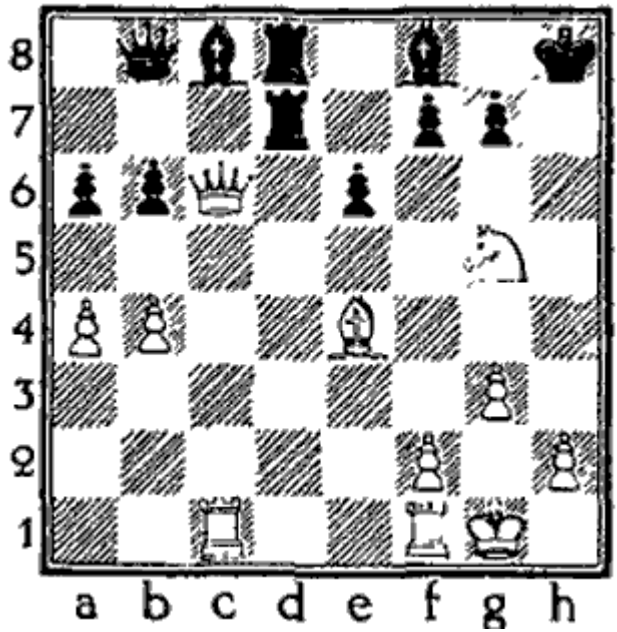
23. g2–g3! Фf4–b8

После другого возможного хода 23. …Фd6 белые могли выиграть двумя способами: I. 24. Лfd1 Ф:d1 + (или 24. …Ф:с6 25. С:с6 Лd1 + 26. Л:d1 Ле7 27. Лd8 и выигрывают) 25. Л:d1 Л: d1 + 26. Крg2 Сd7 27. Ф:b6 С:a4 28. Ф:a6 Сd7 29. Кg5 Крg8 30. Фе2 и т. д. II. 24. Фс4 Крg8 (или 24. …Фе7 25. Ке5! Лdd8 Сс6! и выигрывают) 25. Сс6 Лdc7 26. Лfd1 Фе7 Фd3! и т. д.

24. Кf3–g5!…

Грозя 25. К:f7 + .

24. …Ле8–d8



25. Ce4–g6!…

Решающий удар! Если черные берут слона, то получают мат следующим образом: 26. Фе4 C:b4 27. Фh4 + Крg8 28. Фh7 + Крf8 29. Фh8 + Кре7 30. Ф:g7 + Кре8 (или 30. …Крd6 31. Лfd1 + и мат в следующий ход) 31. Фg8 + Cf8 32. Ф:g6 + Кре7 33. Ф:e6х. Подобные же варианты получаются после 25. …Cb7 26. Фc4. Черные, следовательно, вынуждены отдать качество, после чего их партия безнадежна.

25. …Фb8–e5
26. Кg5:f7 + Лd7:f7
27. Cg6:f7 Фe5–f5
28. Лf1–d1!…

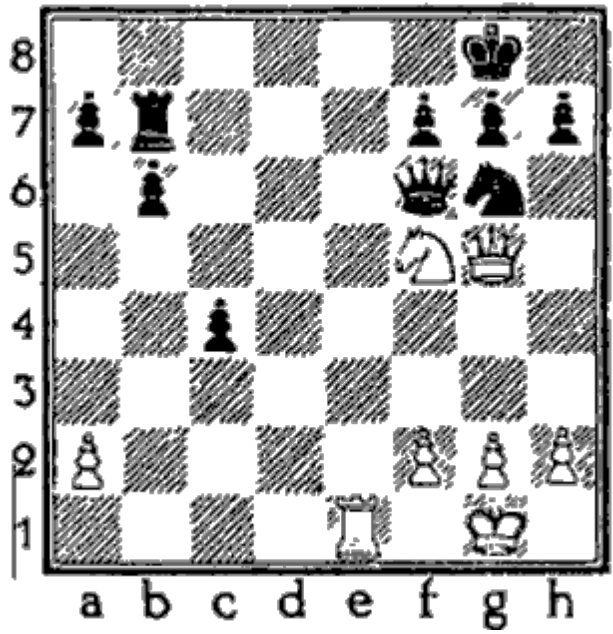
Просто и решительно!

28. …Лd8:d1 +
29. Лc1:d1 Фf5:f7
30. Фe6:c8 Крh8–h7
31. Фc8:a6 Фf7–f3
32. Фa6–d3 +

Черные сдались.

№ 16 Окончание партии

А. Алехин — С. Фримен
Нью-Йорк, 1924 год
Сеанс вслепую



23. Ле1–е8+ Кg6–f8
24. Кf5–h6+! Фf6:h6
25. Ле8:**f8+! Крg8**:**f8**
26. Фg5–d8x

№ 17 Дебют Рети

Р. Рети — А. Алехин
Баден-Баден, 1925 год
Примечания А. А. Алехина.
1. g2–g3 e7–e5
2. Kg1–f3…

Получается зашита Алехина в первой руке, причем белые использовали свой первый ход для подготовки фианкетто королевского слона.

2. …e5–e4
3. Kf3–d4 d7–d5
4. d2–d3 e4:d3

Продолжение 4. …c5 5. Kb3 ed 6. Ф:d3 или 6. …cd было бы только выгодно белым.

5. Фd1:d3 Kg8–f6
6. Cf1–g2 Cf8–b4+

Желая провоцировать 7. c3, после чего в случае e2–e4 станет слабым поле d3. Поэтому ответ белых вполне правильный, тем более что он ускоряет их развитие.

7. Cc1–d2 Cb4:d2+

8. Kb1:d2 0–0

9. c2–c4!…

Этим белые обеспечивают себе длительную инициативу на ферзевом фланге.

9. …Kb8–a6

Лучше всего.

10. c4:d5 Ka6–b4

11. Фd3–c4 Kb4:d5

12. Kd2–b3 c7–c6

13. 0–0 Лf8–e8

14. Лf1–d1 Cc8–g4

15. Лd1–d2…

После 15. h3 черные попадали слоном через h5 и g6 на e4.

15. …Фd8–c8

16. Kb3–c5 Cg4–h3!

17. Cg2–f3…

Принятие предлагаемой черными жертвы пешки приводило к катастрофе: 17. C:h3 Ф:h3 18. K:b7 Kg4 19. Kf3 Kde3 20. fe K:e3 21. Ф:f7+ Kph8! 22. Kh4 Лf8, и черные выигрывают.

17. …Ch3–g4

Теперь перед белыми встает неприятная альтернатива. Допустить размен слонов им явно невыгодно, так как это ослабило бы позицию их рокировки, что давало черным по меньшей мере уравнение; а между тем повторение ходов, приводящее к ничьей, означало бы с их стороны косвенное признание того, что их новая дебютная система не увенчалась успехом. Поэтому остается лишь скромно отойти слоном на h1, на что белые в конце концов и решаются, но благодаря этому черные выигрывают важный темп.

18. Cf3–g2 Cg4–h3

19. Cg2–f3 Ch3–g4

20. Cf3–h1 h7–h5!

С целью ослабить пункт g3. Теперь начинается острая борьба.

21. b2–b4 a7–a6

22. Лa1–c1 h5–h4

23. a2–a4 h4:g3

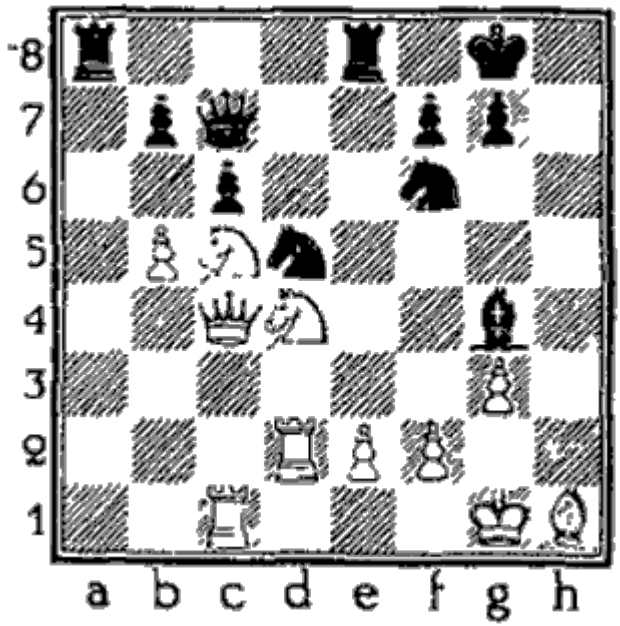
24. h2:g3 Фd8–c7

25. b4–b5…

Последовательно, но чересчур смело. Посредством 25. e4 Kb6 26. Фb3 белые могли предупредить атаку на своего короля. Однако черные в этом случае посредством 26. …Лad8 или 26. … Kbd7 успевали укрепиться на ферзевом фланге.

25. …a6:b5

26. a4:b5…



26. …Ле8–е3!

Брать эту ладью и теперь и позже строго воспрещается. Если 27. fe, то 27. …Фg3+ 28. Cg2 К:e3, матуя. Белый король внезапно оказался в большой опасности.

27. Kd4–f3…

Этот, казалось бы, естественный ход удивительным образом ведет к проигрышу. Однако и при лучших ответах белых черным по меньшей мере была гарантирована ничья. Например: 27. Kph2 Лаа3! 28. Kcb3! Фе5! 29. bc bc и нельзя 30. fe? из-за 30. …Фh5+ 31. Kpg1 Фb3! и черные выигрывают. Или 27. Cf3! C:f3 28. ef cb 29. К:b5 Фа5! с прекрасными перспективами, так как на 30. Л: d5 последует 30… Ле1+ 31. Л: e1 Ф:e1+ 32. Kpg2 Ла1 с выигрышем. Положение отличается чрезвычайной сложностью и насыщено красивыми комбинациями.

27. …c6:b5

28. Фc4: b5…

На 28. Фd4 последовало бы 28. …Ла4.

28. …Kd5–c3!

29. Фb3:b7

На 29. Фc4 черные посредством b7–b5 выигрывали по меньшей мере пешку.

29… Фc7:b7…

Ошибкой было бы 29. …К:e2+ из-за 30. Л:c2 Ф:b7 31. Л:c3! с шансами на ничью.

30. Kc5:b7 Kc3:e2+

31.Крg1–h2…

Если 31. Крf1. то К:g3+ 32. fg С:f3 33. С:f3 Л:f3+ 34. Крg2 Лаа3 35. Лd8+ Крh7 36. Лh1+ Крg6 37. Лh3 Лfb3, и черные выигрывают.

31. …Кf6–e4!

Выигрывающий ход! Белые все еще не могут брать ладью, так как после 32. …К:d2 они проигрывают качество. Их следующий ход причиняет еще черным затруднения.

32. Лс1–с4! Ке4:f2

Недостаточно как 32. …К:d2 из-за 33. К:d2! так и 32. …С:f3 из-за 33. Л:e4.

33. Сh1–g2 Сg4–e6!

Начало 10-ходовой комбинации, рассчитанной на выигрыш фигуры.

34. Лс4–с2…

Очевидно, вынужденно.

34. …Кf2–g4+

35.Крh2–h3 Кg4–e5+

36. Крh3–h2 Ле3:f3!

37. ЛА2:e2 Ке5–g4+

38. Крh2–h3 Кg4–e3+

39. Крh3–h2 Ке3:с2

40. Сg2:f3 Кс2–d4!

Заключительный удар. На 41. Ле3 (или 41. Лf2) последует 41. …К:f3+ 42. Л:f3 Сd5, выигрывая коня. Белые сдались.

№ 18 Новоиндийская защита

А. Алехин — Ф. Маршалл

Нью-Йорк, 1927 год

Примечания А. А. Алехина даны с сокращениями.

1. d2–d4 Кg8–f6

2. с2–с4 e7–e6

3. Кg1–f3 Кf6–e4

Этот преждевременный выпад коня убедительно опровергается.

4. Кf3–d2…

С намерением разменяться на e4 и развить другого коня на с3.

4. …Сf8–b4

Ловушка: если теперь 5. а3…, то 5. …Фf6! с немедленным выигрышем.

5. Фd1–с2 d7–d5

6. Кb1–c3 f7– f5

7. Кd2:e4 f5:e4

8. Сc1–f4 0–0

9. e2–e3 c7–c6

Черные отражают угрозу белых вынудить размен слона на коня путем 10. a3 (10. …Cd6? 11. С:d6 с последующим 12. cd ed 13. К:d5!).

10. Cf1–e1 Кb8–d7

11. a2–a3 Это продолжение проще, чем 11. 0–0 Кf6 12. f3 Кh5! 13. fe К:f4 14. Л:f4 Л:14 15. ef dc.

11. …Cb4–e7

В случае размена на c3 черные поля в расположении черных были бы непоправимо слабы.

12. 0–0 Ce7–g5

13. f2–f3 Cg5:f4

14. e3:f4 Лf8:f4

Если вместо этого 14. …ef, то 15. Л:f3 Кf6 16. c5!… с печальными перспективами у черных ввиду слабости пункта e6. Ходом в партии (в связи с тремя следующими) Маршалл пытается спасти свою пошатнувшуюся позицию, возлагая надежды на завязывающуюся комбинационную борьбу.

15. f3:e4 Лf4:f1 +

16.Ла1:f1 e6–e5

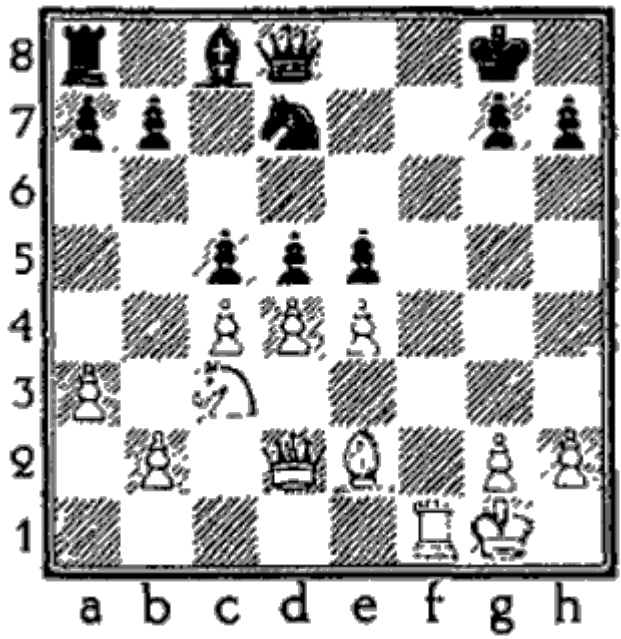
Это ведет к драматическим осложнениям. После 16. …dc 17. С:c4 Кb6 белые получили бы преимущество ходом 18. Фf2!

17. Фc2–d2!…

Начало решающей комбинации. Ясно, что как 17. de d4, так и 17. cd… (или 17. ed…) 17. …ed непосредственно еще ничего не давало.

17. …c6–c5

У черных не было выбора, так как очевидно, что всякий размен в центре выгоден лишь для соперника, а в случае 17. … Фb6 белые имели в виду следующий, ведущий к выигрышу вариант: 18. c5 Фa5 19. ed ed 20. b4! dc 21. Фg5 Фc7 22. d6!… и т. д.



18. d4:e5! d5–d4

19. Фd2-f4!…

Несомненно, самый быстрый и самый верный путь к выигрышу. Неясно было бы в позиции на диаграмме 18. К:d5 cd 19. Фb4 из-за 19. …Кf6 (если же 19. Кd5, то 19. …К:e5 с последующим Фd6 и т. д.).

19. …d4:c3

Вынужденно.

20. Фf4–f7 + Крg8–h8

21. b2:c3!…

Этот тихий ход является истинной тонкостью всей комбинации, в то время как после напрашивающегося 21. e6… в распоряжении черных имелась защита: 21…. Кf6 22. e7 Фg8! 23. Л:f6 Сg4! 24. Ф:g8 + Кр:g8 25. Лd6 Лe8! и т. д.

21. …Фd8–g8

22. Фf7–e7 h7–h6

Защищаясь по крайней мере от одной из угроз (23. e6 Кf6 24. e7 Кh7!).

23. Сe2 — h5!…

Решающий удар.

23. …a7–a5

Или 23. …Ф:c4 24. Сf7; если же 23. …Крh7, то 24. …e6 Кb6 25. Лf8… с выигрышем.

24. e5–e6 g7–g6

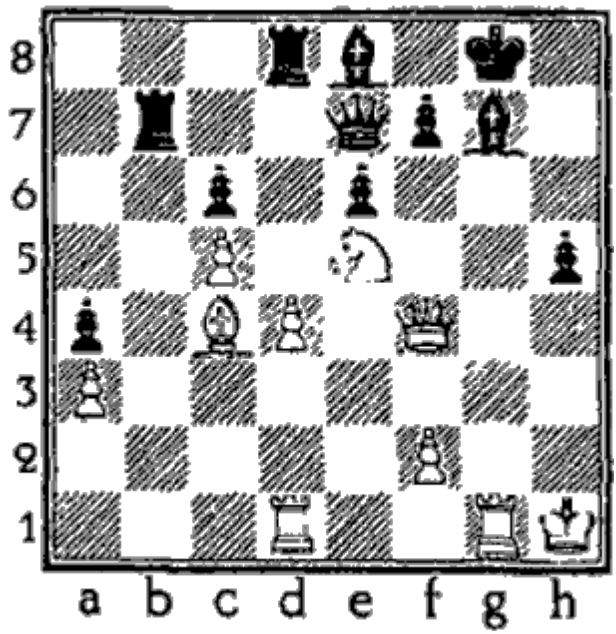
25. e6:d7 Сc8:d7

25. Лf1–f7

Черные сдались.

№ 19 Окончание партии

А. Алехин — Л. Асталош
Кечкемет, 1927 год



40. Лg1:g7 +! Крg8:g7
41. Лd1–g1 + Крg7–h7
42. Кe5:a7!

Гвоздь заключительной комбинации. Если 42. …Ф:f7, то 43. Сd3 + Фg6 44. С:g6 + С: g6 45. Л:g6 Кр:g6 46. Фe4 + Крg7 47. Фe5 + … и после нескольких шахов черные теряют одну из ладей.

Черные сдались.

№ 20 Отказанный Ферзевый гамбит

Х. Р. Капабланка — А. Алехин
Буэнос-Айрес, 1927 год

Примечания А. А. Алехина приведены с сокращениями.

1. d2–d4 d7–d5
2. c2–c4 e7–e6
3. Кb1–c3 Кg8–f6
4. Сe1–g5 Кb8–d7
5. e2–e3 Сf8–e7

6. Kg1–f3 0–0

7. Ла1–с1 a7–a6

8. a2–a3 h7–h6

9. Cg5–h4 d5:c4

10. Cf1:c4 b7–b5!

Убедительно опровергая пассивный 8-й ход белых.

11. Cc4–e2 Cc8–b7

12. 0–0…

В случае 12. b4 черные получили бы инициативу посредством 12. …a5! 13. Фb3 ab 14. ab g5 15. Cg3 Kd5.

12. …c7–c5

13. d4:c5 Kd7:c5

14. Kf3–d4

Поскольку у белых нет ни малейшего преимущества, наиболее логичным для них было бы упростить положение путем 14. Ф:d8 Лf:d8 15. Лfd1. Ошибочно было бы 14. C:f6 C:f6 15. K:b5 ввиду 15. …Ф:d1 16. Лf:d1 Kb3 17. Лc7 C:f3 18. C:f3 ab 19. C: a8 Л:a8 к выгоде черных.

14. …**Ла8–с8**

Предотвращая навсегда угрозу K:b5.

15. b2–b4…

Ослабляет без надобности поле c4. Проще было бы 15. Cf3 Фb6 16. Фe2.

15. …Kc5–d7!

16. Ch4–g3…

Относительно лучший ход, ибо на 16. Cf3… был заготовлен вариант 16. …Фb6 17. Ke4 Л:c1 18. Ф:c1 Лc8 с преимуществом, так как у белого ферзя отсутствуют хорошие поля для отступления.

16. … Kd7–b6

17. Od1–b3…

Чтобы на 17. …Kc4 ответить 18. Лfd1 Фb6 19. a4.

17. …Kf6–d5

Сильный ход, связанный с позиционной угрозой 18. …K:c3 19. Л:c3 Cd5 20. Фb2 Л:c3 21. Ф:c3 Фa8 и затем Лc8 с преимуществом у черных. Ответ белых, в сущности, вынужден.

18. Ce2–f3 Лc8–c4!

19. Kc3–e4 Фd8–c8

20. Лc1:c4…

Серьезная позиционная ошибка, после которой черные, используя грозную позицию коня на c4, овладевают всем ферзевым флангом, а затем и центром. Правильно было 20. Фb1… с угрозой 21. Kd6 или 21. Cd6.

20. …Kb6:c4

21. Лf1–c1 Фc8–a8!

Угрожая взять конем d5 пешку b4 или e3. В связи с этим белые вынуждены эвакуировать центр, и их позиция ухудшается.

22. Кe4–c3…

На 22. Кc5… последует 22… С:c5 23. be Лc8 24. Сe2 Л:c5 25. С:c4 Фc8 с выигрышем пешки.

22. …Лf8–c8

С угрозой 23. …Кd2.

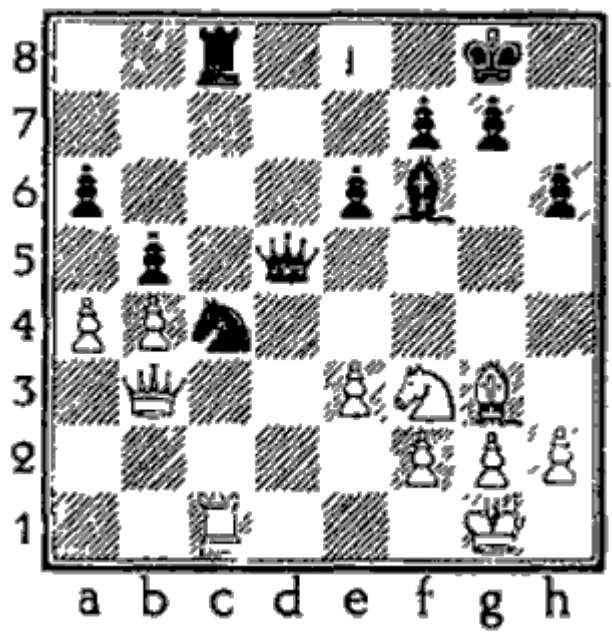
23. Кc3:d5 Сb7:d5

24. Сf1:d5 Фa8:d5

25. a3–a4 Сe7–f6

26. Кd4–f3…

Конечно, не 21. …Лd1 из-за 26. …ba 27. Ф:a4 Кb2 28. Ф:a6 Лa8, и черные выигрывают.



26. …Сf6–b2!

С намерением сыграть e6–e5, не ограничивая подвижность своего слона. Тактическое основание этого хода базировалось на вариантах: а) 27. Лd1 ba! 28. Ф:a4 Кb6 29. Л:d5 К:a4 30. Лd1 Кc3 31. Лe1 Лc4 32. Сd6 Кe4 33. Сe7 f6 34. Лb1 Крf7 35. Крf1 Сc3 с легким выигрышем в эндшпиле или б) 27. Лb1 Ка3! 28. Ф:b2 К:b1 29. Ф:b1 Фb3 30. Фf1 ba 31. h3 a3 и черные выигрывают.

27. Лc1-e1 Лc8-e8

28. a4:b5 a6:b5

29. h2–h3…

«Запасной выход», безусловно, необходим.

29. …e6–e5

30. Ле1–b1 e5–e4!

Это решает.

31. Kf3–d4…

Не лучше и другие отступления коня. После а) 31. Ке1… черные выигрывали путем 31. …Фd2 32. Фс2… (на 32. Крf1 Ла8 33. Лd1 Ла3), — 32. …Ф:с2 33. К:с2 Лd2 34. Ке1 Ка3, а на б) 31. Kh2… следовало 31. …Фd3! 32. Л:b2 Ф:b3 33. Л:b3 Лd1 + 34. Kf1 Kd2 35. Ла3 К:f1! с технически легко выигранным эндшпилем.

31. …Cb2:d4 Лb1–d1

Проигрывает немедленно, однако и в случае 32. cd Ф:d4 партия не могла бы длиться долго.

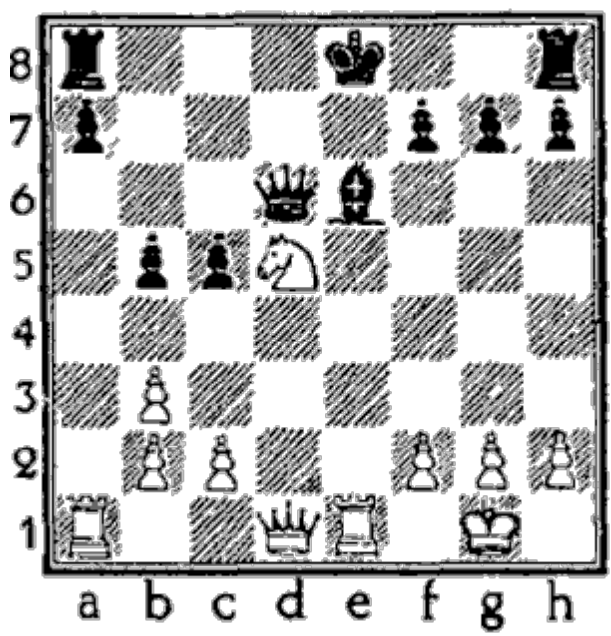
32. …Кс4:e3!

Белые сдались.

№ 21 Окончание партии

А. Алехин — П. Потемкин

Париж, 1925 год. Сеанс вслепую



20. Ла1–a6!…

Комбинация, начатая этим ходом, приводит к цели гораздо быстрее, чем прозаическое 20. Kf6 + Крe7 21. Ф:d6 + Кр:d6 22. Кс4 + … с выигрышем пешки и затяжным эндшпилем.

20. …Фd6–d8

И на 20 …Фd7 также решало 21. Л:e6, например. 21. …fe 22. Л:e6 + Крd8 23. Ле7 Фd6 24. Фd2 a5 25. Л:g7 h6 26. Лg6 Фd7 27.

ФГ4… и белые выигрывают.

21. Ле1:е6+! f7:e6

22. Ла6:е6+ Кре8–f7

23. Ле6–е7+ Фd8:e7

Если 28. …Крg8, то 29. Фg4, и белые выигрывают.

24. Kd5:e7 Крf7:e7

25. Фd1–e2+ Кре7–a7

26. Фе2–h5+!…

Маленькая тонкость: белые хотят не только выиграть пешку, но и выманить наружу неприятельского короля.

26. …Крf7–f6

27. Фh5:c5 Лh8–d8

26. g2 — g4!

Черные сдались.

Белые посредством угрозы Фf5+ выигрывают еще одну пешку, после чего сопротивление становится безнадежным.

№ 22 Французская защита

А. Алехин — А. Нимцович

Блед, 1931 год

Комментарии А. А. Алехина.

1. e2–e4 e7–e6

2. d2–d4 d7–d5

3. Kb1–c3 Cf8–b4

4. Kg1–e2 d5:e4

5. a2–a3 Cb4:c3+

Также ход 5. …Се7 достаточен для уравнения игры.

6. Ке2:c3 f7–f5

Сыграно против всех принципов разумной дебютной стратегии, поскольку черные поля в расположении черных станут очень слабыми, особенно после размена чернопольного слона. Правильный ответ, который обеспечивает черным по меньшей мере равную игру, это 6. …Ке6! и если 7. Cb5, то 7. …Ке7 с последующим 0–0.

7. f2–f3…

Жертва второй пешки заманчива и, вероятно, правильна, однако она не обязательна, так как белые могли получить отличную игру без всякого риска, играя сперва 7. Cf4, и если 7. … Kf6, то тогда уж 8. f3 ef 9. Ф:f3, после чего ход 9. …Ф:d4 опровергался бы посредством 10. Kb5.

7. …e4:f3

8. Фd1:f3 Фd8:d4

В противовес мнению теоретиков, я считаю, что этот ход столь же хорош (или столь же плох), как и 8. …Фb4+ 9. g3 Ф:d4; в последнем случае белые сыграли бы 10. Кb5, и у черных не было бы защиты 10. …Фh4+. 11. g3 Фе7. Теперь же в случае 9. Кb5 такая защита у черных имеется.

9. Фf3–g3!…

Отнюдь не очевидное продолжение атаки. Главные угрозы белых — это 10. Кb5 (10. …Фе4+ 11. Се2) или 10. Сf4 (е3).

9. …Кg8–f6

Этот смелый ход является лучшим шансом черных. Неудовлетворительно было бы 9. …Ке7 ввиду 10. Се3! Фf6 11. 0–0–0 к выгоде белых.

10. Фg3:g7 Фd4–e5+?

Не последовательный и потому проигрывающий ход. Чтобы сохранить контршансы, черные должны были отдать также пешку с7, так как после 10. …Лg8 11. Ф:с7 Ке6 не выигрывает 12. Кb5 из-за 12. …Фh4+! 13. g3 Фе4+ 14. Крf2 Ф:с2+ с последующим Ке4. Ход в партии позволяет белым выиграть темп для развития, что в такой напряженной позиции является решающим фактором.

11. Сf1–e2 Лh8–g8

12. Фg7–h6 Лg8–g6

13. Фb6–h4…

Белым незачем защищать свою пешку g2 ходом 13. Фh3, так как в случае 13. …Л:g2 решает 14. Сf4.

13. …Сс8–d7

14. Сс1–g5 Сd7–c6

15. 0–0–0 Се6:g2

В нормальных условиях это взятие можно было бы назвать ошибкой, однако, учитывая огромное преимущество белых в развитии, следует признать, что черным уже нечего терять. Если, например, 15. …Кbd7, то и в этом случае белые ответили бы 16. Ле1 с последующим ходом слона.

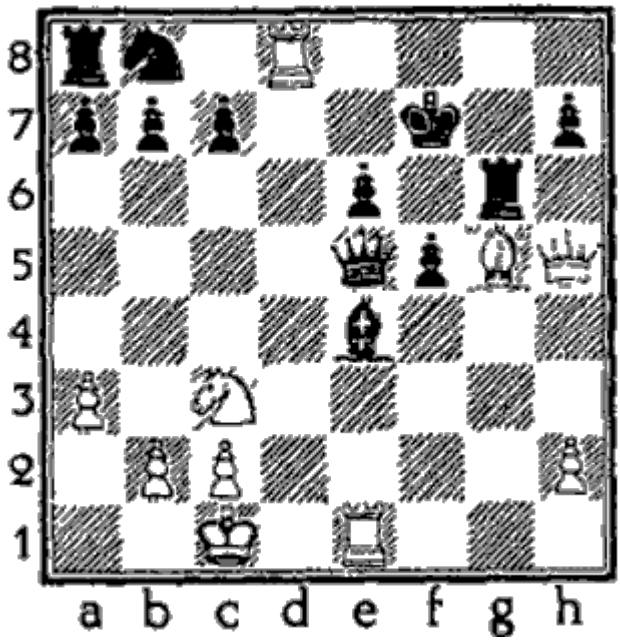
16. Лh1–e1 Сg2–e4

17. Се2–h5 Кf6:h5

18. Лd1–d8+ Крe8–f7

19. Фb4:b5

Черные сдались.



Нимцович совершенно правильно здесь сдался, так как у черных уже нет хороших ходов. 19. …Крg7 привело бы к потере ферзя после 20. Ке4 fe 21. Ch6+. Это был, я полагаю, наиболее быстрый разгром в карьере Нимцовича.

№ 73 Отказанный ферзевый гамбит

В. Пирц — А. Алехин

Блед, 1931 год

Комментарии А. А. Алехина.

1. d2–d4 d7–d5

2. c2–c4 e7–e6

3. Kb1–c3 c7–c5

4. c4:d5 c5:d4

Интересная жертва пешки. Все же аналитическая проверка этого гамбита показала, что белые при правильной защите, несмотря на перевес противника в развитии, должны выйти из дебюта с лишней пешкой и безопасной позицией.

5. Фd1–a4+…

Лучше, чем 5. Ф:d4 Ке6.

5. …Сc8–d7

Ошибочно здесь 5. …Фd7 ввиду 6. Kb5! с преимуществом у белых.

6. Фa4:d4 e6:d5

7. Фd4:d5 Kb8–c6

Черные могли бы сыграть и 7. …Kf6, после чего продолжение 8. Ф:b7 Кc6, несомненно, было бы слишком рискованным для белых, но 8. Фd1 с последующим e2–e3 привело бы к вариантам, которые легко могли получиться и после хода в партии.

8. Ce1–g5…

Учитывая отсталость белых в развитии, для них было бы безопаснее использовать слона для зашиты ферзевого фланга и продолжать 8. e3 (8. …Kf6 9. Фd1). Однако ход в партии нельзя считать ошибкой.

8. …Kg8–f6

9. Фd5–d2 h7–h6

Эта довольно безобидная попытка создать (в случае естественного ответа 10. Ch4) новые угрозы в связи с Cb4, а затем g7–g5 и Ke4, приводит к неожиданным и приятным последствиям.

10. Cg5:f6…

Это продолжение, конечно, дает черным больше шансов на атаку, чем отступление слона, однако оно не оказалось бы столь плохим для белых, если бы в результате размена они решили захватить поле d5.

10. …Фd8:f6

11. e2–e3 0–0–0

12. 0–0–0?

Решающая ошибка, позволяющая черным отыграть гамбитную пешку и получить длительное давление. Необходимо было 12. Kd5! и если 12. …Фg6 (лучшее), тогда 13. Ke2 с последующим Kf4 или K2c3, сохраняя возможности защиты. Черным представляется теперь случай провести атаку на короля в «добром старом стиле».

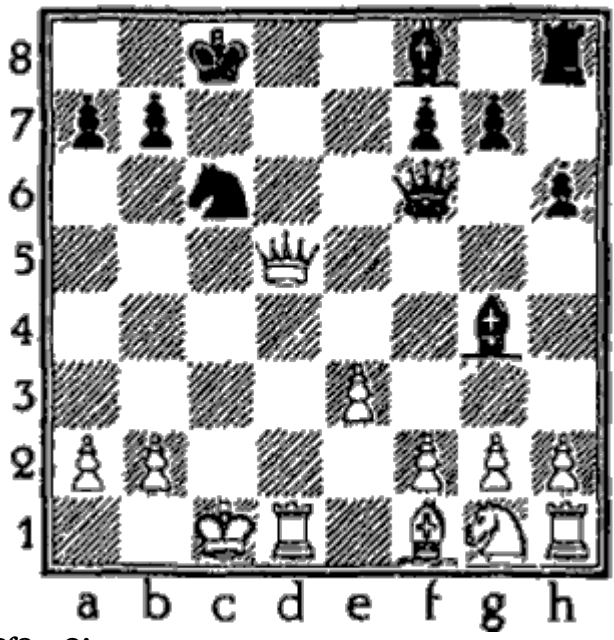
12. …Cd7–g4

13. Kc3–d5…

Слишком поздно!

13. …Лd8:d5!

14. Фd2:d5…



14. …Cf8–a3!

В случае 14. …C:d1 15. Ф:d1 Ф:f2 16. Фg4+ f5 17. Фe2 Ф:e2 с последующим Сc5 черные, вероятно, выиграли бы лишь в затяжном эндшпиле.

15. Фd5–b3…

У белых нет ничего лучшего, например; I. 15. ba Фc3+ 16. Крb1 Лd8! 17. Ф:d8+ К:d8 с двойной угрозой 18. …C:d1 и Cf5+ II. 15. Лd2 C:b2+! 16. Л:b2 Фc3+ 17. Крb1 (Или 17. Лc2 Фa1+ 18. Крc2 Лd8) 17. …Фe1+ 18. Крc2 Лd8, и черные выигрывают.

15. …Cg4:d1

16. Фb3:a3 Фf6:a3

17. Фa3–d3 Cd1–g4!

Но не 17. …Лd8 ввиду 18. Kh3! Фf6 19. Фc3 с шансами на спасение.

18. Кg1–f3 Cg4:f3

И здесь 18. …Лd8 было бы неуместно ввиду 19. Фe2.

19. Фd3–f5+ Крc8–b8

20. Фf5:f3 Фf2–e1+

21. Крc1–c2…

Если бы белые отдали пешку, борьба не была бы слишком долгой: 21. Фd1 Ф:e3+ 22. Фd2 Фe6! 23. Крb1 Лd8 24. Фf4+ Крa8 с несколькими решающими угрозами.

21. …Лh8–c8

22. Фf3–g3+ Кe6–e5+!

23.Крc2–b3 Фe1–a1+

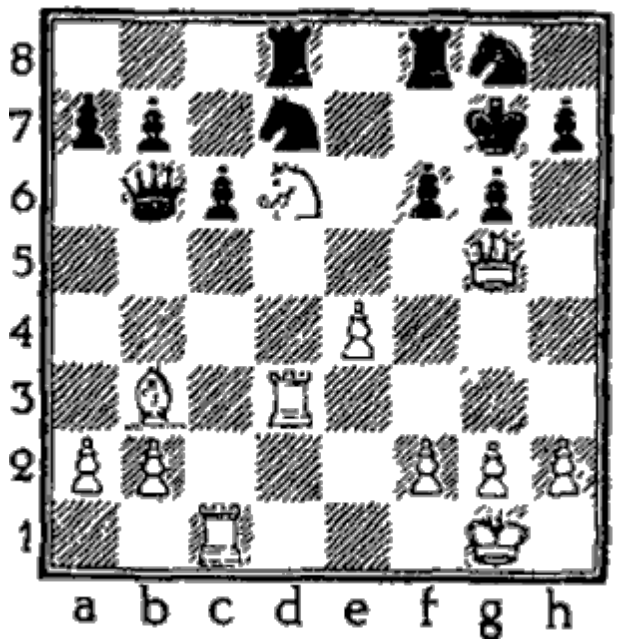
24. Крb3–a3 Лc8–c5!

Быстрый проигрыш теперь неизбежен. Например, 25. b4 Лc3+ 26. Крb2 Фc1х, или 25. b3 Лa5+ 26. Крb4 Фd2х, или 25. Крb4 (допускает наиболее изящное решение) 25. …Фd2+! 26. Кр:c5 b6+ 27. Крb5 Фa5х.

Белые сдались.

№ 24 Окончание партии

А. Алехин — Эм. Ласкер
Цюрих, 1934 год



25. Кd6–f5+ Крg7–h8
26. Фg5:g6
Эффектное завершение атаки.
Черные сдались.
(На 26. …hg последовало бы 27. Лh3+ Кh6 28. Лh6х).

№ 25 Новоиндийская защита

М. Эйве — А. Алехин
Амстердам, 1937 год
Комментарии А. А. Алехина приведены с сокращениями.
1. d2–d4 Кg8–f6
2. c2–c4 e7–e6
3. Кg1–f3 b7–b6

4. g2–g3 Сc8–b7

5. Сf1–g2 Сf8–b4+

6. Сc1–d2 Сb4–e7

7. Кb1–c3 Кf6–e4

Это позволяет белым получить небольшое преимущество в пространстве. Безопаснее было бы 7. …0–0 8. 0–0 d5 и если 9. Ке5, то 9. …Фс8 с приблизительно равной игрой.

8. 0–0…

Белые могли бы и сразу сыграть d4–d5.

8. …0–0

9. d4–d5! Ке4:d2

10. Фd1:d2…

Хорошо было бы и 10. К:d2, так как у черных вряд ли оставалось тогда что-нибудь лучшее, чем 10. …Фс8, для отражения угрозы 11. d6!

10. …Се7–f6

11. Ла1–d1

…Белые теряют драгоценное время. После 11. Кd4 их игра была бы определенно предпочтительнее.

11. …d7–d6

12. d5:e6…

На 12. Кd4 теперь уже последовало бы 12. …С:d4 и затем с6–е5 с удовлетворительной для черных игрой. Размен в партии также ведет только к уравнению шансов, так как черные легко могут защитить пешку с6.

12. …f7:e6

13. Кf3–d4 Сb7:g2

14. Крg1:g2…

Конечно, не 14. К:е6? ввиду 14. …Фе7 15. К:f8 С:с3 16. bc (16. Ф:с3 С:f1) 16. …Сb7! оставаясь с двумя легкими фигурами за ладью.

14. …Фd8–c8

Белые намереваются использовать в некоторых вариантах поле b7, например, 15. f4 Кс6! 16. К:с6 Фb7к выгоде черных.

15. Фd2–e3 Сf6:d4

16. Лd1:d4 Кb8–c6

17. Лd4–e4…

Начало совершенно ошибочного плана, быстро превращающего сносную позицию белых в проигрышную. Надежным ходом было бы 17. Лd2, а еще проще 17. Лf4, так как после размена ладей шансы черных на атаку сводятся к минимуму.

17. …Лf8–f6

18. f2–f4?…

Это оставляет ладью в патовой позиции. Правильно все еще было 18. Лf4.

18. …Фc8–d7

19. g3–g4…

Ослабляет пешку f4 и тем самым увеличивает затруднения белых. Продолжение 19. Лd1 дало бы им некоторые шансы на спасение.

19. …Лa8–f8

20. g4–g5…

Бесполезно, как показывает ответ черных. Однако партия белых была уже стратегически проиграна.

20. …Лf6–f5!

Черным незачем защищать пешку, так как в случае 21. Л:e6 ответ 21. …Кe5 поведет к выигрышу качества.

21. h2-h4 Фd7–f7

22. Лf1–f3 Крg8–h8!

Важный подготовительный ход к намеченному черными продвижению в центре. Немедленное 22. …d5 было бы несколько преждевременно ввиду 23. Л:e6 d4 24. Фe4 dc 25. be1 Кd8 26. Лe7 с кое-какими практическими шансами у белых. Поскольку и 22. … e5 тоже неубедительно из-за 23. Кd5 Кd4 24. Кe7+ Ф:e7 25. Л:d4, я решил воздержаться от продвижения центральных пешек до тех пор, пока оно не будет решающим.

23. Фe3–d3 d6–d5!

Теперь этот момент наступил, так как 24. cd ed 25. Лa4 d4 было бы совершенно безнадежно для белых.

24. Лe4:e6 Кe6–b4!

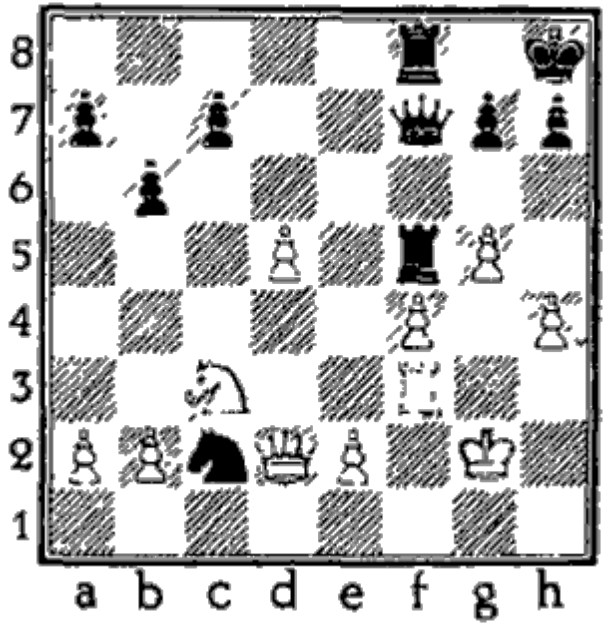
Это явно сильнее, чем 24. …Ф:c6.

25. Фd3–e3 Кb4–c2

В случае 25. …d4 26. Фc4 dc 27. be белые могли бы оказать более длительное сопротивление.

26. Фe3–d2 Ф17:e6

27. c4:d5 Фe6–f7



28. Фd2:c2…

После этого черные легко выигрывают в результате прямой атаки. Я ждал более тонкого хода 28. Крg3 (чем создается угроза 29. e4) и тогда возник бы следующий удивительный вариант: 28. …Кe1! 29. Лf2 Кg2! 30. e3 (все еще оберегая пешку f4) 30. …К:h4 31. Кр:h4 h6! с решающими угрозами.

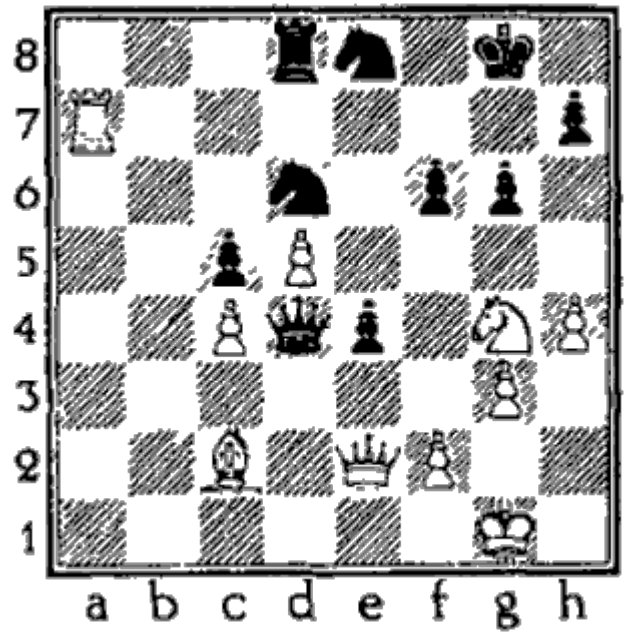
28. …Лf5:f4
29. Фc2–d3 Фf7–h5
30. Лf3:f4 Лf8:f4
31. Фd3–h3 Лf4–g4+
32. Крg2–f2 h7–h6!

Если теперь 33. gh, то 33. …Фf5+ и после шаха ладьей черные выигрывают ферзя.

Белые сдались.

№ 26 Окончание партии

А. Алехин — П. Керес
Зальцбург, 1942 год



36. Сс2:e4!…

Изящная комбинация. Брать слона. конечно, нельзя, ибо после 36. …Ф:e4 37. Ф:e4 К:e4 38. Kh6+… черные теряют ладью или получают мат.

36. …**f6–f5**

37. Kg4–h6+

…Быстрее вело к победе 37. С:f5! К:f5 38. Фe6+ Крh8 39. Кe5… или 37. …gf 38. Фe6 + Крh8 39. Фh6 Kg7 40. Kf6.

37. …Крg8–h8

38. Сe4–c2

Здесь комбинация 38. С:f5! была не менее эффектной.

38. …Фd4–f6

39. Фe2–e6 Фf6:e6

40. d5:e6 Лd8–c8

41. Kh6–f7 + Кd6:f7

42. e6:f7 Кe8–d6

43. Сc2–d3 Крh8–g7

Труднее была задача белых после 43. …Лf8, но и тогда, выиграв пешку с5, они должны были победить.

44. f7–f8+ Крg7:f8

45. Лa7:h7 Крf8–g8

46. Лb7–d7 Кd6–e8

47. h4–h5!…

Разрывая черные пешки и еще более активизируя своего слона

47. …g6:h5

48. Cd3:f5 Лc8–a8
49. Cf5–e6 + Крg8–h8
50. Лd7–d5…

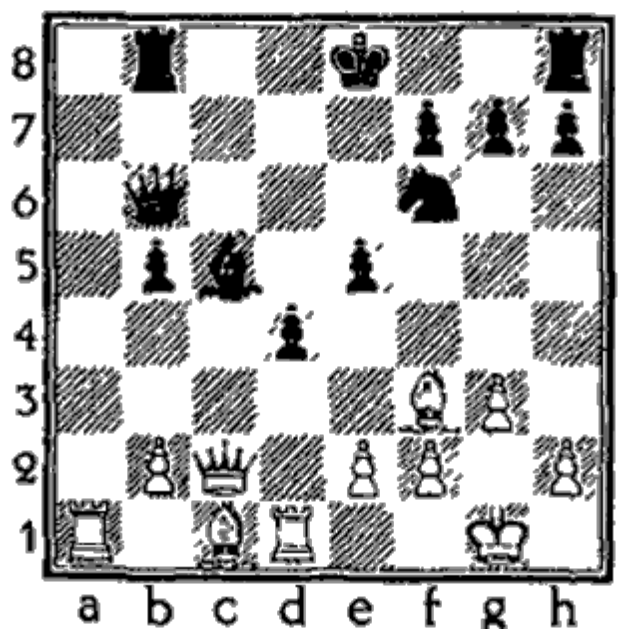
После потери второй пешки у черных уже нет надежды на спасение. Но Керес делает еще семь ходов:

50. …Кf6
51. Л:c5 Крg7
52. Крg2 Лa2
53. Cf5 Лa3
54. Лc7 + Крh6
55. Лf7 Лa6
56. f4 h4
57. g4

Черные сдались.

№ 27 Окончание партии

А. Алехин — К. Юнге
Прага, 1942 год



18. Лa1–a6!!…

Неотразимый удар. Юнге теряет право рокировки за качество.

18. …Фb6:a6
19. Фc2:c5…

Эта позиция тщательно проанализирована лучшими комментаторами. Вывод был однозначен: «Комбинация Алехина

безупречна!»

19. …Фа6–е6

На 19. …Кd7 было бы 20. Ссб f6 21. Фd6, а при продолжении 20. …Лс8 21. Ф:е5+ Крd8 22. С:d7… с разгромной атакой. Плохо и 19. …Лd8 20. Сс6+ Кd7 21. Ф:е5+ Крf8 22. Фd6+ Крg8 23. Фе7.

20. Сf3–с6+ Кf6–d7

Не лучше 20. …Крd8 21. Сd2 b4 22. Ла1! с угрозой 23. С:d4 Л:d4 24. Ла8+.

21. Сс6:d7+ Крe8:d7

22. Фс5–а7+ Крd7–с6

На 22. …Крe8 могло последовать 23. Сg5… или 23. …Сd2, а на 22. …Крd6 23. f4 f6 24. fe+ fe 25. Сf4 ef 26. Ф:d4 с шансами на победу.

23. Сс1–d2! Лb8–с8

24. е2–е4!…

Двумя «тихими» ходами белые завершили сплетение матовой сети вокруг черного короля.

24. …Фе6–b3

25. Лd1–а1!…

Все эти последние, далеко не очевидные ходы белых, показывают, насколько точно и тонко была рассчитана алехинская комбинация, начатая 18-м ходом. Теперь следует изящный матовый финал.

25. …b5–b4

26. Ла1–а6+ Крс6–b5

27. Ла6–а5+ Крb5–с6

28. Фа7–с5+ Крс6–d7

29. Ла5–а7+

Черные сдались.

№ 28 Русская партия

Ф. Люпи — А Алехин

Эшторил, 1946 год

1. е2–е4 е7–е5

2. Кg1–f3 Кg8–f6

3. Ки1–с3 Сf8–b4

4. Кf3:e5 0–0

Типичная для Алехина жертва пешки за инициативу.

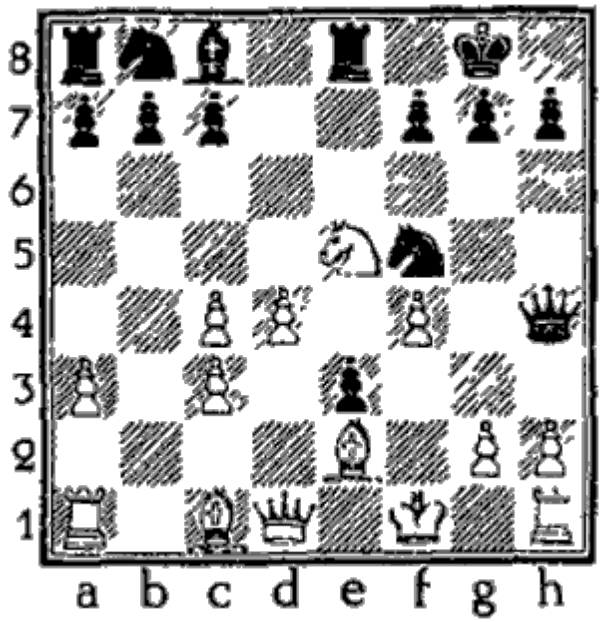
5. d2–d3 d7–d5

6. a2–a3 Сb4:c3+

7. b2:c3 Лf8–e8

8. f2–f4 d5:e4

9. d3–d4…
На 9. Се2… следовало 9. …Kd5 с опасными угрозами.
9. …Kf6–d5
10. c3–c4 Kd5–e7
11. Cf1–e2 Ke7–f5
12. c2–c3 Фd8–h4+
13. Kpe1–f1…
Теперь черные полностью овладевают инициативой.
13. …e4–e3!
Это сильней, чем немедленный шах конем на g3.



14. Фd1–e1 Фb4:f4+
15. Kpf1–g1 Kf5:d4!
16. c3:d4 Фf4:d4
17. Ла1–b1 Фd4:e5
18. Сc1–b2 Фe5–f5
19. Лb1–d1 Kb8–c6
20. Лd1–d5 Фf5–c2
21. Cb2–a1 Cc8–f5
22. Се2–d1 Фc2–b1
Белые сдались.

ЧЕМПИОНЫ МИРА — СОВРЕМЕННИКИ ОБ А. А. АЛЕХИНЕ

Эмануил Ласкер

«Алехин вырос из комбинации, он влюблен в нее. Все стратегическое для него — только подготовка, почти что необходимое зло. Ошеломляющий удар, неожиданные тактические трюки — вот стихия Алехина. Когда король противника находится в безопасности, Алехин играет без воодушевления. Его фантазия воспламеняется при атаке на короля. Он предпочитает, чтобы на доске было много фигур. Алехин пользуется стратегией как средством для более высокой цели — для создания атакующей обстановки».

Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера

«Таблица турнирных успехов Алехина представляет внушительное зрелище. Представитель славянской нации, ростом выше шести футов, белокурый и голубоглазый, Алехин бросается в глаза своей внешностью, когда появляется в турнирном зале. Он свободно говорит на шести языках, имеет звание доктора права и по общему развитию значительно превышает уровень среднего человека.

По-видимому, Алехин обладает самой замечательной шахматной памятью, которая когда-либо существовала. Говорят, что он помнит наизусть все партии, игранные за последние 25–30 лет клубными игроками первой категории или маэстро. Одно не подлежит сомнению, что все партии, когда-либо игранные первоклассными маэстро, он действительно знает наизусть…»

Макс Эйве

«Рассматривая партии матча с чисто технической точки зрения и особенно тщательно проанализировав игру Алехина, я прихожу к заключению, что он все время играл великолепно. Он не только применил ряд новинок в дебюте, но и проводил партии простыми стратегическими методами, столь характерными для алехинской игры. Тактическое совершенство и комбинационный

талант Алехина настолько известны и настолько типичны для его стиля, что ни к чему даже останавливаться на этом. Его игра в эндшпиле также была на большой высоте. Но больше всего я восторгаюсь его стилем доигрывания неоконченных партий, тем более что мне тоже приходилось анализировать все эти позиции, и я знал их досконально. Когда я думаю о том, какие творческие идеи вкладывал подчас Алехин в доигрываемые позиции, какие неожиданные пути он находил, я проникаюсь величайшим восхищением перед мастерством Алехина».

Михаил Ботвинник

«Безусловно, силой Алехина было удачное сочетание практического и творческого элементов, но Алехин дорог шахматному миру главным образом как художник. Он блестяще владел техникой шахмат — ведь без техники и мастерство невозможно. Глубина планов, далекий расчет, неистощимая выдумка характерны для Алехина. Однако главной его силой, развивавшейся год от года, было комбинационное зрение: он видел комбинации, рассчитывал форсированные варианты с жертвами с большой легкостью и точностью. Алехин сознавал свою комбинационную силу, и мне кажется, что в последние годы он иногда даже жертвовал цельностью партии, чтобы незаметно создать комбинационную ситуацию. Алехин видел комбинации там, где другие и не догадывались о том, что они возможны: отчасти поэтому алехинские комбинации обладали такой потрясающей силой и сокрушали сопротивление. Да, это был поистине удивительный дар!

Многие шахматные произведения Александра Алехина, крупнейшего шахматного художника недавнего прошлого, будут жить века. Разыгрывая алехинские партии, шахматисты грядущих поколений будут получать истинное эстетическое удовольствие и удивляться мощи его гения».

ВЕЛИЧАЙШИЙ ШАХМАТИСТ ВСЕХ ВРЕМЕН

(результаты исследований и опросов)

1929 год

Французский спортивный журнал «Лото» провел опрос редакторов шахматных отделов газет и журналов Европы и Америки. Им предлагалось назвать свой вариант десяти сильнейших шахматистов того времени. Первое место в этом своеобразном рейтинг-листе получил Александр Алехин — 870 очков.

За ним были: 2-е место Х. Р. Капабланка — 809 очков; 3-е — Эм. Ласкер — 720; 4-е — А. Нимцович — 686; 5-е — Е. Боголюбов — 651; 6-е — Р. Шпильман — 424; 7-е — А. Рубинштейн — 385; 8-е — М. Видмар — 378; 9-е — М. Эйве — 370; 10-е место С. Тартаковер — 297 очков.

1970 год

Матч века — под таким названием вошел в историю шахмат беспрецедентный поединок между командами СССР и всего остального мира, состоявшийся весной 1970 года в Белграде. Победили с результатом 20½:19½ шахматисты Советского Союза, в числе которых выступали тогдашний чемпион и четыре экс-чемпиона мира. На матче участников соревнования попросили ответить на анкету и назвать величайшего шахматиста всех времен. Мнение большинства гроссмейстеров — Александр Алехин.

1987 год

Наиболее высокий творческий показатель имеет в матчах на первенство мира Александр Алехин — к такому выводу пришел азербайджанский шахматный журналист и тренер Ч. А. Султанов, проанализировавший все эти состязания. Он же утверждает, что по творческому показателю в истории шахмат выделяется матч А. Алехин — Х. Р. Капабланка.

1991 год

Интересное исследование борьбы за мировое первенство за всю историю шахмат провел югославский гроссмейстер и журналист Милан Матулович. Он предпринял попытку

определить чемпиона всех времен и народов. В основе его работы находилось пять показателей: матчи за звание чемпиона мира; участие в отборочных матчах за право играть с чемпионами; победы на крупнейших международных турнирах; гроссмейстерские баллы; рейтинг. Им было проанализировано по двести партий каждого из лучших шахматистов мира.

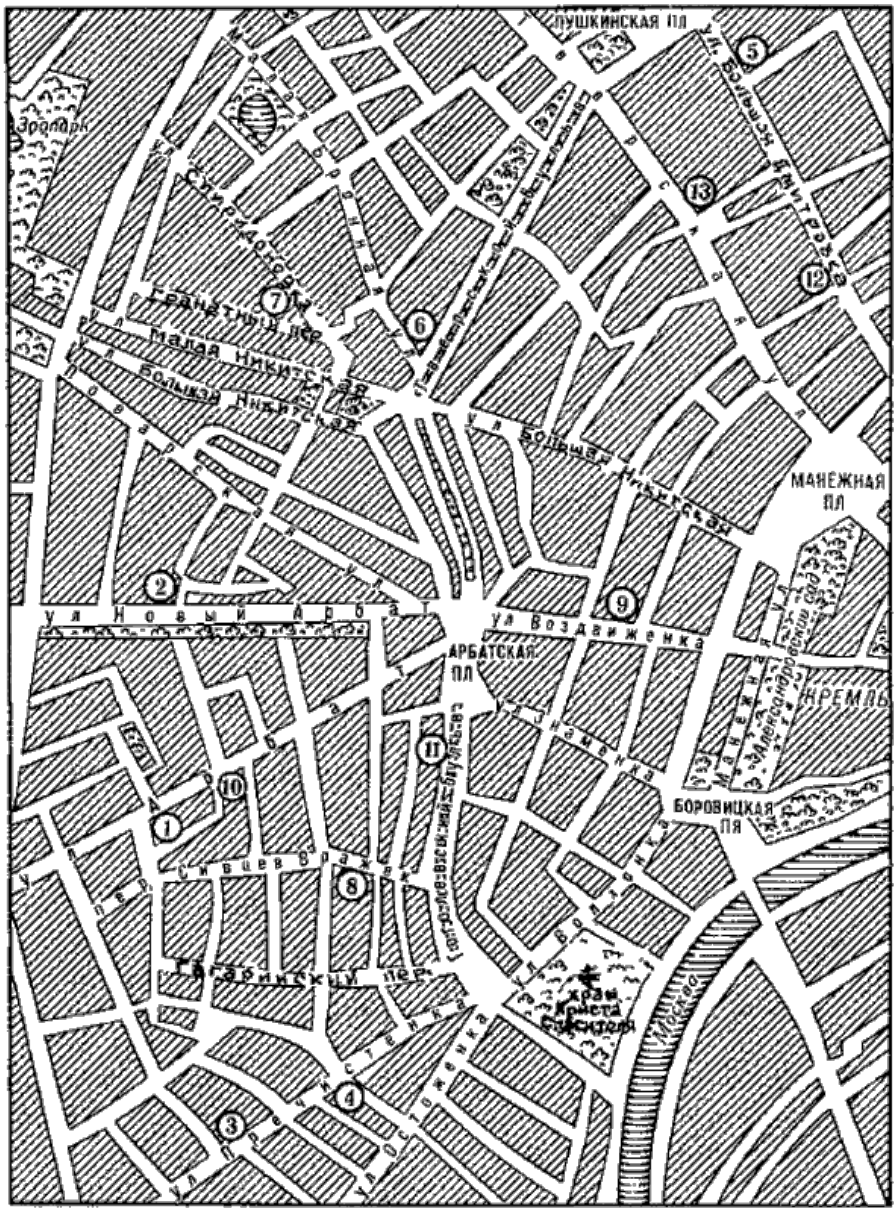
Первое место получил Александр Алехин (Россия). На 2-м месте Х. Р. Капабланка (Куба); 3-м — Эм. Ласкер (Германия); 4-м — Р. Фишер (США); 5-м — М. Ботвинник; 6-м — М. Таль; 7-м — А. Карпов; 8-м — Г. Каспаров; 9-м — В. Смыслов и 10-м месте — Т. Петросян (все — СССР).

Поясняя результаты исследования, М. Матулович сказал: «Алехин на первом месте прежде всего потому, что был гениальным в комбинациях, родоначальником игры, которая держала публику в неменьшем напряжении и удовольствии, чем футбольный матч. Он имел потрясающий результат в 1930 году на Олимпиаде в Гамбурге, где выиграл все девять партий из девяти».

2000 год

Жюри конкурса слушателей популярного радио «Спорт-FM» признало Александра Алехина «легендой спорта» XX века среди шахматистов.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА АЛЕКСАНДРА АЛЕХИНА В МОСКВЕ



1. *Никольский (ныне Плотников) переулок, д. 12.*

Здесь в 1892–1913 годах прошли детские и юношеские годы Александра Алехина. (Дом не сохранился.)

2. *Борисоглебский переулок, д. 9.*

Здесь, в одноэтажной пристройке, находилась церковь Александра Невского, где 10 (22) ноября 1892 года новорожденного Алехина нарекли Александром.

3. *Улица Пречистенка, д. 32.*

В этом здании во второй половине XIX — начале XX века находилась мужская классическая гимназия Л. И. Поливанова, где в 1902–1910 годах учился Александр Алехин.

4. *Улица Пречистенка, д. 11.*

Здесь в 1901–1902 годах снимала квартиру семья Алехиных.

5. *Улица Большая Дмитровка, д. 32.*

Здесь, в двухэтажном доме, находящемся теперь во дворе, с 1890 по 1902 год и в 1906–1907 годах арендовал помещение Московский Шахматный кружок. В июне 1907 года здесь Александр Алехин впервые участвовал в турнире.

6. *Улица Малая Бронная, д. 4.*

Здесь, в частном здании театрального типа, размещалось «Собрание служащих в кредитных учреждениях», где с осени 1909 года находился и Московский шахматный кружок, в турнирах которого играл Александр Алехин. 19 февраля 1910 года он провел здесь свой первый сеанс одновременной игры. Ныне это здание вошло в комплекс помещений Драматического театра.

7. *Гранатный переулок, д. 2.*

Здесь, в одной из квартир на 3-м этаже, с осени 1913 года по осень 1916 года находилась редакция журнала «Шахматный вестник», издателем которого был Алексей Алехин. Сюда часто приезжал Александр Алехин, активно сотрудничавший в этом издании.

8. *Переулок Сивцев Вражек, д. 11*

Здесь в 1913–1914 годах размешался Московский шахматный кружок, где Александр Алехин, приезжая на каникулы из Санкт-Петербурга, выступал с сеансами одновременной игры, играл консультационные и легкие партии.

9. *Улица Воздвиженка, д. 8.*

Здесь, в помещении Охотничьего клуба, находился в 1914 году и Московский шахматный кружок. 15 марта 1914 года тут Александр Алехин играл показательную партию с чемпионом мира Эмануилом Ласкером, а затем проводил и другие шахматные встречи.

10. *Улица Арбат, д. 25.*

Сюда, в помещение Лиги равноправия женщин, летом 1915 года переместился Московский шахматный кружок, где Александр Алехин неоднократно выступал с сеансами одновременной игры, участвовал в турнире.

11. *Пречистенский (ныне Гоголевский) бульвар, д. 23.*

Здесь, на частной квартире, в 1919–1920 годах собирались ведущие московские шахматисты. Тут проводились матчи, турниры и в том числе первый советский чемпионат Москвы, в котором 1-е место занял Александр Алехин.

12. *Угловое здание по Камергерскому переулку и Большой Дмитровке, д. 7/5.* Здесь, на 2-м этаже в одной из квартир, весной 1920 года был открыт первый после революции шахматный клуб. Его открытию 23 мая 1920 года был посвящен сеанс одновременной игры Александра Алехина. А в октябре 1920 года тут же состоялась Первая Всероссийская шахматная Олимпиада, победив на которой, Алехин стал первым чемпионом Советской России.

13. *Тверская улица, д. 10, гостиница «Люкс» (ныне гостиница «Центральная»).* Здесь с конца 1920 года по май 1921 года, до отъезда из России, жил А. А. Алехин.

В перечень памятных мест А. А. Алехина в Москве включены лишь сохранившиеся объекты (за исключением обозначения местонахождения снесенного дома 12 по Никольскому (Плотникову) переулку).

Нумерация памятных мест Александра Алехина приводится исходя из хронологической последовательности событий.

В рамки карты-схемы не вписались по масштабу еще несколько объектов, в том числе:

Большой Трехгорный переулок, д. 1, где в особняке Прохоровых часто бывали Алехины;

Гусятников переулок, д. 11, где Алехины снимали квартиру с 1913 по 1918 год;

Лесопарк «Покровское-Глебово», где находилась подмосковная дача Прохоровых;

Новодевичье кладбище, где находится часовня с захоронениями Прохоровых и Алехиных;

Ваганьковское кладбище с местами захоронений С. И. и Н. И. Прохоровых.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. А. АЛЕХИНА

1892, 19 октября (31 октября н. с.) — в Москве родился Александр Александрович Алехин.

1899 — мать знакомит Александра с правилами шахматной игры.

1902 — Алехин поступает учиться в классическую гимназию Л. И. Поливанова на Пречистенке. Вместе со старшим братом Алексеем начинает играть по переписке.

1904, 12 ноября — сопричислен к дворянскому роду Алехиных.

1905 — дебютирует в XVI (гамбитном) турнире по переписке журнала «Шахматное обозрение» и завоевывает 1-й приз.

1907 — осенью впервые участвует в очном турнире Московского шахматного кружка, членом которого стал. Сыграл памятную партию с В. Розановым, которая, как признает Алехин, «оказала глубокое влияние на мою последующую игру и дальнейшее развитие».

1908 — первое зарубежное выступление в турнире любителей Германского шахматного конгресса в Дюссельдорфе. Делит 4–5-е места, выиграв 8 из 13 партий, проиграв 3 и сведя вничью 2. Выигрывает матчи со счетом 4,5:0,5 у мастеров К. Барделебена (Германия) и Б. Блюменфельда (Москва). В матче с чемпионом Москвы В. Ненароковым после трех поражений подряд прекращает игру.

1909, февраль — победа шестнадцатилетнего Алехина на Всероссийском турнире памяти М. И. Чигорина в Петербурге и получение звания маэстро. В том же году впервые выступает в печати как комментатор шахматных партий.

1910, 10 февраля — первое публичное выступление с сеансом одновременной игры (+15, –1, =6).

Весна — Александр оканчивает Поливановскую гимназию.

Июль — участвует в международном турнире в Гамбурге, где делит 7–8-е места (при 16 участниках).

1910, сентябрь — февраль 1911 — проучился два семестра на юридическом факультете Московского университета.

1911, 21 августа — 24 сентября — в международном турнире в Карлсбаде (ныне Карловы Вары) делит 8–11-е места (при 26 участниках). Побеждает известных мастеров М. Видмара, О. Дураса, С. Тартаковера.

Осень — переезжает из Москвы в Санкт-Петербург и поступает

в Императорское Училище правоведения (Набережная Фонтанки, д. 6).

1912, апрель — начинает вести шахматный отдел в газете «Новое время». *Лето* — победа в чемпионате северных стран в Стокгольме. *Август-сентябрь* — в двухкруговом Всероссийском турнире мастеров в Вильно (ныне Вильнюс) терпит неудачу, разделив 5–6-е места (при 10 участниках) и проиграв обе партии победителю турнира А. Рубинштейну и третьему призеру С. Левитскому.

1913, февраль-март — в Петербурге в упорной борьбе выигрывает матч у одного из сильнейших мастеров России С. М. Левитского со счетом +7, –3, =0.

Июль-август — завоевывает первый приз на международном турнире в Схевенингене (Нидерланды). Гастроли в Берлине и Париже.

1913, ноябрь-декабрь — впервые встречается за шахматной доской в тренировочном матче с кубинским маэстро Х. Р. Капабланкой. Проигрывает обе партии. Между ними устанавливаются дружеские отношения.

1913, декабрь — январь 1914 — делит 1–2-е места с А. Нимновичем во Всероссийском турнире мастеров. После матча из двух партий (+1, –1) оба допускаются в «Турнир чемпионов».

1913–1916 — активно сотрудничает в журнале «Шахматный вестник», который в Москве издавал его старший брат Алексей Алехин.

1914, 15 января — в московском журнале «Шахматный вестник» выступает с полемической статьей против Е. А. Зноско-Боровского «В защиту Морфи от «Защитника» его».

Апрель-май — Петербург. Заняв в крупнейшем международном шахматном турнире 3-е место (вслед за чемпионом мира Эм. Ласкером и Х. Р. Капабланкой), становится одним из претендентов на мировое первенство.

16 мая — заканчивает Училище правоведения с чином IX класса (титулярный советник, а по военному табелю — штабс-капитан) и причисляется к Министерству юстиции.

18 июля — открытие международного турнира мастеров Германского Шахматного Конгресса в Мангейме. Алехин захватывает лидерство. Однако 1 августа началась мировая война, соревнования прерываются, Алехин объявлен победителем. Шесть участников из России — Алехин, Боголюбов, Романовский, Селезнев, Богатырчук, И. Рабинович — интернированы. Признанный негодным к военной службе, А. А. Алехин выпущен из плена, переезжает в Швейцарию, а оттуда через Италию и Швецию возвращается в Россию.

Благотворительные сеансы в Москве. Петрограде, Одессе в пользу русских шахматистов, находящихся в плену.

1915, 28 декабря — в Базеле (Швейцария) умерла мать Алехина Анисья Ивановна, урожденная Прохорова (род. 5 апреля 1861 г.).

1916, апрель — гастроли в Одессе, широко освещавшиеся в газете «Одесские новости».

Май — гастроли в Киевском шахматном обществе. Проводит сеанс вслепую, играет матч с маэстро А. Эвенсоном (+2, –1, =0. в пользу Алехина).

Лето — добровольно отправляется на Галицийский фронт во главе отряда Красного Креста. За спасение раненых па поле боя награжден двумя Георгиевскими медалями и орденом Святого Станислава. После контузии попадает в госпиталь в Тернополе. Здесь лает сеансы вслепую местным шахматистам, выигрывает знаменитую партию у Фельдта.

Выступает с сеансами в Москве и Одессе с благотворительными целями.

1917, 28 мая — в Воронеже умер отец Алехина Александр Иванович, член 4-й Государственной Думы, предводитель дворянства Воронежской губернии (род. 18 ноября 1856 г.). Погребен в Москве на Новодевичьем кладбище в часовне — семейной усыпальнице Прохоровых.

1918, апрель-май — Москва. Победа в матч-турнире с участием мастеров В. Ненарокова и А. Рабиновича.

1919, апрель — Одесса. Арест и недельное заключение в тюрьме. Освобожден из-за недоказанности вины и принят на работу в губернском исполкоме.

Июль — покидает Одессу вместе с другими служащими советских учреждений в связи с приближением к городу деникинских войск.

Август-декабрь — Москва. Учится в 1-й государственной школе кинематографии, которой руководил режиссер В. Гардин.

1919, декабрь — 9 мая 1920 — Харьков. Работал в Военно-санитарном управлении Харьковского округа. Болел сыпным тифом.

1920, 5 марта — зарегистрировал в Москве брак с вдовой Александрой Лазаревной Батаевой (род. 1879 г.).

15 марта — 2 апреля 1921 — Москва. Переводчик Коминтерна.

1920, 13 мая — 13 февраля 1921 — Москва. Следователь Центрального следственно-розыскного управления Главного управления милиции (Центророзыска).

Август — Москва. Принят в кандидаты РКП.

4–24 октября — побеждает во Всероссийской шахматной Олимпиаде, организованной Главным управлением всевобуча. Выиграл 9 партий, свел вничью 6 и ни одной не проиграл.

1920, 16 ноября — 21 февраля 1921 — Москва. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК) заводит дело на Алехина в связи с анонимной телеграммой из Одессы, сообщающей о сотрудничестве Алехина с деникинской контрразведкой. Он взят под негласное наблюдение. Дело прекращается после допроса Алехина 21 февраля 1921 г. в стенах ВЧК.

1921, 15 марта — женитьба на Анне-Лизе Рюэгг, журналистке, деятельнице швейцарской социал-демократической партии (род. 1879 г., ум. 2 мая 1934 г. в Лозанне).

10 мая — выезжает с женой из России (через Ригу и Берлин) во Францию. Задерживается в Берлине, где играет небольшие матчи с немецкими мастерами Ф. Земишем и Р. Тейхмапом.

Лето — в Берлине в издательстве Б. Кагана на немецком языке выходит первая книга Алехина «Шахматная жизнь в Советской России».

Завоевывает первые призы на турнирах в Триберге, Будапеште. Гааге. Посылает первый вызов на матч Х. Р. Капабланке. В консультационной партии в Цюрихе (август) и месяц спустя в партии с Э. Штейпером на турнире в Будапеште впервые применяет дебют, получивший в теории название «Зашита Алехина» (1. e4 Kf6).

1922 — участие в международных турнирах в Пьештяне, Лондоне, Гастингсе, Вене. В Лондоне подписывает предложенное Х. Р. Капабланкой соглашение об условиях борьбы за мировое первенство. В Гастингсе сыграл одну из самых блестящих партий — с Е. Д. Боголюбовым.

1923 — поселился на постоянное жительство в Париже.

Январь — мини-матч с французским мастером Андрэ Мюффаном (+2).

Апрель-май — делит 1–3-е места с Е. Боголюбовым и Г. Мароци на турнире в Карлсбаде.

8 ноября — Алехин повторяет вызов на матч Х. Р. Капабланке.

1923, ноябрь — январь 1924 — гастроли в Канаде и США.

1924, март-апрель — играет в международном турнире в Нью-Йорке (при участии 11 маэстро). Повторяется результат Петербургского турнира десятилетней давности: 1. Ласкер, 2. Капабланка, 3. Алехин.

28 апреля — рекордный сеанс вслепую в Нью-Йорке: за 12 часов сыграно 26 партий с результатом +16, –5, =5. По возвращении в Париж работает над двумя книгами — «Сборник

партий Нью-йоркского турнира» и «Мои лучшие партии (1908–1923)».

1925, 1 февраля — новый рекорд игры вслепую в Париже против 27 соперников: +22, –3, =2. Победа в Парижском турнире.

14 апреля — 13 мая — побеждает на крупном международном турнире в Баден-Бадене: 16 очков из 20. Среди лучших творческих достижений Алехина — знаменитая партия с Р. Рети: «Я считаю эту партию и партию против Боголюбова (1922) самыми блестящими партиями в моей шахматной карьере». Вступает в гражданский брак с вдовой русского генерала-эмигранта Надеждой Семеновной Васильевой (урожденной Фабрицкой, род. 19 марта 1884 г. в Одессе). Познакомился с ней на балу в Париже в 1924 г.

2-я половина — подготовка и защита диссертации на тему «Система тюремного заключения в Китае». Удостоен ученой степени доктора права.

1926 — участвовал в пяти международных турнирах, которые рассматривал как подготовку к матчу на первенство мира. Одержал победу в трех из них (Гастингс, Скарборо и Бирмингем) и занял 2-е место в двух (Земмеринг — вслед за Р. Шпильманом, и Дрезден — за А. Нимцовичем).

Август — приезжаете Буэнос-Айрес. Правительство Аргентинской республики берет на себя финансовое обеспечение матча Алехина с Капабланкой на условиях лондонского соглашения 1922 г.

Октябрь-ноябрь — гастроли в Уругвае и Бразилии. «Всюду меня отлично принимали, выказывая огромный интерес к предстоящему матчу».

1926 декабрь-январь 1927 — возвращение в Европу. Тренировочный матч в Голландии с М. Эйве: +3, –2, =5 в пользу Алехина.

1927 — принял французское гражданство.

19 февраля — 25 марта — международный шестерной матч-турнир в Нью-Йорке, Алехин занимает 2-е место, вслед за Капабланкой, опередив Нимцовича, Видмара, Шпильмана и Маршалла. Турнир позволил ему перед решительной «схваткой» еще глубже изучить стиль игры Капабланки, «проверить на ряде новых примеров свои наблюдения прошлых лет и получить таким образом правильные выводы».

25 июня —14 июля — победа на международном турнире в Кечкемете (Венгрия). Там, незадолго до матча с Капабланкой, Алехин убедился, что играет «вполне уверенно и с такой же ясностью и легкостью, как это было в Баден-Бадене».

16 сентября — 29 ноября — матч с Х. Р. Капабланкой в Буэнос-Айресе завершается победой А. Алехина (+6, –3 =25). Алехин — чемпион мира. «Наконец мечта моей жизни осуществилась и мне удалось пожать плоды моих долгих трудов и усилий… Началась новая эпоха моей шахматной деятельности — эпоха новых задач и новой ответственности».

8 декабря — Буэнос-Айрес. Вручение Алехину золотой медали чемпиона мира — четвертого в истории шахмат.

1928, январь — возвращение в Париж и чествование чемпиона в клубах, где собирались шахматисты («Пале-Рояль», «Ротонда», «Режанс», Русский клуб). Работа над сборником партий турнира и вводной статьей «Нью-йоркский турнир 1927 года как пролог к борьбе за мировое первенство».

29 февраля — в связи с письмом Х. Р. Капабланки президенту ФИДЕ А. Рюэбу с предложением изменить условия матча на первенство мира, сократив число партий до 16. Алехин отправляет экс-чемпиону мира ответ, в котором подчеркивает свою принципиальную позицию: играть матч-реванш на тех же условиях, как и их предыдущий матч.

Май — гастроли в Англии.

22 мая — 12 июня 1937 — пребывание Алехина в парижской масонской ложе «Астрея».

Август — участие в работе 5-го конгресса ФИДЕ в Гааге. Появление статьи «Два вида шахматного искусства» в «Сборнике задач и этюдов» французского шахматного композитора Ф. Лазара (Париж). Алехин пишет, что в процессе шахматной борьбы в сознании мастера совершается скрытая драма, «которая характеризуется постоянным столкновением между творческой идеей, стремящейся к бесконечному, и стремлением противника к опровержению ее».

Сентябрь — принимает вызов на матч Е. Д. Боголюбова.

8 октября — Х. Р. Капабланка вызывает Алехина на матч-реванш по лондонским правилам. 12 октября Алехин отвечает, что уже ранее принял вызов Боголюбова.

1929, весна — гастроли в США.

9 июля — в Висбадене подписано соглашение о матче на первенство мира с Боголюбовым.

30 июля — 27 августа — Алехин присутствует на крупнейшем международном турнире в Карлсбаде в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» и публикует статьи проблемного характера о путях развития современного шахматного искусства, о творчестве первых призеров турнира (А. Нимцовича, Х. Р. Капабланки, Р. Шпильмана, А. Рубинштейна), подводит итоги соревнования.

6 сентября — 12 ноября — в ряде городов Германии и Голландии проходит матч на мировое первенство Алехин — Боголюбов. Закончился досрочно, после 25 партий, когда счет стал 15,5:9,5 в пользу Алехина (+11, –5, =9).

28 ноября — в ответ на вызов Х. Р. Капабланки, посланный 1 октября из Барселоны, Алехин отвечает согласием играть матч-реванш в конце 1930 года.

1930, 1–16 января — блестящая победа Алехина на международном турнире в Сан-Ремо (Италия), где при 16 участниках он набирает 14 очков, сделав только 2 ничьих, и на 3,5 очка опережает второго призера А. Нимцовича.

13 — 27 июля — Гамбург. Впервые участвует во Всемирной шахматной Олимпиаде. Возглавляя команду Франции, выигрывает все 9 партий.

1931, 11–26 июля — Прага. На Четвертой Олимпиаде Алехин, вновь играя на первой доске, показывает лучший результат: +10, –2, =7.

23 августа — 28 сентября — на международном турнире в Бледе (Югославия) устанавливает рекорд, опередив второго призера (Е. Боголюбова) на 5,5 очков.

1932, январь — побеждает на международном турнире в Лондоне (+7, –0, =4), на очко опередив С. Флора.

16–30 июня — завоевывает 1-й приз в открытом чемпионате Швейцарии (+ 11, –1, =3). На очко опережает С. Флора и М. Эйве, разделивших 2–3-е места.

10 сентября — начинает «кругосветное путешествие», продлившееся до 20 мая 1933 г.

Сентябрь-октябрь — гастроли в США, Мексике, на Кубе. Во время турнира в Пасадене (США) знакомится с Грейс Висхар, вдовой английскою капитана Арчибальда Фримена (спустя два года она станет женой Алехина).

Ноябрь — май — посещает Гавайские острова, Японию, Шанхай, Гонконг, Филиппины, Сингапур, Суматру, Яву, Новую Зеландию, Цейлон, Александрию, Иерусалим, Геную, откуда возвращается домой.

1933, 12–23 июня — участие в Пятой Олимпиаде в Фолькстоне (Англия). Лучший результат на первой доске — 9,5 из 12.

25 июля — рекордный сеанс вслепую на 32 досках на Всемирной выставке «Век прогресса» в Чикаго: +19, –4, =9.

1934, 26 марта — бракосочетание на Французской Ривьере с Грейс Висхар (род. в штате Нью-Джерси 26 октября 1876 г).

1 апреля — 14 июня — второй матч на мировое первенство Алехин — Боголюбов. Вновь завершился досрочно после 26-й

партии: +8, –3 =15 в пользу Алехина. Матч игрался в двенадцати городах Германии: старт — в Баден-Бадене, финиш — в Берлине.

14–28 июля — победа на международном турнире в Цюрихе: 13 из 15 (+12, –1, =2). На очко опередил занявших 2–3-е места С. Флора и М. Эйве. Впервые Алехин выиграл у Эм. Ласкера. Вскоре М. Эйве направляет Алехину письмо с предложением играть матч на мировое первенство из 30 партий и получает согласие.

1935, май — подписано официальное соглашение о матче Алехин — Эйве. Одно из условий: в случае поражения чемпиона мира два года спустя состоится матч-реванш

3 октября — в Амстердаме, в гостинице «Карлтон» начался матч на первенство мира с Максом Эйве. Предстояло играть в тринадцати городах Нидерландов.

15 декабря — в крупнейшем амстердамском зале «Бельвью» после 30-й партии победой М. Эйве завершился матч на первенство мира: 15,5:14,4 (+9, –8, =13). Алехин протянул сопернику руку и по-французски провозгласил: «Да здравствует чемпион мира Эйве, да здравствует шахматная Голландия!» Уезжая Алехин сказал: «Ничего страшного не случилось. Будем считать, что я одолжил звание чемпиона мира на… два года!»

1936 — Алехин в беседе с президентом Международной федерации игры по переписке К. Абоньи (Венгрия) высказывает идею проведения и в этой области творчества первенства мира. По его словам, игра по переписке и игра за доской «дополняют друг друга».

Из девяти крупных состязаний в Европе Алехин участвует в шести, рассматривая их как подготовку к матч-реваншу В их числе турниры в Наугейме (май, 1–2-й призы с П. Кересом), Дрездене (июнь, 1-й приз), Подебради (июль, 2-й приз вслед за С. Флором), Амстердаме (октябрь, 3-й приз, вслед за М. Эйвс и Р. Файном), Гастингсе (декабрь-январь 1937 г., 1-й приз).

10–28 августа — Ноттингем (Англия). В крупнейшем турнире с участием чемпиона мира, трех экс-чемпионов, четырех молодых претендентов на мировое первенство Алехин, набрав 9 очков из 14 (на очко меньше, чем у победителей М. Ботвинника и Х. Р. Капабланки), занимает 6-е место.

Работает над книгой о Ноттингемском международном турнире, интенсивно готовится к матч-реваншу.

1937, 5 октября — 7 декабря — в Голландии проходит матч-реванш Алехин — Эйве, завершившийся после 25-й партии при счете 15,5: 9,5 (+10, –4, =11) в пользу Алехина. Впервые экс-чемпион, одержав победу в матч-реванше, возвратил почетный

титул. Эйве пишет в статье «Некролог»: «Алехин играл изумительно, и я определенно не стыжусь того, что был побежден таким противником».

1938, 1-е полугодие — побеждает в международных турнирах в Монтевидео и двух английских городах — Маргите и Плимуте.

Март — Прага. Подписывает соглашение о матче на первенство мира с гроссмейстером Сало Флором. Намечен на осень 1939 г в Чехословакии, на тех же условиях, что и матч Алехин — Эйве.

2 — 27 ноября — участвует в двухкруговом матче-турнире восьми сильнейших шахматистов мира в различных городах Нидерландов (АВРО-турнир). Делит 4–6-е призы с Эйве и Решевским, вслед за Файном, Кересом и Ботвинником. Начало переговоров о матче на первенство мира с М. М. Ботвинником. *1939* — в Лондоне выходит новая книга Алехина «Мои лучшие партии 1924–1937».

24 августа — 19 сентября — Буэнос-Айрес. Участие в Восьмой Всемирной шахматной Олимпиаде. Играет на первой доске за Францию.

Август — в Харькове умер старший брат Алехина — Алексей Александрович (род. 1881 г.).

Осень — гастроли в Южной Америке. Победы на турнирах в Монтевидео и Каракасе. Переговоры с Капабланкой о матче-реванше, закончившиеся безрезультатно.

1940, январь — возвращается в Европу. Торжественная встреча в Португалии. Приезд в Париж и вступление во французскую армию в качестве лейтенанта-переводчика.

Июнь — после поражения французской армии остается в Европе, где играет в международных турнирах и продолжает журналистскую деятельность.

1941, 18 — 23 марта — публикация в «Паризер цайтунг» статей Алехина «Еврейские и арийские шахматы». Вскоре они перепечатаны в Нидерландах («Дойче цайтунг», март-апрель) и в Германии («Дойчс шахцайтунг», апрель — июнь). В том же году (август, октябрь) и в январе 1942 г. они воспроизведены в английском журнале «Чесс» с примечанием: «Если эти статьи действительно написаны д-ром Алехиным, мы не сомневаемся в том, что он оказался в безжалостных обстоятельствах. Они — знамение печального времени».

Апрель — приезжает в Лиссабон.

Лето — участие в международных турнирах на первенство Европы в Мюнхене (2–3-й призы с Э. Лундиным вслед за Штольцем) и в Кракове (1–2-й призы с П. Шмидтом). *Декабрь* — победа на турнире в Мадриде.

1942 — побеждает на турнирах в Зальцбурге (Австрия), Мюнхене, Варшаве, Кракове и Праге.

24 декабря — помещен в пражский госпиталь с заболеванием скарлатиной.

1943, март-апрель — участвует в турнирах Зальцбурга (1–2-й призы с Кересом) и Праги (1–2-й призы с К. Юнге).

4 августа — 30 января 1944 — редактирует шахматный отдел в русской газете «Новое Слово», издаваемой в Берлине.

Октябрь — переезжает в Испанию по приглашению Испанской шахматной федерации. Гестапо выдает визу Алехину, но отказывает жене в разрешении сопровождать его. Алехин начинает работать над книгой о Капабланке.

1944 — 1-й приз на турнире в Хихоне.

1945 — побеждает в ряде испанских турниров: в Мадриде, Сабаделле, Мелилье. Занятия с молодым одаренным испанским шахматистом Артуром Помаром, впоследствии международным гроссмейстером.

Ноябрь — последний турнир с участием Алехина (в Касересе). Занимает 2-е место после Люпи. В связи с отказом Эйве и Файна играть с Алехиным аннулируются отправленные ему ранее приглашения на международные турниры в Лондоне и Гастингсе.

1946, январь — в английском журнале «Бритиш Чесс Мэгэзин» опубликовано обстоятельное письмо Алехина. Относительно статей 1941 г. говорится: «Химеры в «Паризер цайтунг» были фальшивкой». Копии этого письма Алехин направляет в шахматные федерации Великобритании и США. В Эшториле (Португалия) Алехин играет небольшой дружеский матч с чемпионом страны Ф. Люпи, выигрывает со счетом 2,5:1,5.

8 марта — Алехин получает телеграмму — вызов на матч от чемпиона СССР М. Ботвинника и тут же отвечает согласием. После переписки с президентом Британской шахматной федерации Дербишайром называются сроки и место проведения матча — с 12 августа 1946 г. в Ноттингеме. Об этом Дербишайр сообщает Ботвиннику.

9 марта — в британском посольстве в Лиссабоне Алехин сыграл свою последнюю партию с шахматным композитором, чиновником Форин оффис Г. Андерсеном, которую выиграл черными на 32-м ходу.

24 марта — Александр Алехин обнаружен без признаков жизни в кресле номера в отеле «Парк» Эшторила, вблизи Лиссабона. Саркофаг с телом Алехина 16 апреля был временно установлен в семейном склепе португальского шахматиста Мануэля Эстева на кладбище Святого Иоанна, близ Эшторила.

1956, 25 марта — после перезахоронения праха в Париже на

кладбище Монпарнас состоялось открытие памятника Александру Алехину — «Гению шахмат России и Франции».

УКАЗАТЕЛЬ ШАХМАТНЫХ ПАРТИЙ И ОКОНЧАНИЙ

(цифры обозначают номера партий)

1. А. Алехин — В Розанов. Шотландская партия.
2. К. Барделебен — А. Алехин. Защита Филидора.
3. А. Алехин — Б. Грегори. Венская партия.
4. А. Алехин — М. Видмар. Дебют четырех коней.
5. А. Алехин — С. Левитский. Гамбит слона.
6. А. Алехин — А. Нимцович. Испанская партия.
7. З. Тарраш — А. Алехин. Окончание партии.
8. А. Алехин — Г. Фарни. Французская защита.
9. А. Алехин — Н. Зубарев. Окончание партии.
10. А. Алехин — М. Фельдт (Л. Штольценбергер). Окончание партии.
11. И. Рабинович — А. Алехин. Дебют ферзевой пешки.
12. А. Алехин — А. Рубинштейн. Отказанный ферзевый гамбит.
13. А. Алехин — Ф. Ейтс. Отказанный ферзевый гамбит.
14. Е. Боголюбов — А. Алехин. Голландская партия.
15. А. Алехин — А. Рубинштейн. Отказанный ферзевый гамбит.
16. А. Алехин — С. Фримен. Окончание партии.
17. Р. Рети — А. Алехин. Дебют Рети.
18. А. Алехин — Ф. Маршалл. Новоиндийская защита.
19. А. Алехин — Л. Асталош. Окончание партии.
20. Х. Р. Капабланка — А. Алехин. Отказанный ферзевый гамбит.
21. А. Алехин — П. Потемкин. Окончание партии.
22. А. Алехин — А. Нимцович. Французская защита.
23. В. Пирц — А. Алехин. Отказанный ферзевый гамбит.
24. А. Алехин — Эм. Ласкер. Окончание партии.
25. М. Эйве — А. Алехин. Новоиндийская защита.
26. А. Алехин — П. Керес. Окончание партии.
27. А. Алехин — К. Юнге. Окончание партии.
28. Ф. Люпи — А. Алехин. Русская партия.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации, фонды 393, 418, 7576, 7952.

Отдел ЗАГС Центрального административного округа Москвы, книги записи браков за 1920 и 1921 гг.

Российский государственный архив древних актов, фонд 730.

Российский государственный архив кинофотодокументов.

Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 1525.

Российский государственный архив социально-политической истории.

Центр документации новейшей истории в Воронеже, фонд И–29.

Центральный архив МВД Российской Федерации, фонд 393.

Центральный архив ФСБ Российской Федерации, дело Р28167.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, фонд 355.

Центральный исторический архив Москвы, фонд 418.

Центральный архив научно-технической документации Москвы, дела 70/61, 204/221, 236/228.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ А. А. АЛЕХИНА

Международный шахматный турнир в Нью-Йорке, 1924. М., 1925; 2-е изд. М., 1929.

Мои лучшие партии. Книга первая (1903–1923). М.; Л., 1927; 2-е изд. М.;Л., 1928.

Международный шахматный турнир в Нью-Йорке, 1927. М.; Л., 1930; 2-е изд. М., 1989.

На пути к высшим шахматным достижениям (1924–1927). М., 1932; 2-е изд. Минск, 1982.

Матч Алехин — Эйве на первенство мира (в соавторстве с М. Эйве). М.;Л., 1936.

Ноттингем 1936. М., 1962.

КНИГИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. А. АЛЕХИНА

Алехин Алексей А. (составитель). Матч на первенство мира Алехин — Капабланка. Буэнос-Айрес, сентябрь — ноябрь 1927. Харьков, 1928.

Богатырчук Ф. П. Борьба за первенство мира (Алехин — Капабланка — Боголюбов). М., 1929.

Ботвинник М. М. Матч-реванш Алехин — Эйве на первенство мира, 1937. М.;Л., 1939.

Греков Н. И., Ненароков В. И. Международный шахматный турнир в Нью-Йорке, 1924. Сборник партий с подробными примечаниями А. А. Алехина и его статьей «Значение турнира для теории дебютов». М., 1925.

Греков Н. И. Международный шахматный турнир в Баден-Бадене, 1925 г. Сборник партий, в том числе с примечаниями А. А. Алехина. Л., 1929.

Зноско-Боровский Е. А. Шахматы и их чемпионы. Л., 1925.

Ильин-Женевский А. Ф. Матч Алехин — Капабланка. Л., 1927.

Кмох Г. Международный турнир в Бледе 1931 г. М.;Л., 1934.

Котов А. А. Александр Алехин. М., 1973.

Котов А. А. Белые и черные. Роман. М., 1965; 2-е изд. М., 1967; 3-е изд. М., 1981.

Котов А. А. Шахматное наследие Алехина. Т. 1–2. М., 1953–1958. 2-е изд. М., 1982.

Ласкер Э. Матч-реванш Алехин — Боголюбов на первенство

мира, 1934 г. М., 1937.

Левенфиш Г. Я., Романовский П. А. Матч Алехин — Капабланка па первенство мира. Л., 1928.

Линдер В. И., Линдер И. М. Алехин. М., 1992.

Матч Алехин — Боголюбов на первенство мира, 1929 г. М., 1931.

Матч Алехин — Эйве на первенство мира, 1935 г. Сборник партий с примечаниями А. Алехина и М. Эйве. М.; Л., 1936.

Международный турнир в Сан-Ремо, 1930 г. М.; Л., 1934.

Международный Шахматный Конгресс в память М. И. Чигорина. С.-Петербург, 1909. СПб., 1910. Факсимильное издание. М., 1980.

Международный турнир памяти Алехина. Москва, 1956 г. М., 1958.

Международный шахматный турнир в Кечкемете, 1927. Сборник партий, в том числе с примечаниями А. А. Алехина. Л., 1929.

Мирлес А. Гений комбинаций гроссмейстер А. А. Алехин. Киев, 1926.

Панов В. Н. 300 избранных партий Алехина с его собственными примечаниями. М., 1954.

Ситников П. С. За шахматную корону. Харьков, 1928.

Тартаковер С. Г. Нью-йоркский матч-турнир, 1927. Л., 1927.

Чарушин В. А. 226 коротких партий Александра Алехина. Нижний Новгород, 1992.

Чарушин В. А. У роковой черты (Александр Алехин в 1939–1946). Нижний Новгород, 1996.

Чашихин В. Д. Алехин: моя борьба. М., 1992.

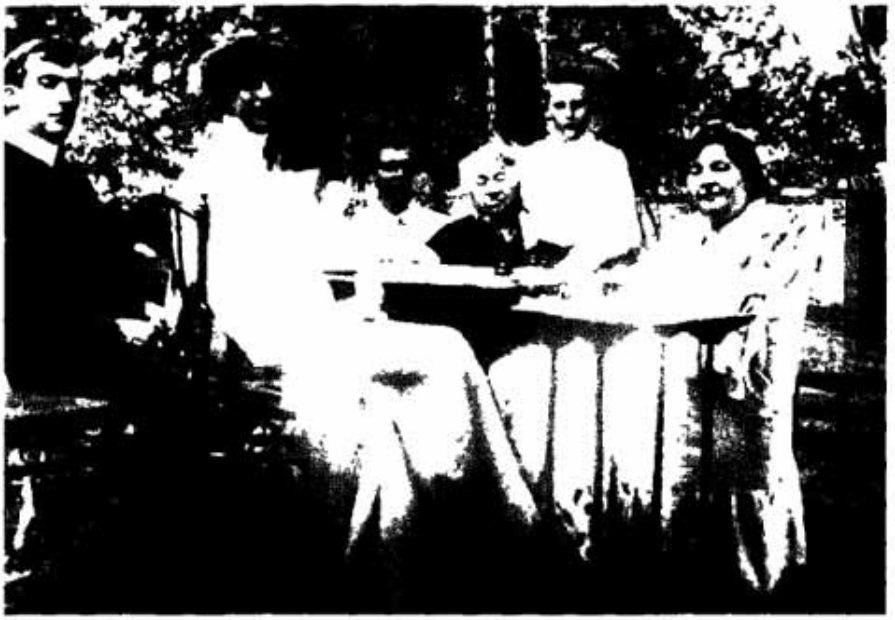
Шабуров Ю. Н. Александр Алехин — непобежденный чемпион. М., 1992.

Иллюстрации

Александр Иванович Алехин, отец А. А. Алехина.

Анна Александровна Прохорова, бабушка А. А. Алехина.

Здесь, в Борисоглебском переулке, 9, в трехэтажном здании до 1918 года находился Александровский приют Комитета «Христианская помощь», а в одноэтажной пристройке к нему — церковь Александра Невского, где 10 (22) ноября 1892 года новорожденного Алехина нарекли Александром.



Семья Алехиных — Прохоровых в начале 1900-х годов. *Справа* — мать великого шахматиста Анисья Ивановна Алехина, *в центре* — его бабушка Анна Александровна Прохорова с внуками

Александром (стоит, обнимая бабушку), Алексеем и Варварой.

Подмосковная дача Прохоровых в Покровском-Глебове, где Алехины часто отдыхали.

За этим особняком с мезонином в Никольском (ныне Плотниковом) переулке, 12, принадлежавшем вдове московского купца Е. И. Кузнецовой, в глубине двора находился двухэтажный дом, в котором семья Алехиных снимала до 1913 года квартиру № 1. *Чертеж по архивным документам выполнен Ю. Н. Шабуровым.*

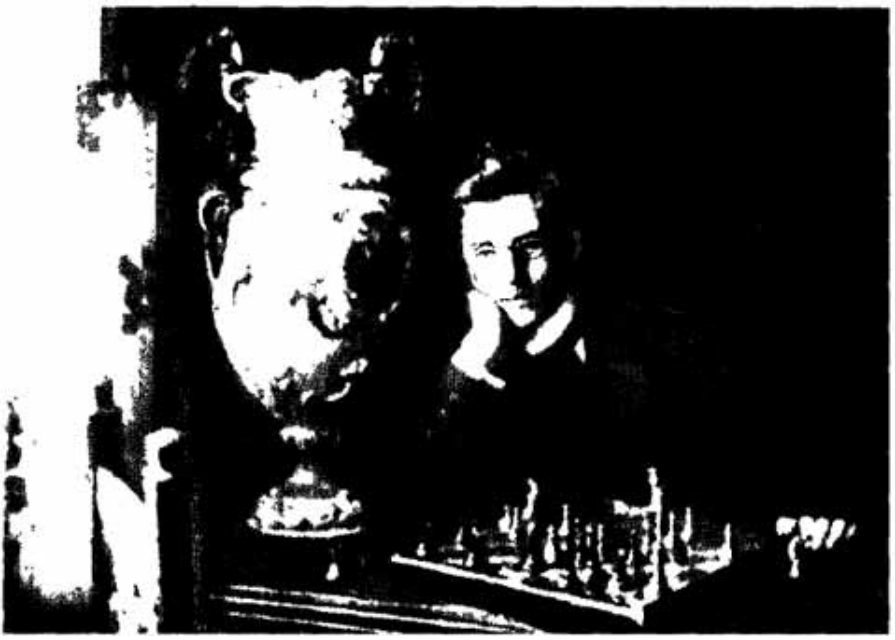
В семье Алехиных-Прохоровых За столиком *крайний справа* — Александр, напротив него — старший брат Алексей. *В третьем ряду первый слева* — Александр Иванович Алехин, их отец. Перед ними *сидят* дочь Варвара, жена Анисья Ивановна и гувернантка-немка Мария Федоровна Кеслер. *1901 год.*

Александр Алехин — учащийся Поливановской гимназии. *С рисунка Л. Киприановича.*

В этом здании на улице Пречистенка, 12, во второй половине XIX — начале XX века находилась мужская классическая гимназия Л. И. Поливанова, где в 1902–1910 годах учился Александр Алехин.

Михаил Иванович Чигорин.

Участники Всероссийского турнира любителей памяти М. И. Чигорина. *1909 год.*



Победитель Всероссийского турнира любителей 1909 года Александр Алехин с призом — вазой, пожалованной императором Николаем II.

Санкт-Петербург. Набережная Фонтанки, 6. В этом здании находилось Императорское Санкт-Петербургское училище правоведения, где в 1911–1914 годах учился Александр Алехин.

Александр Алехин после победы в турнире мастеров 1914 года.

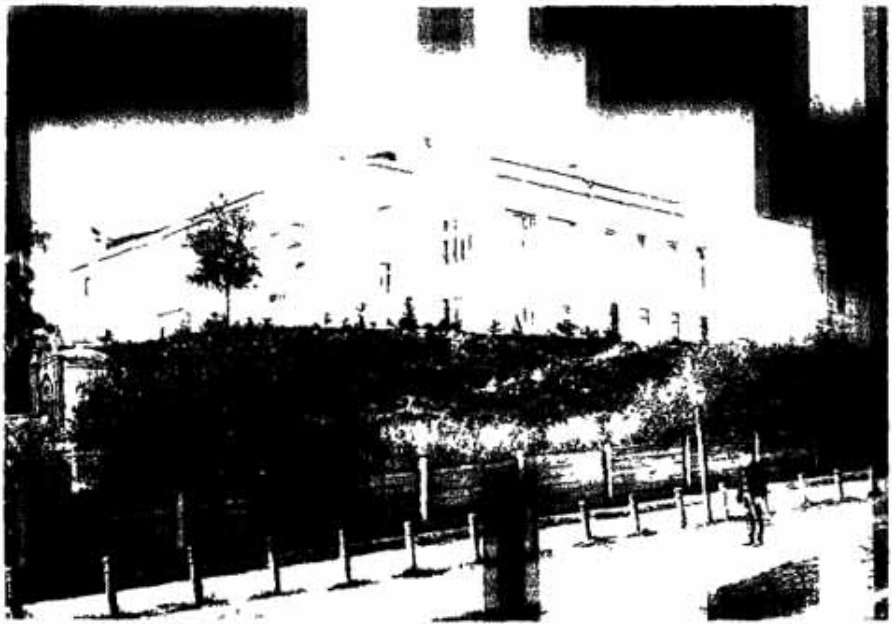
Александр Алехин и Хосе Рауль Капабланка за шахматной партией *Санкт Петербург, 1914 год.*

Участники Санкт-Петербургского международного турнира 1914 года. *Сидят третий слева* — Эм. Ласкер, *второй справа* — Х. Р. Капабланка. *Стоит третий слева* А. Алехин.

Главный усадебный дом Алехиных в имении «Красная долина» Землянского уезда Воронежской губернии. *Фото 1996 года.*

Александр Алехин, лидер турнира в Мангейме. *1914 год.*

Эмануил Ласкер.



Дом Прохоровых в Москве, отданный под лазарет в годы Первой мировой войны.

Александр Алехин, сотрудник Комитета Всероссийского Союза городов — Земгора, уполномоченный отряда Красного Креста, титулярный советник, штабс-капитан. *1917 год.*

В этом здании на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка, дом 7/5, на третьем этаже, в мае 1920 года был открыт первый в послереволюционной Москве шахматный клуб. Здесь же в октябре 1920 года состоялась Первая Всероссийская шахматная Олимпиада, на которой Александр Алехин завоевал звание первого чемпиона Советской России.

Первый чемпион России Александр Алехин. *1920 год.*

Анна-Лиза Рюэгг.

Группа делегатов Коминтерна в Москве в 1920 году. Крестом отмечен А. А. Алехин, работавший переводчиком; двумя крестами — швейцарская журналистка А.-Л. Рюэгг, ставшая 15 марта 1921 года женой Алехина.

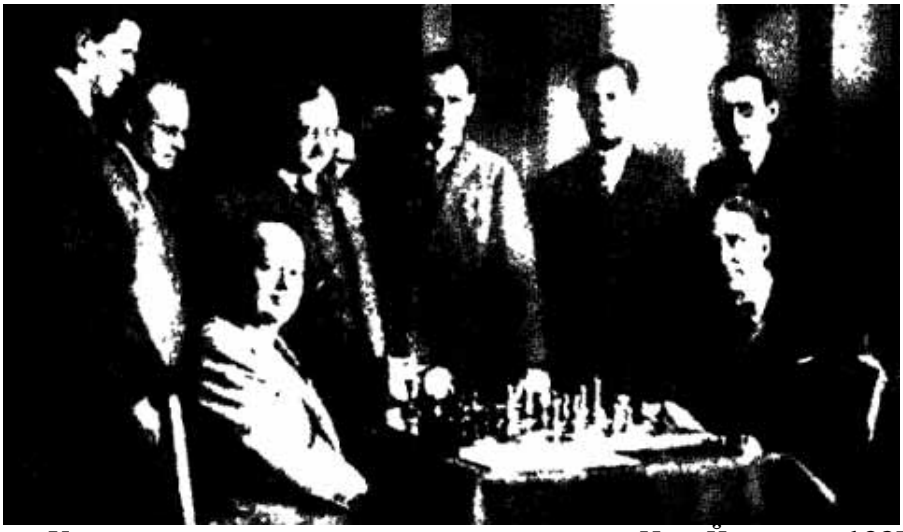
Депутаты Коминтерна в поездке по Советской России. А. А. Алехин *второй справа.*

Депутаты Коминтерна в поездке по Советской России. А. А. Алехин помечен стрелкой.

В начале штурма шахматного Олимпа. *1923 год.*

Один из последних снимков Александра Алехина на Родине. У московского особняка Прохоровых в Большом Трехгорном переулке на Пресне в 1920 году.

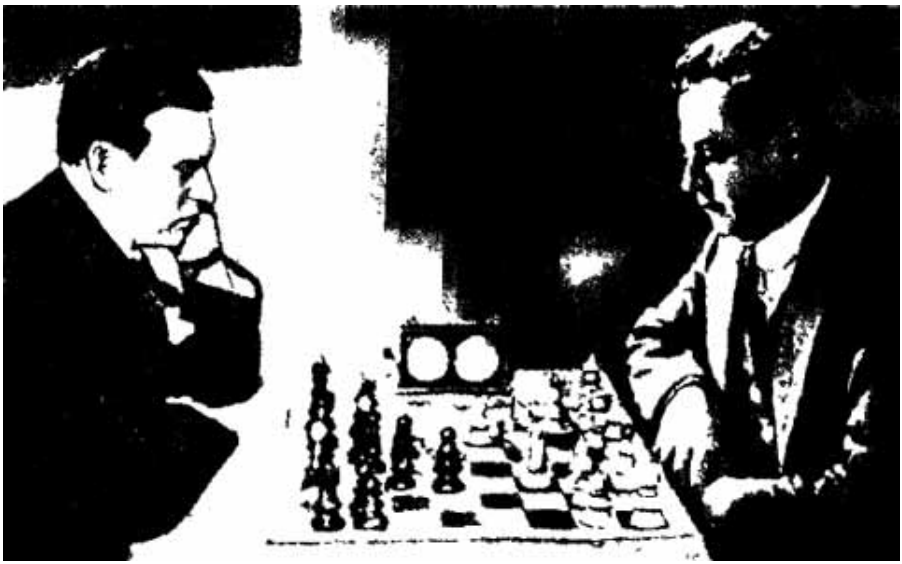
Участники международного турнира в Земмеринге в 1926 году.



Участники международного турнира в Нью-Йорке в 1927 году. *Стоят* — Мароци, Нимцович, Видмар, Алехин, Капабланка, Ледерер. *Сидят* — Шпильман, Маршалл.

Александр Алехин.

Хосе Рауль Капабланка.



Первая партия матча на первенство мира. *Буэнос-Айрес, 1927 год.*

После завоевания титула чемпиона мира.

После блистательной победы в Баден-Бадене и защиты диссертации на ученую степень доктора права в Париже. *1925 год.*

Эмблема масонской ложи «Астрея», членом которой был Алехин.

Александр Алехин и Осип Бернштейн спустя три месяца после вступления в масонскую ложу. *В центре* — Е. Зноско-Боровский. *Париж, 1928 год.*

Александр Алехин с сыном Александром в Цюрихе. *1926 год.*

Матч на первенство мира между А. А. Алехиным и Е. Д. Боголюбовым. *1929 год.*

Арон Нимцович.

Ефим Боголюбов.

Поединок австрийского гроссмейстера Эрнста Грюпфельда и Александра Алехина на 4-й шахматной Олимпиаде в Праге. *1931 г.*

Эрнст Грюнфельд.

Савелий Тартаковер.

Во время второго матча на первенство мира между А. А. Алехиным и Е. Д. Боголюбовым. *1934 год.*

Александр Алехин.

Макс Эйве.

Александр Алехин и Макс Эйве за партией матча на первенство мира. *1935 год.*

РЕДАКЦИЕЙ „64" ПОЛУЧЕНО ПИСЬМО ОТ А. А. АЛЕХИНА

CARLTON HOTEL ..

Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший прогрессивное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культуры, — шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-ти годовщины Октября.

А. Алехин

Амстердам 29/X 1935

Письмо Александра Алехина в редакцию газеты «64». *29 октября 1935 года.*

Участники международного турнира в Ноттингеме. *1936 год.*

Александр Алехин со своим любимцем — котом по имени Чесс.

Прибытие Алехина в Амстердам для участия в матче-реванше с Эйве. *1937 год.*

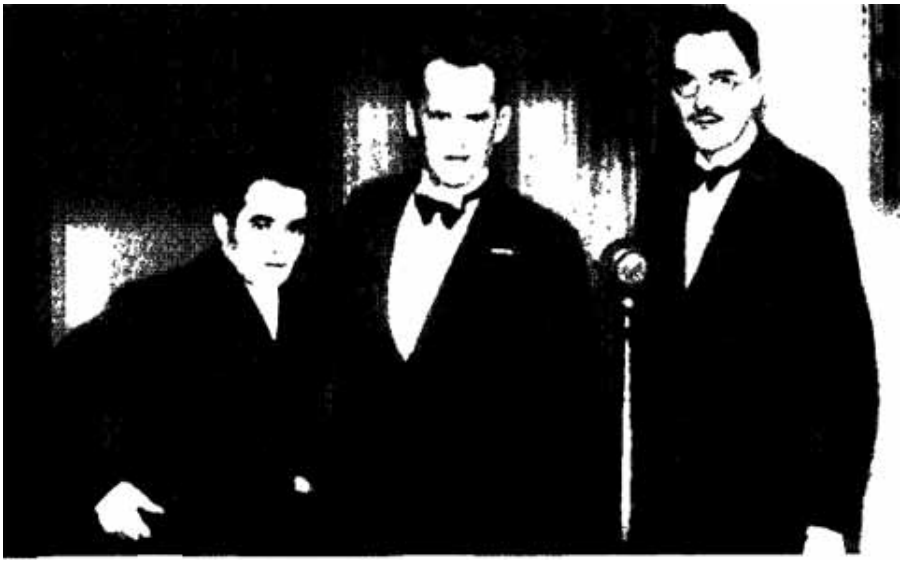
После победы над Эйве и возвращения звания чемпиона мира.

Грейс Висхар во время повторного матча ее супруга с М. Эйве в 1937 году.

Дружеский шарж: Алехин — первая скрипка на АВРО-турнире. *1938 год.*

Пауль Керес.

Михаил Ботвинник.

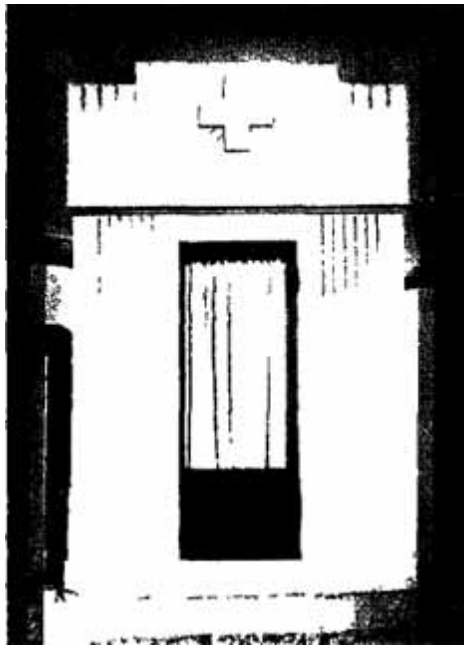


АВРО-турнир. *Слева направо* — С. Флор, А. Алехин, М. Эйве.

Одна из последних фотографий Алехина.

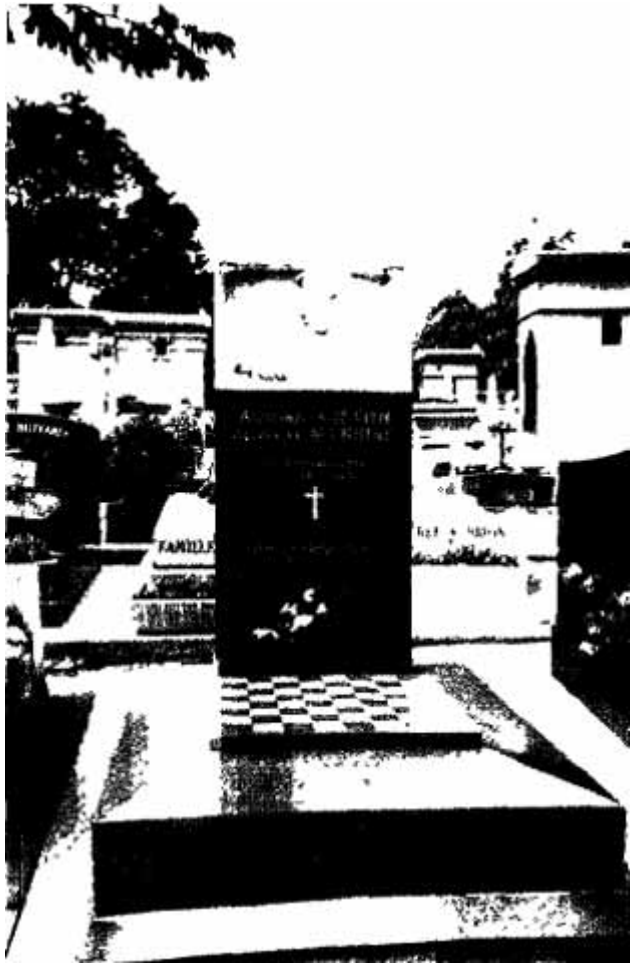
Внезапная кончина непобежденного чемпиона мира по шахматам Александра Александровича Алехина 24 марта 1946 года в номере отеля «Парк» португальского города Эшторил.

Улица Александра Алехина в Эшториле.



Склеп на кладбище близ города Эшторил, в котором саркофаг с телом Алехина находился с 1946 по 1956 год.

Саркофаг с телом Алехина.



Памятник на парижском кладбище Монпарнас, куда саркофаг с телом Алехина был перевезен в 1956 году.

Кладбище Монпарнас в Париже. 24 марта 1993 года. *Слева направо* — десятый чемпион мира по шахматам Борис Спасский, послушник Оптиной пустыни Евгений Лукьянов и настоятель Троицкого храма в Ванве игумен Александр (Елисеев), отслуживший панихиду в день кончины первого русского чемпиона мира по шахматам.

notes

Примечания

1

Название страны и городов участников Конгресса приводятся по тексту оперативно и прекрасно изданного в 1910 году сборника партий международного турнира маэстро и турнира русских любителей «Международный Шахматный Конгресс в память М. И. Чигорина». Санкт-Петербург, 1909.